АГЕНТСТВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УРАЛЬСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

Сборник статей
по итогам
Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием

04 октября 2026 г.

Стерлитамак, Российская Федерация
Агентство международных исследований
Agency of international research
2026

УДК 00(082) + 001.18 + 001.89
ББК 94.3 + 72.4: 72.5
У 686

У 686 УРАЛЬСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ: Сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Киров, 04 октября 2026 г.). - Стерлитамак: АМИ, 2026. - 200 с.

ISBN 978-5-908102-94-0

Сборник статей подготовлен на основе докладов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «УРАЛЬСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ», состоявшейся 04 октября 2026 г. в г. Киров.

Научное издание предназначено для докторов и кандидатов наук, преподавателей вузов, докторантов, аспирантов, магистрантов, практикующих специалистов, студентов учебных заведений, а также всех, проявляющих интерес к рассматриваемой проблематике с целью использования в научной работе, педагогической и учебной деятельности.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей, за соблюдение законов об интеллектуальной собственности и за сам факт их публикации. Редакция и издательство не несут ответственности перед авторами и / или третьими лицами и / или организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Полнотекстовая электронная версия сборника размещена в свободном доступе на сайте https: // ami.im

Издание постатейно размещёно в научной электронной библиотеке elibrary.ru по договору № 1152 - 04 / 2015К от 2 апреля 2015 г.

ISBN 978-5-908102-94-0
УДК 00(082) + 001.18 + 001.89
ББК 94.3 + 72.4: 72.5

© ООО «АМИ», 2026
© Коллектив авторов, 2026

Ответственный редактор:

Сукиасян Асатур Альбертович, к.э.н.

В состав редакционной коллегии и организационного комитета входят:

Абдуллин Тимур Зуфарович, к.т.н.
Абидова Гулмира Шухратовна, д.т.н.
Авазов Сардоржон Эркин угли, д.с. - х.н.
Агафонов Юрий Алексеевич, д.м.н.
Алейникова Елена Владимировна, д.гос.упр.
Алиев Закир Гусейн оглы, д.фил.агр.н.
Андрейчев Алексей Владимирович, к.б.н.
Бабаян Анжела Владиславовна, д.пед.н.
Баишева Зиля Вагизовна, д.фил.н.
Байгузина Люза Закиевна, к.э.н.
Булатова Айсылу Ильдаровна, к.соц.н.
Бурак Леонид Чеславович, к.т.н., PhD
Ванесян Ашот Саркисович, д.м.н.
Васильев Федор Петрович, д.ю.н., член РАЮН
Вельчинская Елена Васильевна, д.фарм.н.
Виневская Анна Вячеславовна, к.пед.н.
Габрусь Андрей Александрович, к.э.н.
Галимова Гузалия Абкадировна, к.э.н.
Гетманская Елена Валентиновна, д.пед.н.
Гимранова Гузель Хамидулловна, к.э.н.
Григорьев Михаил Федосеевич, д.с. - х.н.
Грузинская Екатерина Игоревна, к.ю.н.
Гулиев Игбал Адилевич, к.э.н.
Датий Алексей Васильевич, д.м.н.
Долгов Дмитрий Иванович, к.э.н.
Дусматов Абдурахим Дусматович, к. т. н.
Ежкова Нина Сергеевна, д.пед.н.,
Екшикеев Тагер Кадырович, к.э.н.
Епхиева Марина Константиновна, к.пед.н.
Ефременко Евгений Сергеевич, к.м.н.
Закиров Мунавир Закиевич, к.т.н.
Зарипов Хусан Баходирович, PhD.
Иванова Нионила Ивановна, д.с. - х.н.
Калужина Светлана Анатольевна, д.х.н.
Канарейкин Александр Иванович, к.т.н.
Касимова Дилара Фаритовна, к.э.н.
Киракосян Сусана Арсеновна, к.ю.н.
Киркимбаева Жумагуль Слямбековна, д.вет.н.
Кленина Елена Анатольевна, к.филос.н.
Клещина Марина Геннадьевна, к.э.н.,
Козлов Юрий Павлович, д.б.н.,
Кондрашихин Андрей Борисович, д.э.н.
Кониковская Наталья Олеговна, к.э.н.
Конопацкова Ольга Михайловна, д.м.н.
Куликова Татьяна Ивановна, к.псих.н.
Курбанаева Лилия Хамматовна, к.э.н.
Курманова Лилия Рашидовна, д.э.н.
Ларионов Максим Викторович, д.б.н.
Малышкина Елена Владимировна, к.и. н.
Маркова Надежда Григорьевна, д.пед.н.
Мещерякова Алла Брониславовна, к.э.н.
Мухамадеева Зинфира Фанисовна, к.соц.н.
Мухамедова Гулчехра Рихсибаевна, к.пед.н.
Набиев Тухтамурод Сахобович, д.т.н.
Нурдавлятова Эльвира Фанизовна, к.э.н.
Песков Аркадий Евгеньевич, к.полит.н.
Половеня Сергей Иванович, к.т.н.
Пономарева Лариса Николаевна, к.э.н.
Починалов Александр Владимирович, д.м.н.
Прошин Иван Александрович, д.т.н.
Равшанов Махмуд, д.филол. н.
Саттарова Рано Кадыровна, к.биол.н.,
Сафина Зиля Забировна, к.э.н.
Симонович Надежда Николаевна, к.псих. н.
Симонович Николай Евгеньевич, д.псих. н.
Сирик Марина Сергеевна, к.ю.н.
Смирнов Павел Геннадьевич, к.пед.н.
Старцев Андрей Васильевич, д.т.н.
Танаева Замфира Рафисовна, д.пед.н.
Терзиев Венелин Кръстев, д.э.н., член РАЕ
Трифонова Елена Николаевна, к.э.н.
Умаров Бехзод Тургунпулатович, д.т.н.
Хайров Расим Золимхон углы, к.пед.н.
Хамзаев Иномжон Хамзаевич, к. т. н.
Хасанов Сайдинаби Сайдивалиевич, д.с. - х.н.
Чернышев Андрей Валентинович, д.э.н.
Чиладзе Георгий Бидзинович, д.э.н., д.ю.н.
Шилкина Елена Леонидовна, д.соц.н.
Шкирмонтов Александр Прокопьевич, д.т.н.
Шляхов Станислав Михайлович, д.физ. - мат.н.
Шошин Сергей Владимирович, к.ю.н.
Юсупов Рахимьян Галимьянович, д.и. н.
Яковишина Татьяна Федоровна, д.т.н.
Янгиров Азат Вазирович, д.э.н.
Яруллин Рауль Рафаэллович, д.э.н., член РАЕ

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

MEDICAL SCIENCES

Рожков Г.О.
курсант
Военно - медицинская академия
Санкт - Петербург, Россия
Бобохонов Д.Х.
курсант
Военно - медицинская академия
Санкт - Петербург, Россия
Научный руководитель:
Зудова Т.И.
преподаватель кафедры нормальной физиологии
Военно - медицинская академия
Санкт - Петербург, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ КАЧЕСТВА СНА В ПЕРИОД ЭКЗАМЕНАЦИОННОЙ СЕССИИ

Аннотация

Актуальность: высокая учебная нагрузка в медицинских вузах и недостаточная изученность особенностей сна в экзаменационный период определяют необходимость анализа качества сна обучаемых с учётом напряжённости учебных дней.

Цель: проанализировать субъективную оценку качества сна с учётом напряжённости дня в период экзаменационной сессии.

Метод: в исследовании участвовали 24 здоровых мужчины первой возрастной группы. В течение 15 - дневной сессии ежедневно заполнялся опросник, включающий оценку напряжённости дня и параметров ночного и дневного сна.

Результаты: В предэкзаменационные дни среди курсантов возрастала доля отмечавших влияние тревожных мыслей на качество сна — наиболее заметно перед экзаменами по дисциплинам «Анатомия человека» и «Гистология с курсом эмбриологии» и перед зачётом по «Физической подготовке». В следующие за ними дни усиливалась дневная сонливость: труднее всего было оставаться бодрствующими в день экзаменов по дисциплинам «Анатомия человека» и «Гистология с курсом эмбриологии». При этом общая продолжительность сна у большинства курсантов сохранялась в пределах средних значений. Выявлена прямая зависимость между напряжённостью предшествующего дня и продолжительностью сна: чем выше была нагрузка, тем больше времени требовалось на восстановление. Таким образом, в период повышенной учебной нагрузки изменения затрагивают преимущественно качество сна и дневное самочувствие, тогда как его общая продолжительность остаётся стабильной.

Ключевые слова: учебный процесс, экзаменационная сессия, напряженность дня, отдых, ночной сон, нагрузка, структурный анализ, обучаемые медицинского вуза.

Введение: Сон имеет важное физиологическое значение [4, с. 162; 24, с. 941]. Недосып вызывает нарушения нейроэндокринного гомеостаза, что напрямую связанно с повышенным риском когнитивных нарушений и расстройств [19, с. 588]. Сон имеет большое значение для формирования условий эффективного учебного процесса [9, с. 205]. Ранее проводились исследования по адаптации к учебной неделе в межсессионный период [12, с. 84], в том числе по напряжённости учебных дней [10, с. 173].

В сравнении с межсессионным, экзаменационный период характеризуется повышенным уровнем стресса, тревожности и общей напряженности, что может приводить к более выраженным нарушениям сна [11, с. 67; 12, с. 84]. Однако особенности сна в экзаменационный период остаются недостаточно изученными.

Цель исследования: проанализировать субъективную оценку качества сна с учётом напряженности дня в период экзаменационной сессии.

Объекты и методика: исследование было проведено в коллективе практически здоровых лиц мужского пола первой возрастной группы (n = 24).

Все участники исследования дали добровольное информированное согласие на использование результатов опросов в исследовательских и научных целях без привязки к личности.

Экзаменационная сессия длилась 15 дней и включала в себя 3 экзаменационных, 1 зачетный и 2 выходных дня. На каждый экзамен по дисциплинам «Философия» (Ф), «Анатомия человека» (АЧ) и «Гистология с курсом эмбриологии» (ГкЭ) выделялось по 3 учебных дня для самоподготовки перед экзаменом. Для зачета по дисциплине «Физическая подготовка» (ФП) отдельных дней на самоподготовку не выделялось.

На основе существующих валидизированных вопросников [2, с. 394; 3, с.48; 4, с. 162; 6, с. 35; 7, с. 149; 8, с. 164; 9, с.205; 13, с. 51; 14, с. 32; 15, с. 16; 17, с.64; 18, с. 125; 20, с. 15; 21, с.412; 25, с. 3274], для исследования нами был составлен собственный опросник, включающий вопросы о субъективной оценке тестируемыми напряженности вчерашнего дня, сегодняшнего дня, оценки качества ночного и дневного сна (таблицы 1, 2) (всего 34 вопроса).

Вопросник имел следующий общий вид:

Оцените напряженность дня ВЧЕРА

1. Насколько сложно Вам было оставаться бодрствующим (не засыпать) в течение дня?

1 - совсем не сложно, 2 - немного сложно, 3 - сложно, 4 - с большим трудом, 5 - невыносимо тяжело;

2. Насколько сильную физическую усталость Вы ощутили в конце дня?

1 - совсем не устал, 2 - немного устал, 3 - средняя усталость, 4 - сильно устал, 5 - очень сильно устал;

3. Опишите характер физических нагрузок в течение дня (подчеркните вариант ответа):

1 – нагрузок не было, 2 - низкая нагрузка, 3 – средняя нагрузка, 4 – сильная нагрузка, 5 - очень сильная нагрузка;

индивидуальные нагрузки / занятие по физической подготовке / занятие со спортивной командой;

4. Насколько сильную умственную усталость (напряжение, "тяжесть" в голове) Вы ощутили в конце дня?

1 - совсем не устал, 2 - немного устал, 3 - средняя усталость, 4 - сильно устал, 5 - очень сильно устал;

5. Насколько сложно Вам было сохранять достаточный настрой на то, чтобы сделать все дела?

1 - совсем не сложно, 2 - немного сложно, 3 - сложно, 4 - с большим трудом, 5 - невыносимо тяжело.

Таблица 1. Анкета оценки качества ночного сна

Оцените свой НОЧНОЙ сон СЕГОДНЯ	
Время отхода ко сну	
Время пробуждения	
Сколько времени Вам понадобилось, чтобы заснуть	
Насколько хорошо Вы выспались (1 - совершенно не выспался, 2 - очень не выспался, 3 - немного не выспался 4 - достаточно выспался, 5 – шикарно выспался)	**1 2 3 4 5**
Как часто Вы просыпались за время сна (не считая окончательное пробуждение)	
Если просыпались, то удавалось ли заснуть снова меньше чем за 15 минут?	**Да / Нет**
Вы просыпались из - за страшного или просто странного сна?	**Да / Нет**
Вы храпели во время сна? (спросите у соседа по комнате; если вы спите в комнате один, ответьте не знаю)	**Да / Нет / Не знаю**
Вы активно ворочались во время сна? (спросите у соседа по комнате; если вы спите в комнате один, ответьте не знаю)	**Да / Нет / Не знаю**
Вы говорили во время сна? (спросите у соседа по комнате; если вы спите в комнате один, ответьте не знаю)	**Да / Нет / Не знаю**
Тревожные мысли об экзамене мешали заснуть	**Да / Нет**
Тревожные мысли о других проблемах мешали заснуть	**Да / Нет**

Таблица 2. Анкета оценки качества дневного сна

Оцените свой ДНЕВНОЙ сон СЕГОДНЯ	
Время отхода ко сну	
Время пробуждения	
Сколько времени Вам понадобилось, чтобы заснуть	
Насколько хорошо Вы выспались (1 - совершенно не выспался, 2 - очень не выспался, 3 - немного не выспался 4 - достаточно выспался, 5 – шикарно выспался)	**1 2 3 4 5**
Как часто Вы просыпались за время сна (не считая окончательное пробуждение)	
Если просыпались, то удавалось ли заснуть снова меньше чем за 15 минут?	**Да / Нет**
Вы просыпались из - за страшного или просто странного сна?	**Да / Нет**
Вы храпели во время сна? (спросите у соседа по комнате; если вы спите в комнате один, ответьте не знаю)	**Да / Нет / Не знаю**
Вы активно ворочались во время сна? (спросите у соседа по комнате; если вы спите в комнате один, ответьте не знаю)	**Да / Нет / Не знаю**
Вы говорили во время сна? (спросите у соседа по комнате; если вы спите в комнате один, ответьте не знаю)	**Да / Нет / Не знаю**
Тревожные мысли об экзамене мешали заснуть	**Да / Нет**
Тревожные мысли о других проблемах мешали заснуть	**Да / Нет**

Оцените напряженность дня СЕГОДНЯ

1. Насколько сложно Вам было оставаться бодрствующим (не засыпать) в течение дня?

1 - совсем не сложно, 2 - немного сложно, 3 - сложно, 4 - с большим трудом, 5 - невыносимо тяжело;

2. Насколько сильную физическую усталость Вы ощутили в конце дня?

1 - совсем не устал, 2 - немного устал, 3 - средняя усталость, 4 - сильно устал, 5 - очень сильно устал;

3. Опишите характер физических нагрузок в течение дня (подчеркните вариант ответа):

1 – нагрузок не было, 2 - низкая нагрузка, 3 – средняя нагрузка, 4 – сильная нагрузка, 5 - очень сильная нагрузка;

индивидуальные нагрузки / занятие по физической подготовке / занятие со спортивной командой;

4. Насколько сильную умственную усталость (напряжение, "тяжесть" в голове) Вы ощутили в конце дня?

1 - совсем не устал, 2 - немного устал, 3 - средняя усталость, 4 - сильно устал, 5 - очень сильно устал;

5. Насколько сложно Вам было сохранять достаточный настрой на то, чтобы сделать все дела?

1 - совсем не сложно, 2 - немного сложно, 3 - сложно, 4 - с большим трудом, 5 - невыносимо тяжело.

Данные с опросников оценивались за каждый день экзаменационной сессии.

Результаты и их обсуждения

Мы провели контент - анализ депонированных за 2000–2025 год научных работ в наукометрической базе данных (НБД) Российского индекса национального тестирования (РИНЦ) по запросам, отражающим направление исследования: «сон», «учеба» и «сон & учеба» (рис. 1). Из графического анализа видно, что опубликовано достаточно много работ по рассматриваемой нами теме в контенте «учёба» и «сон». При этом, все три контента неуклонно вызывают интерес со стороны исследователей.

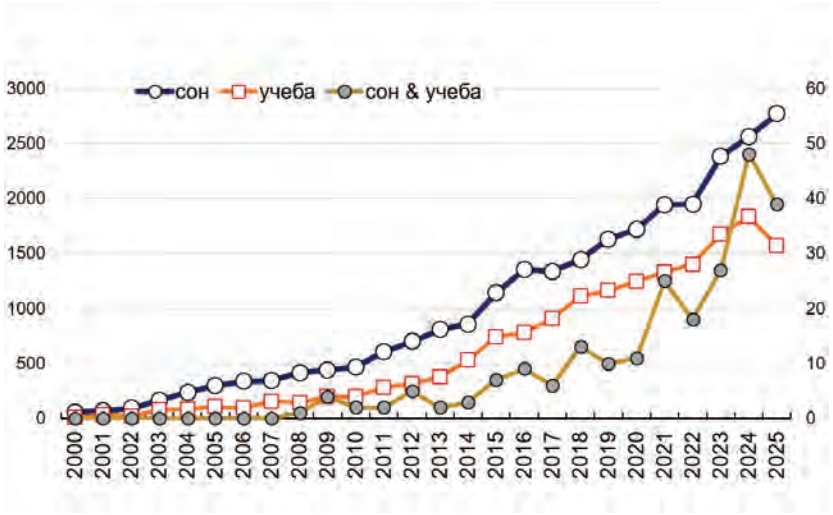

Рисунок 1. Результаты контент - анализа; по левой оси «Y» - «сон» и «учёба», по правой оси «Y» - «сон & учёба»

Представленные результаты контент - анализа в РИНЦ продемонстрировали актуальность выбранного нами направления исследования.

Средняя продолжительность общего сна (ночной сон + дневной сон) в группе соответствует рекомендациям Национального Фонда Сна США (National Sleep Foundation, NSF) для исследуемой возрастной группы [23, с. 41]. При этом доля

ночного сна в общей продолжительности суточного составила 95 %. Границы нижнего и верхнего квартиля общей продолжительности сна за сутки составили 472,085 минут (7,87 часов) и 507,085 минут (8,45 часов) соответственно. При этом диапазон средней продолжительности общего сна в группе составил от 242 до 782,33 минут (от 4,03 до 13,03 часа).

Средняя продолжительность ночного сна в группе составила 462,24 минуты (7,7 часов), что соответствует физиологической норме, диапазон средней продолжительности ночного сна в группе составил от 229 до 726 минут (от 3,82 до 12,01 часов).

Средняя продолжительность дневного сна в группе составила 22,07 минуты, диапазон средней продолжительности дневного сна в группе составил от 0 до 201,67 минут (от 0 до 3,36 часов)

Средняя оценка напряженности дня составила 276,53 балла из 600 (46,09 % от максимальной напряженности), что соответствует вариантам ответа «средняя усталость», «средняя нагрузка».

На графике (рис. 2) прослеживается прямая зависимость между напряжённостью дня, предшествовавшего сну, и общей продолжительностью сна. Полученная зависимость согласуется с данными о том, что в периоды повышенной нагрузки (экзаменационный стресс, интенсивная учебная неделя) у студентов ухудшается качество сна, увеличивается время засыпания и растёт тревожность, а восстановление требует большего времени [1, с. 524–525; 16, с. 61–62]. Таким образом, напряжённость предшествующего дня выступает одним из факторов, определяющих не только качество, но и общую продолжительность сна: чем она выше, тем выраженнее компенсаторное удлинение сна, направленное на восстановление функционального состояния организма.

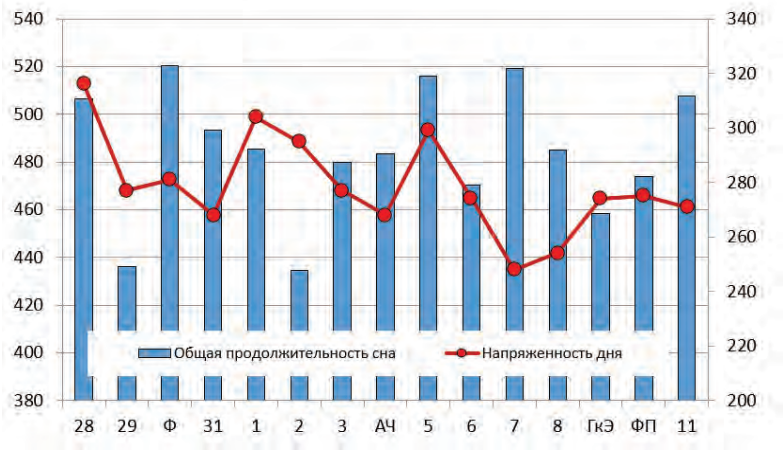

Рисунок 2. Динамика самооценки продолжительности сна и напряженности дня, предшествующего сну

Перед экзаменами по АЧ и ГкЭ, а также перед зачётом по ФП росло число курсантов, отмечавших влияние тревожных мыслей на качество сна. Сложнее всего оставаться бодрствующими в течение дня опрашиваемым было в день экзаменов по АЧ и ГкЭ (рис. 3). Эта зависимость может указывать на снижение качества сна в связи с повышенной тревожностью в предшествующие дни. Это объясняется тем, что повышенная тревожность увеличивает время засыпания, число ночных пробуждений и уменьшает долю стадии «глубокого медленного сна» от общей продолжительности сна [22, с. 281]. При этом у опрашиваемых общая продолжительность сна остаётся в пределах средних значений, то есть изменения затрагивают преимущественно качественную, а не количественную характеристику сна.

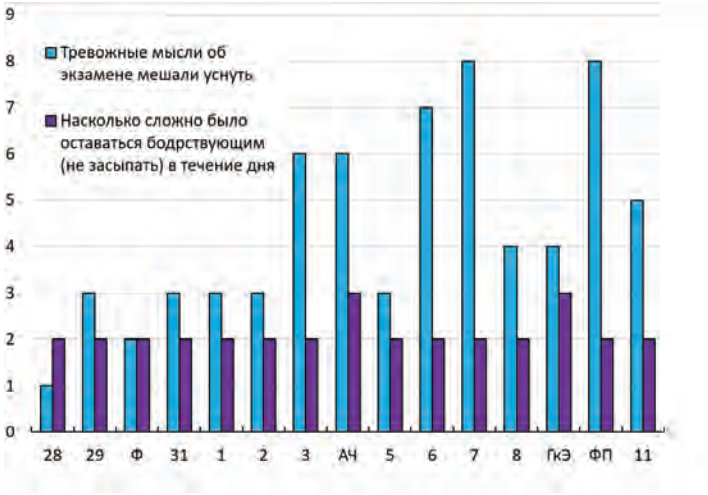

Рисунок 3. Самооценка состояния

Заключение: Проведённое исследование позволило оценить динамику показателей сна, тревожности и функционального состояния курсантов на протяжении учебного периода, включающего экзамены по Ф, АЧ, ГкЭ и зачёт по ФП. Полученные данные свидетельствуют о том, что в предэкзаменационные дни возрастает число опрашиваемых, отмечающих влияние тревожных мыслей на качество сна, а также увеличивается выраженность дневной сонливости, что наиболее отчётливо проявляется в день экзаменов по АЧ и ГкЭ.

При этом общая продолжительность сна у большинства курсантов сохраняется в пределах средних значений, тогда как качественные характеристики сна ухудшаются. Это указывает на то, что ведущим фактором, опосредующим изменения сна в период повышенной учебной нагрузки, выступает не дефицит времени сна как таковой, а рост тревожности и эмоционального напряжения. Выявленная прямая зависимость между напряжённостью предшествующего дня и

общей продолжительностью сна отражает компенсаторную реакцию организма: чем выше напряжённость дня, тем больше времени требуется на отдых и восстановление.

Вывод: Результаты исследования подтверждают, что экзаменационный стресс оказывает влияние на сон курсантов, а тревожность является значимым предиктором снижения качества сна и усиления дневной сонливости в сессионный период.

Список использованной литературы:

1. Абдуллаева М.А., Комиссарова О.В., Хатуаев Р.О. и др. Влияние экзаменационного стресса на качество сна и уровень тревожности у студентов медицинского вуза // Казанский медицинский журнал. 2021;102(4): С. 522–527.
2. Бочкарев М.В., Коростовцева Л.С., Свиряев Ю.В. Влияние нарушений сна на риск развития сердечно - сосудистых заболеваний // Артериальная гипертензия. 2020;26(4): С.384–396.
3. Бузунов Р.В., Пальман А.Д., Мельников А.Ю. Валидизация русскоязычной версии Питтсбургского опросника качества сна (PSQI) // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2020;120(9): С. 45–50.
4. Грязева Е.Д., Кузнецов О.Ю., Петрова Г.С. Гигиена учебного труда студентов: учебное пособие. Тула: Изд - во ТулГУ; 2012. 164 с.
5. Дьячкова Е.В., Зуйкова А.А., Поликарпова М. С., Романова М.М. Применение клинического опросника Яхина–Менделевича для оценки психоэмоционального статуса студентов в условиях экзаменационного стресса // Вестник психотерапии. 2021;(80–85): С.94–104.
6. Кельмансон И.А., Аникина Е.И. Валидизация русскоязычной версии индекса тяжести инсомнии (ISI) // Неврологический вестник. 2020;52(4): С.31–37.
7. Куликов Л.В. Методика «Доминирующее состояние». // В кн.: Практикум по психодиагностике личности / редактор - составитель Н.К. Ракович. Минск: БГПУ; 2002. С. 137–151.
8. Магомедов А.О., Журкин Р.В. Магомедов, А. О. Психофизиологический мониторинг учебной недели в организованном коллективе обучающихся // Молодой исследователь 2023: сборник статей Международной научно - практической конференции, Пенза, 30 августа 2023 года. - Пенза: Наука и Просвещение. 2023. С. 162 - 166.
9. Агасарян Э.Г., Знаменская И.А., Кузнецова И.А., Марков А.А. Использование опросника SATED для оценки гигиены сна у студентов российских вузов // Вестник Санкт - Петербургского университета. Серия Психология. 2023;13(2): С.193–207.
10. Напольских Д.А. Самооценка состояния в период учебной недели. // Студенческие научные исследования: сборник статей XXVIII Международной научно - практической конференции; Пенза. 15 март 2026; Пенза: Наука и Просвещение; 2026. С. 171–175.

11. Напольских Д.А., Цыбина Г.М., Чабан У.А. Исследование сна в учебный период. // Конкурс лучших студенческих работ: сборник статей XXIII Международного научно - исследовательского конкурса; Пенза, 10 января 2025; Пенза: Наука и Просвещение; 2025. С. 64–69.

12. Напольских Д.А., Цыбина Г.М., Чабан У.А. Применение спортивных гаджетов для контроля двигательной активности и структуры сна. // Студенческий триумф: сборник статей III Международного научно - исследовательского конкурса; Пенза. 15 июня 2024; Пенза: Наука и Просвещение; 2024. С. 80–86.

13. Пальман А.Д., Бузунов Р.В., Амелин А.В., Полуэктов М.Г. Валидизация русскоязычной версии шкалы сонливости Эпворта // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2018;118(6): С.49–53.

14. Соколова М.В. Шкала субъективного благополучия: руководство по использованию. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика»; 1996. 34 с.

15. Ханин Ю.Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера. Ленинград: ЛНИИФК; 1976. 18 с.

16. Частоедова И.А. Оценка продолжительности, качества сна и тревожности у студентов - медиков в экзаменационный период. // Вятский медицинский вестник. 2025;(1): С.60–63.

17. Шальтите М.В. Самооценка функционального состояния студентами во время учебной недели // Лучший студенческий проект 2024: сборник статей III Международного научно - исследовательского конкурса; Петрозаводск, 26 июня 2024; Петрозаводск: МЦНП «Новая Наука»; 2024. С. 61–66.

18. Яхин К.К., Менделевич Д.М. Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний. В кн.: Практическое руководство по диагностике и терапии невротических расстройств. Казань: Медицина; 1978. С. 112–126.

19. Aguirre CC. Sleep deprivation: a mind - body approach. Curr Opin Pulm Med. 2016;22(6):583–588. DOI: 10.1097 / MCP.0000000000000323.

20. Buysse DJ. Sleep health: can we define it? Does it matter? Sleep. 2014;37(1): 9–17.

21. Foster RG, Wulff K. The rhythm of rest and excess. Nat Rev Neurosci. 2005;6(5):407–414.

22. Hertenstein E, Feige B, Gmeiner T, Kienzler C, Spiegelhalder K, Johann A, et al. Effects of state and trait anxiety on sleep structure: A polysomnographic study in 1083 subjects. Psychiatry Res. 2016;244:279–283.

23. Hirshkowitz M, Whiton K, Albert SM, Alessi C, Bruni O, DonCarlos L, et al. National Sleep Foundation's sleep time duration recommendations: methodology and results summary. Sleep Health. 2015;1(1):40–43.

24. Roenneberg T, Allebrandt KV, Merrow M, Vetter C. Social jetlag and obesity. Curr Biol. 2012;22(10):939–943.

25. Williams GM, Smith AP. Psychometric validation of the Well - being Process Questionnaire (WPQ) for use in student populations. Int J Educ Pedagog Sci. 2016;10(10):3271–3276.

© Рожков Г.О., Бобохонов Д.Х. 2026

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

Заречнов Ю.Н.
Аспирант
Государственное бюджетное учреждение
дополнительного профессионального образования
Санкт - Петербургская академия постдипломного педагогического образования
имени К.Д. Ушинского

МОТИВАЦИЯ ПЕДАГОГОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ РАЗВИТИЮ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема мотивации педагогов дополнительного образования к профессиональному развитию в условиях внедрения инновационной проектной деятельности. На основе теоретического анализа и результатов экспериментального исследования, проведённого на базе детского технопарка «Кванториум» (г. Санкт - Петербург), обосновывается, что включение педагогов в инженерные проекты выступает эффективным механизмом повышения внутренней мотивации к профессиональному росту, самообразованию и инновационной деятельности. Представлены результаты апробации педагогической модели, демонстрирующие положительную динамику мотивационно - личностного компонента профессиональной компетентности педагогов. Выявлены ключевые факторы мотивации: видимость результатов, ситуация успеха, профессиональное признание, включение в профессиональное сообщество. Предложены практические рекомендации по организации работы с мотивацией педагогов. Цель исследования – выявить и обосновать факторы и механизмы повышения мотивации педагогов дополнительного образования к профессиональному развитию в условиях инновационной проектной деятельности, а также разработать практические рекомендации по организации работы с мотивацией педагогов в учреждениях дополнительного образования.

Ключевые слова: мотивация педагогов, профессиональное развитие, инновационная деятельность, проектная деятельность, дополнительное образование, внутренняя мотивация, профессиональное самоопределение.

Zarechnov Y.N.
Graduate student
State Budgetary Institution of Additional Professional Education
Saint Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education
named after K.D. Ushinsky

TEACHERS' MOTIVATION FOR PROFESSIONAL DEVELOPMENT IN CONDITIONS OF INNOVATIVE ACTIVITY

The article examines the problem of motivating additional education teachers to professional development in the context of implementing innovative project activities. Based on theoretical analysis and results of experimental research conducted at the

Children's Technopark «Quantorium» (Saint Petersburg), it is substantiated that involving teachers in engineering projects acts as an effective mechanism for enhancing internal motivation towards professional growth, self - education, and innovative activities. The research presents results of testing a pedagogical model demonstrating positive dynamics in the motivational - personal component of teachers' professional competence. Key motivation factors have been identified: visibility of results, success situations, professional recognition, and inclusion in the professional community. Practical recommendations for organizing work with teachers' motivation are proposed. The research objective is to identify and substantiate factors and mechanisms for enhancing motivation of additional education teachers towards professional development in the context of innovative project activities, as well as to develop practical recommendations for organizing work with teachers' motivation in additional education institutions.

Keywords: teacher motivation, professional development, innovative activities, project activities, additional education, internal motivation, professional self - determination.

Введение

Проблема мотивации педагогов к профессиональному развитию приобретает особую значимость в условиях модернизации системы образования и внедрения инновационных подходов к организации образовательного процесса. От уровня мотивации педагога зависят не только его профессиональные достижения, но и качество образования, которое он предоставляет обучающимся.

Как отмечают С.И. Осипова и М.Л. Коцуба в исследовании педагогических условий профессионально - личностного развития педагогов, «в современных условиях система образования ориентирована на преобразования, направленные на повышение качества образования, где главная роль принадлежит квалифицированным педагогическим кадрам». При этом возникает потребность в изменении подходов при обучении взрослых педагогов в дополнительном профессиональном образовании: с одной стороны – это восполнение дефицитов профессиональной деятельности, с другой – профессионально - личностное развитие педагогов.

Особый интерес представляет исследование мотивационных механизмов, возникающих при включении педагогов в инновационную деятельность, в частности в проектную деятельность на основе современных инженерных технологий. Проектная деятельность создаёт уникальные условия для актуализации внутренней мотивации, поскольку педагог видит практический результат своих усилий, получает признание коллег и обучающихся, испытывает чувство профессиональной удовлетворённости.

Задачи исследования:

1. Выявить сущностные характеристики мотивации профессионального развития педагогов и обосновать потенциал инновационной проектной деятельности как фактора повышения внутренней мотивации.

2. Разработать и апробировать комплекс диагностических методик для оценки исходного уровня и динамики мотивационно - личностного компонента профессиональной компетентности педагогов дополнительного образования.

3. Проверить эффективность включения педагогов в инновационную проектную деятельность как механизма повышения внутренней мотивации к профессиональному развитию в условиях реального образовательного учреждения.

4. Выявить качественные изменения в мотивационной сфере педагогов, произошедшие в результате участия в инновационной проектной деятельности, и сформулировать практические рекомендации по организации работы с мотивацией педагогов.

Теоретическую базу исследования составляют следующие научные идеи, теории и подходы:

1. Психологические теории мотивации (А. Маслоу, К. Роджерс, Э.Ф. Зеер, А.К. Маркова, Е.А. Климов) рассматривают мотивацию как совокупность внутренних и внешних побудительных сил, направляющих деятельность человека к достижению целей. В контексте профессионального развития педагогов особую ценность представляет внутренняя мотивация, поскольку именно она обеспечивает устойчивый интерес к саморазвитию и непрерывному образованию [5; 8].

2. Э.Ф. Зеер, член - корреспондент РАО, доктор психологических наук, основатель единственной в России научной школы по исследованию целостного и непрерывного процесса становления личности в профессионально - образовательном пространстве, в своих работах обосновывает, что «профессиональное становление необходимо рассматривать системно и непрерывно с начала формирования профессиональных намерений до завершения профессиональной биографии» [9]. В его учебнике «Психология профессионального образования» представлены закономерности профессионального обучения, воспитания и развития личности, феноменологии профессионального становления личности [4; 9].

3. А.К. Маркова в фундаментальной работе «Психология профессионализма» разрабатывает психологическую концепцию профессионализма, описывает психологические критерии, уровни, этапы, ступени продвижения человека труда к профессионализму, виды профессиональной компетентности [10]. В структуре мотивационно - смысловой сферы профессионализма она выделяет профессиональную мотивацию как ключевой фактор, определяющий направленность и устойчивость профессионального развития [5].

4. В исследовании М.Л. Коцуба, посвящённом профессионально - личностному развитию педагогов в дополнительном образовании, подчёркивается, что «в современных условиях неопределённости, нестабильности, сложности, неоднозначности предъявляются определённые требования к педагогическим кадрам, его профессионально - личностному развитию, изменению ролей педагога согласно специализациям будущего» [1]. Автор отмечает, что «для эффективного

повышения квалификации педагогических работников необходимо пересмотреть применение активных технологий обучения в дополнительном профессиональном образовании».

5. Деятельностный подход (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн) обосновывает положение о том, что мотивация возникает в деятельности и через деятельность. Включение педагога в активную, творческую, инновационную деятельность создаёт предпосылки для актуализации внутренней мотивации, поскольку такая деятельность предоставляет возможности для удовлетворения базовых психологических потребностей: в компетентности, автономии и социальной связи. Именно деятельностный подход объясняет, почему включение педагогов в проектную деятельность становится мощным мотивационным фактором.

6. Концепция профессионального развития педагогов (Э.Ф. Зеер, А.К. Маркова) рассматривает мотивацию к саморазвитию как интегративное качество личности, проявляющееся в стремлении к самопознанию, самосовершенствованию и достижению профессиональных целей. Исследования показывают, что для педагогов дополнительного образования наиболее значимыми являются внутренние мотивационные факторы: интерес к творческой деятельности, возможность самореализации, признание со стороны коллег и обучающихся.

7. Теория самоопределения (Э. Деси, Р. Райан) рассматривает внутреннюю мотивацию как результат удовлетворения трёх базовых психологических потребностей: потребности в автономии, компетентности и связанности с другими людьми. Проектная деятельность создаёт условия для удовлетворения всех трёх потребностей: педагог самостоятельно принимает решения (автономия), видит результаты своей работы (компетентность) и взаимодействует с коллегами (связанность).

Обсуждение и результаты

Включение педагогов в инновационную проектную деятельность создаёт уникальные условия для актуализации и развития внутренней мотивации к профессиональному развитию. Опыт экспериментальной работы, проведённой на базе детского технопарка «Кванториум» (г. Санкт - Петербург), позволил выявить комплекс факторов мотивации, возникающих в ходе проектной деятельности.

Ключевые факторы мотивации, возникающие в ходе проектной деятельности:

1. Видимость результатов. В отличие от традиционных форм повышения квалификации, где результат обучения часто остаётся неочевидным, проектная деятельность завершается созданием конкретного продукта - функционирующего прототипа системы. Педагог видит результат своих усилий, что создаёт ощущение достижения и повышает самооценку. Как отмечается в исследовании, «работа над созданием реального, осязаемого продукта обеспечивает высокий уровень внутренней мотивации».

2. Ситуация успеха. В ходе работы над проектом педагог многократно переживает ситуации успеха: удачная сборка схемы, правильный алгоритм, работающее устройство. Каждая такая ситуация укрепляет веру в свои силы и

стимулирует дальнейшую активность. Особое значение имеет успешная публичная защита проекта перед экспертной комиссией, которая создаёт эффект профессионального признания.

3. Профессиональное признание. Презентация и защита проекта перед коллегами, руководством, родителями и представителями IT - компаний обеспечивает публичное признание профессиональных достижений педагога. Это один из наиболее сильных мотивирующих факторов, поскольку потребность в уважении и признании является одной из базовых человеческих потребностей.

4. Включение в профессиональное сообщество. Работа над проектом в команде, взаимодействие с коллегами, обмен опытом создают ощущение принадлежности к профессиональному сообществу. Это снижает чувство профессиональной изоляции, формирует сеть профессиональных контактов и обеспечивает взаимную поддержку.

5. Ощущение профессионального роста. Участие в инновационном проекте позволяет педагогу осваивать новые технологии, развивать ранее отсутствовавшие навыки, расширять профессиональный кругозор. Это создаёт ощущение профессионального развития, которое является мощным внутренним мотиватором.

6. Возможность творческой самореализации. Инженерный проект предоставляет педагогу пространство для творчества и импровизации. Нестандартные задачи, необходимость поиска оригинальных решений, возможность модификации проекта - всё это способствует реализации творческого потенциала педагога.

7. Перспективы дальнейшего развития. Успешное участие в проекте создаёт основу для дальнейшего профессионального роста: участие в конкурсах профессионального мастерства, публикации методических материалов, трансляция опыта, повышение квалификационной категории, наставничество.

Примеры из практики

В ходе экспериментальной работы были зафиксированы яркие примеры изменений в мотивационной сфере педагогов.

Пример 1. «От страха к уверенности».

Педагог с 15 - летним стажем, преподаватель физики, на входной диагностике демонстрировал низкий уровень мотивации к освоению новых технологий (самооценка по критерию «интерес к инновационной деятельности» 3 балла из 10). В анкете он указал: «Технологии меняются слишком быстро, я не успеваю за ними. Легче работать по старым методикам». На начальном этапе работы над проектом педагог испытывал трудности с программированием микроконтроллера, но благодаря поддержке коллег и пошаговому освоению материала ему удалось создать работающий макет. После успешной защиты проекта его самооценка по критерию «интерес к инновационной деятельности» выросла до 9 баллов. В рефлексивном дневнике он написал: «Оказывается, что я могу это делать! Это совсем не так страшно, как казалось. Теперь я хочу попробовать что - то новое». Педагог начал самостоятельно изучать материалы по интернету вещей и через два

месяца провёл мастер - класс для коллег по использованию Arduino на уроках физики.

Пример 2. «От изоляции к сообществу».

Молодой педагог (стаж 2 года) на входной диагностике демонстрировал средний уровень мотивации к профессиональному развитию (5 баллов), но отмечал чувство профессиональной изоляции: «Работаю одна в своём направлении, практически нет общения с коллегами по схожим темам». В ходе работы над междисциплинарным проектом она вошла в команду из трёх человек (физик, информатик, биолог). В процессе совместной работы педагог отметила, что ей стало интересно общаться с коллегами, обсуждать нестандартные решения, делиться опытом. После завершения проекта её самооценка по критерию «готовность делиться опытом» выросла с 4 до 8 баллов. В интервью она отметила: «Я перестала чувствовать себя одинокой. У меня появились коллеги, с которыми мы общаемся на профессиональные темы не только в рамках проекта, но и после его завершения. Мы договорились продолжать работать вместе». Педагог стала инициатором создания внутреннего профессионального сообщества по техническому творчеству.

Пример 3. «Признание как источник энергии».

Педагог с высоким уровнем профессиональной подготовки (стаж 20 лет), но с признаками профессионального выгорания (самооценка удовлетворённости профессиональной деятельностью 4 балла). На вопрос «Что вас сейчас мотивирует в работе?» ответил: «Ничего особенного, просто работа». В ходе проекта он разработал сложную систему автоматизации, которая вызвала восхищение коллег и руководства. На защите проекта представитель IT - компании предложил сотрудничество по внедрению разработки. После этого педагог отметил резкое повышение удовлетворённости: «Я думал, что уже всё знаю и умею. А оказывается, могу создавать то, что кому - то действительно нужно. Ко мне приходят за советом, меня ценят». Самооценка по критерию «удовлетворённость профессиональной деятельностью» выросла с 4 до 10 баллов. Педагог начал активно участвовать в конкурсах профессионального мастерства, опубликовал две статьи по результатам проекта.

Пример 4. «Творчество как ресурс».

Педагог, работающий с детьми младшего школьного возраста, изначально не видел связи между инженерным проектом и своей педагогической деятельностью (мотивация к участию 5 баллов). В ходе проекта он адаптировал сложные технические решения для детей, создал упрощённую версию системы, разработал игровые сценарии использования. Этот творческий процесс увлёк его настолько, что он начал разрабатывать собственные образовательные игры с использованием микроконтроллеров. Самооценка по критерию «способность к самообразованию» выросла с 5 до 9 баллов. В рефлексивном дневнике он написал: «Я понял, что технологии - это не самоцель, а инструмент для творчества. Я могу придумать сотню способов, как использовать одну и ту же систему по - разному с детьми».

Педагог разработал программу дополнительного образования «Техническое творчество в начальной школе», которая была внедрена в практику работы учреждения.

Экспериментальная апробация модели

Экспериментальное исследование проводилось на базе детского технопарка «Кванториум» (г. Санкт - Петербург) в период с декабря 2023 года по май 2024 года. Участниками выступили педагоги дополнительного образования, включенные в реализацию инженерных проектов. Общая численность участников экспериментальной группы составила 4 человека. Для сравнения была сформирована контрольная группа из 3 педагогов, проходивших повышение квалификации по традиционной программе (лекции, семинары, тестирование).

Для оценки мотивации педагогов использовалась система диагностических методик: листы самооценки, анкетирование, рефлексивные дневники, экспертное наблюдение.

Были выделены следующие критерии оценки мотивационно - личностного компонента: интерес к инновационной деятельности - проявление познавательной активности, стремление к освоению нового; готовность делиться опытом - активность в передаче знаний коллегам, участие в профессиональном общении; способность к самообразованию - самостоятельное изучение новых технологий, стремление к непрерывному развитию; удовлетворённость профессиональной деятельностью - эмоциональное отношение к работе, чувство профессиональной реализации.

Результаты и их обсуждение

Сравнительный анализ данных входной и итоговой диагностики выявил положительную динамику мотивационно - личностного компонента профессиональной компетентности педагогов экспериментальной группы. Результаты представлены в таблице 1

Таблица 1. Динамика мотивационно - личностного компонента (средние баллы)

Критерий	Экспериментальная группа (N=4)	Контрольная группа (N=3)	Прирост (ЭГ)	Прирост (КГ)
	Вход	Выход	Вход	Выход
Интерес к инновационной деятельности	4,8	9	4,7	5,9
Готовность делиться опытом	4,5	8,8	4,6	5,7
Способность к самообразованию	4,2	8,7	4,3	5.5
Удовлетворённость профессиональной деятельностью	4,0	9,2	4,1	5,3
Средний показатель	4,4	8,9	4,4	5,6

Наиболее выраженный рост в экспериментальной группе наблюдается по критерию «удовлетворённость профессиональной деятельностью» (+5,2 балла), что свидетельствует о глубоких эмоциональных изменениях в отношении педагогов к своей профессии. В контрольной группе прирост по данному критерию составил лишь +1,2 балла.

Существенные изменения в экспериментальной группе зафиксированы по критерию «способность к самообразованию» (+4,5 балла против +1,2 в контрольной группе) и «готовность делиться опытом» (+4,3 балла против +1,1 в контрольной группе). Средний показатель мотивационно - личностного компонента в экспериментальной группе увеличился с 4,4 до 8,9 балла (прирост +4,5), в контрольной группе — с 4,4 до 5,6 балла (прирост +1,2). Разница в приросте между группами составляет 3,3 балла, что подтверждает эффективность проектного подхода в повышении мотивации педагогов.

Анализ распределения результатов по уровням (таблица 2) показал значительное увеличение доли педагогов экспериментальной группы с высоким уровнем мотивации.

Таблица 2 - Изменение уровня сформированности мотивационно - личностного компонента

Уровень	Экспериментальная группа	Контрольная группа
	Вход	Выход
Низкий (1–3 балла)	15 %	0 %
Средний (4–6 баллов)	65 %	10 %
Высокий (7–10 баллов)	20 %	90 %

В экспериментальной группе доля педагогов с высоким уровнем мотивации увеличилась с 20 % до 90 %, тогда как в контрольной группе - лишь с 18 % до 30 %. Полное исчезновение низкого уровня в экспериментальной группе свидетельствует о том, что проектная деятельность обеспечивает устойчивое повышение мотивации у всех участников, независимо от их исходного уровня. В контрольной группе низкий уровень сохранился у 10 % педагогов, что подтверждает ограниченность традиционных форм повышения квалификации для развития внутренней мотивации.

Качественный анализ данных позволил выявить глубинные изменения в мотивационной сфере педагогов экспериментальной группы:

1. Рост внутренней мотивации. Педагоги отмечали, что участие в проекте вызвало у них искренний интерес, желание продолжать работу, осваивать новые технологии. Они перестали воспринимать профессиональное развитие как внешнее требование и начали рассматривать его как личностную потребность. Как отмечали педагоги в рефлексивных дневниках: «Теперь я хочу учиться новому не потому, что надо, а потому, что это интересно», «Я чувствую, что могу больше, чем думал».

2. Повышение удовлетворённости профессией. Проектная деятельность вернула педагогам чувство профессиональной новизны, творчества и значимости своего труда. Они отметили, что работа над реальным продуктом, имеющим практическую ценность, существенно повысила их удовлетворённость профессиональной деятельностью. Удовлетворённость форматом работы составила 95 %.

3. Формирование готовности к трансляции опыта. Педагоги стали активно делиться своим опытом с коллегами, проводить мастер - классы, разрабатывать методические материалы. Это свидетельствует о переходе от пассивной позиции «обучающегося» к активной позиции «наставника», что является показателем высокого уровня профессиональной мотивации.

4. Развитие самообразовательной активности. Педагоги начали самостоятельно изучать новые технологии, участвовать в профессиональных сообществах, посещать вебинары, читать специализированную литературу. Это подтверждает, что мотивация к профессиональному развитию стала внутренней, а не внешней.

5. Снижение профессиональной тревожности. Участники эксперимента отмечали, что успешное выполнение сложных технических задач снизило страх перед новыми технологиями, повысило уверенность в своих силах. «Я перестал бояться, что у меня что - то не получится. Теперь я знаю, что могу разобраться в любой технической задаче», - отмечал один из педагогов.

6. Формирование инновационной готовности. Педагоги продемонстрировали готовность к дальнейшему внедрению инноваций в свою профессиональную деятельность, инициативность в поиске новых форм работы и стремление к экспериментам.

Практические рекомендации по организации работы с мотивацией педагогов

На основе полученных результатов сформулированы практические рекомендации для различных субъектов образовательного процесса.

Для руководителей образовательных учреждений: включить педагогов в инновационные проекты как действенный механизм повышения внутренней мотивации к профессиональному развитию; создавать ситуации успеха, обеспечивая видимость результатов и публичное признание достижений педагогов; организовывать профессиональное сообщество и систему наставничества для снижения профессиональной изоляции; обеспечивать возможности для творческой самореализации и профессионального роста через участие в конкурсах, конференциях, публикациях; учитывать мотивационные факторы при проектировании программ повышения квалификации и методической работы; развивать систему профессионального признания и морального поощрения педагогов, активно участвующих в инновационной деятельности.

Для методических служб: разработать программу работы с мотивацией педагогов, включающую диагностику, вовлечение в проектную деятельность, создание ситуаций успеха и рефлексию; создать условия для профессионального общения и обмена опытом между педагогами; организовать систему публичных защит проектов и презентаций достижений педагогов; разработать систему диагностики мотивации педагогов для выявления факторов, снижающих

мотивацию; проводить регулярные рефлексивные сессии, позволяющие педагогам осмысливать свой профессиональный рост.

Для педагогов: участвовать в инновационных проектах и инициативах, развивая собственную мотивацию к профессиональному росту; вести рефлексивный дневник для фиксации профессиональных достижений и осмысления опыта; делиться опытом с коллегами, участвуя в профессиональных сообществах и мастер - классах; ставить перед собой профессиональные цели, отслеживать их достижение и планировать дальнейшие шаги развития; активно использовать возможности профессионального признания (конкурсы, конференции, публикации).

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Инновационная проектная деятельность является эффективным механизмом повышения мотивации педагогов к профессиональному развитию. Включение педагогов в проектную деятельность создаёт уникальные условия для актуализации внутренней мотивации, основанной на удовлетворении базовых психологических потребностей: в компетентности, автономии, социальной связи и самореализации.

Ключевыми факторами мотивации, возникающими в ходе проектной деятельности, являются: видимость результатов, ситуация успеха, профессиональное признание, включение в профессиональное сообщество, ощущение профессионального роста, возможность творческой самореализации и перспективы дальнейшего развития.

Результаты экспериментальной апробации подтвердили эффективность предложенного подхода. В экспериментальной группе, работавшей в условиях проектной деятельности, прирост всех показателей мотивационно - личностного компонента составил в среднем 4,5 балла, тогда как в контрольной группе, обучавшейся по традиционной программе, - лишь 1,2 балла. Доля педагогов с высоким уровнем мотивации увеличилась с 20 % до 90 % (в контрольной группе - с 18 % до 30 %).

Качественный анализ выявил формирование внутренней мотивации к профессиональному развитию, снижение профессиональной тревожности, повышение удовлетворённости профессией и готовность к трансляции опыта. Это подтверждает, что проектная деятельность не просто развивает профессиональные компетенции, но и трансформирует ценностно - смысловую сферу педагога, формируя устойчивую мотивацию к непрерывному профессиональному развитию.

Перспективой дальнейших исследований является изучение долгосрочных эффектов проектной деятельности на мотивацию педагогов, а также разработка методик диагностики мотивации к профессиональному развитию для различных категорий педагогических работников.

Список используемых источников:

1. Зеер Э.Ф. Психология профессионального образования: учебник / Э.Ф. Зеер. – Екатеринбург: Изд - во Рос. гос. проф. - пед. ун - та, 2019. – 402 с.

2. Зеер Э.Ф. Профессиональное становление личности инженера - педагога / Э.Ф. Зеер. – Свердловск: Изд - во Урал. ун - та, 1991. – 112 с.
3. Коцуба М.Л. Педагогические условия профессионально - личностного развития педагогов в системе дополнительного образования / М.Л. Коцуба // Педагогическое образование и наука. – 2020. – № 3. – С. 45 - 51.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Смысл, 2005. – 352 с.
5. Маркова А.К. Психология профессионализма / А.К. Маркова. – М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. – 312 с.
6. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Питер, 2014. – 352 с.
7. Осипова С.И., Коцуба М.Л. Педагогические условия профессионально - личностного развития педагогов / С.И. Осипова, М.Л. Коцуба // Педагогическое образование и наука. – 2018. – № 2. – С. 34 - 39.
8. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Роджерс. – М.: Прогресс, 1994. – 480 с.
9. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2019. – 713 с.
10. Деси Э., Райан Р. Самоопределение и внутренняя мотивация в поведении человека / Э. Деси, Р. Райан // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 1995. – № 2. – С. 78 - 91.

© Заречнов Ю.Н., 2026

Звягин А. И.
студент 3 курса ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет путей сообщения», г. Екатеринбург, РФ
Научный руководитель: Семенко И.Е., кандидат педагогических наук, доцент ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет путей сообщения», г. Екатеринбург, РФ

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ КИБЕРГИГИЕНЫ И ПРОФИЛАКТИКИ ВОВЛЕЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ В ДЕСТРУКТИВНЫЕ СООБЩЕСТВА

Аннотация
Обоснован потенциал интерактивных форм обучения для формирования кибергигиены студентов и предупреждения их вовлечения в деструктивные интернет - сообщества. На основе анализа научных источников и педагогического моделирования предложен комплекс кейсов, ролевых симуляций, фактчекинга и рефлексии. Определены этапы обучения, педагогические условия и критерии оценки результатов.

Ключевые слова
кибергигиена, студенты, интерактивное обучение, деструктивные сообщества, медиаграмотность, критическое мышление, профилактика.

Введение

Цифровая среда стала естественным пространством учебной и повседневной коммуникации студентов. Наряду с образовательными возможностями она содержит риски фишинга, социальной инженерии, утечки данных, манипулятивного контента и вовлечения в сообщества деструктивной направленности. Поэтому вузу важно не только сообщать правила информационной безопасности, но и формировать устойчивые способы ответственного поведения.

Кибергигиена понимается как совокупность регулярно воспроизводимых знаний, установок и действий, обеспечивающих безопасное, критичное и этичное поведение в цифровой среде. Она включает защиту учетных записей, управление цифровым следом, проверку источников, распознавание манипуляций, соблюдение границ общения и обращение за помощью. Исследования цифровой грамотности студентов подтверждают необходимость учитывать информационный, медиакоммуникативный и безопасностный компоненты [1, с. 176–184]. Цель работы — обосновать комплекс интерактивных форм обучения, направленный на формирование кибергигиены и снижение уязвимости студентов к деструктивному интернет - влиянию. Методы: анализ научной литературы, обобщение педагогических практик, классификация рисковых ситуаций и педагогическое моделирование.

Основная часть

Знание правил не всегда переходит в безопасное поведение. На действия пользователя влияют мотивация, самоэффективность, навыки управления информацией и готовность сообщать об инциденте [4]. Следовательно, образовательный результат должен проявляться в способности распознавать угрозу, выбирать безопасное действие и объяснять свое решение. Традиционная лекция дает понятийную основу, но ограниченно воспроизводит ситуацию выбора; интерактивное обучение позволяет тренировать ее в контролируемой среде.

Интерактивный комплекс предлагается реализовать в три этапа. На диагностико - мотивационном этапе студенты анонимно оценивают собственные цифровые привычки и решают короткий кейс. На деятельностном этапе выполняются задания по защите аккаунта, фактчекингу и безопасной коммуникации. На рефлексивном этапе обучающиеся формулируют алгоритм «Стоп — проверь — защити — сообщи», определяют доступный канал помощи и решают новый итоговый сценарий. Игровые и сценарные задания позволяют сочетать теорию с практикой без контакта с реальной угрозой [3, с. 5153–5177].

Педагогическая безопасность является обязательным условием программы. Кейсы должны быть вымышленными и не содержать травмирующего контента. Нельзя требовать раскрытия переписки, паролей, состояния здоровья или взглядов. Студенту сообщаются правила дискуссии, право отказаться от роли и каналы поддержки. При непосредственной угрозе педагог действует по локальному регламенту вуза.

Оценивание строится по логике «знает — распознает — действует — объясняет»: используются тест, сценарная задача, чек - лист наблюдения и рефлексивный лист. Базовый уровень предполагает действие после подсказки, функциональный — самостоятельность в знакомой ситуации, устойчивый —

перенос алгоритма в новый сценарий. Через четыре–шесть недель проводится отсроченная проверка без сбора персональных сведений.

Заключение

Кибергигиена студентов формируется через практику ответственного выбора. Кейс - метод, ролевая симуляция, фактчекинг и рефлексия позволяют моделировать цифровые риски без опасного контента и развивать технические, информационные и коммуникативные навыки. Комплекс может применяться на занятиях по цифровой культуре, кураторских часах и в программах адаптации. Перспектива исследования — эмпирическая апробация с входным, итоговым и отсроченным измерениями.

Список использованной литературы:

1. Калашникова Е.К., Карпов Е.А. Цифровая грамотность студентов: методика, тестирование, оценка // Вопросы образования. 2025. № 1. С. 169–197. DOI: 10.17323 / vo - 2025 - 17011.

2. Садовникова Ж.В. Сотрудничество семьи и школы в профилактике вовлечения подростков в деструктивные сообщества // Отечественная и зарубежная педагогика. 2023. Т. 1, № 6 (96). С. 163–179.

3. Khan M.A., Merabet A., Alkaabi S., El Sayed H. Game - based learning platform to enhance cybersecurity education // Education and Information Technologies. 2022. Vol. 27. P. 5153–5177.

4. Neigel A.R. et al. Holistic cyber hygiene education: Accounting for the human factors // Computers & Security. 2020. Vol. 92. Article 101731.

© Звягин А.И., 2026

Зеленков Н. И.
магистрант 3 курса
НГУ им. П. Ф. Лесгафта
г. Санкт - Петербург
Научный руководитель: Минина Л. Н.
канд. пед. наук, доцент
профессор
НГУ им. П. Ф. Лесгафта
г. Санкт - Петербург

ПРИМЕНЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ ТЕХНИКО - ТАКТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ В БАСКЕТБОЛЕ

Аннотация

Современный баскетбол характеризуется неуклонным повышением требований к технико - тактическому мастерству спортсменов, что обусловлено интенсификацией соревновательной деятельности, возрастанием скорости

принятия решений и необходимостью эффективного командного взаимодействия в условиях активного противоборства с соперником. В работе проанализировано мнение тренеров о использовании педагогического контроля в учебно - тренировочном процессе в баскетболе.

Ключевые слова

Баскетбол, педагогический контроль, технико - тактическая подготовка.

Педагогический контроль в спорте понимается как целенаправленный процесс систематического сбора и анализа информации о состоянии спортсмена в ходе тренировочного процесса, обеспечивающий принятие показателей, управленческих решений. Он ориентирован на получение показателей, характеризующих уровень подготовленности, динамику изменений и соответствие тренировочной деятельности поставленным задачам [1, с. 5]. Выделяют следующие функции комплексного педагогического контроля: информационную, прогностическую, контрольно - корректировочную, оценочную и стимулирующую [4, с. 13].

В системе спортсменов педагогический контроль выступает ключевым инструментом обратной связи, позволяющим тренеру своевременно выявлять отклонения от запланированных показателей и вносить необходимые коррективы. Механизм обратной связи реализуется через последовательную фиксацию фактических результатов, их сопоставлением с нормативными показателями обоснованных управленческих решений. Функционирование данного действия обеспечивает непрерывную адаптацию тренировочного процесса к состоянию спортсмена [3, с. 121].

Технико - тактическая подготовленность баскетболиста представляет собой многокомпонентное интегральное образование, включающее совокупность двигательных навыков и тактического умения, реализуемого в условиях игровой деятельности. Двигательная составляющая затрагивает базовые технические элементы, уровень которых определяет техническую оснащенность. Тактический компонент выражается в способности выбирать наиболее эффективные варианты взаимодействий между партнерами и своевременно перестраивать игровые схемы в ходе игры [2, с. 10].

Владение технико - тактическими приемами составляет фундаментальную основу успешной игровой деятельности в баскетболе, поскольку уровень их освоения непосредственно определяет эффективность действий спортсмена как в нападении, так и в защите. Совершенствование технико - тактических навыков предполагает систематические и целенаправленные тренировочные занятия, включающие работу как с мячом, так и без него, и охватывает весь спектр технических приемов. Современный баскетбол характеризуется постоянным расширением арсенала технико - тактических действий, что обуславливает необходимость непрерывного совершенствования игроками своего мастерства с

целью повышения соревновательной эффективности и адаптации к возрастающим требованиям игры [6, с. 89].

Традиционные подходы к оценке эффективности тренировочного процесса в баскетболе преимущественно опираются на методы педагогических наблюдений и контрольных испытаний, а также на экспертные оценки тренеров. В рамках этих методов осуществляется регистрация ключевых параметров учебно - тренировочного процесса и тактико - технической деятельности спортсменов, в том числе в условиях соревнований. Процесс регистрации зачастую основывается на типовых задачах создания базы данных и хранения информации с позиции тренера, что предоставляет существенную зависимость результатов от квалификации и опыта [5, с. 187].

Целью исследования было дополнение теории и методики баскетбола знаниями о возможности использования педагогического контроля в учебно - тренировочном процессе баскетболистов для оптимизации технико - тактической подготовки.

Задача исследования заключалась в обобщении мнения баскетбольных тренеров, касающегося применения педагогического контроля в учебно - тренировочном процессе баскетболистов.

Для решения поставленной задачи в ходе исследования использовался метод опроса (в виде анкетирования) тренеров по баскетболу. В анкетировании приняли участие 60 респондентов: 36 – 2 категории и 24 тренера – 1 категории со стажем работы от 7 до 53 лет. Анкета проводилась анонимно и состояла из 10 вопросов (открытых, закрытых и альтернативных), составленных с целью исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Большинство тренеров (65 %) проводят контроль не реже 1 - 2 раз в неделю, что свидетельствует об осознанности подхода к мониторингу. Опрос выявил, что педагогическое наблюдение доминирует (90 %) как наиболее доступный метод.

Количество тренеров, считающих систему педагогического контроля полностью объективной, составляет всего 13 %, тогда как 32 % признают ее недостаточность или неэффективность. На вопрос о необходимости изменений в системе педагогического контроля, показало, что созданием единых стандартов контроля первоочередной задачей.

Опрошенные признают положительное влияние педагогического контроля на качество подготовки. При этом отмечают основные трудности при его применении как нехватка времени и отсутствие стандартизированных методик.

Анализируя ответы на вопрос о современных технологиях мониторинга технико - тактической подготовки, показало, что 40 % не применяют их в учебно - тренировочном процессе. Респонденты выделяют наиболее сложные технико - тактические элементы как бросок в движении, защитная стойка и перемещения, что обусловлено динамичностью и высокой зависимостью от игровых ситуаций.

Опрос выявил, что меньшинство тренеров (13 %) применяют индивидуальные планы коррекции для каждого игрока и еще меньше (10 %) для отдельных

игроков, что показывает сложность выявления приоритетных направлений при педагогическом контроле, ответы проиллюстрированы диаграммой (рис.1)

Рисунок 1. Мнение тренеров о применении индивидуальных планов коррекции для игроков

Таким образом, большинство тренеров по баскетболу сходятся во мнении, что существующая система педагогического контроля технико - тактической подготовленности нуждается в существенной доработке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что несмотря на регулярность применения педагогического контроля, большинство тренеров считают существующую систему недостаточно объективной из - за нехватки времени, отсутствия единых стандартов и слабого внедрения современных технологий мониторинга. Для повышения эффективности технико - тактической подготовки баскетболистов необходима разработка стандартизированных методик контроля и более широкое использование индивидуальных планов коррекции. Исследование в этом направлении является актуальным и требует дальнейшего продолжения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бриленок, Н. Б. Педагогический контроль и тестирование в спортивной деятельности: учебно - методическое пособие / Н. Б. Бриленок. – Саратов: Саратовский источник, 2019. – 51 с.

2. Егорова, Н. В. Интегральная подготовка баскетболистов как технология развития физкультурной образованности: учебное пособие / Н. В. Егорова. – Курган: Курганский университет, 2022. – 40 с.

3. Исаев, А. П. Управляющие и реализующие механизмы моделей двигательной специальной функциональной системы спортсменов в блоках многолетней подготовки / А. П. Исаев, В. И. Заляпин, А. В. Шевцов, Ю. Б. Корабелова, А. И. Ненашева, А. С. Ушаков // Человек. Спорт. Медицина / Южно - Уральский университет, 2021. - №21. – С. 115–126

4. Мухичева, Е. В. Педагогические диагностики: методы и методики: учебно - методическое пособие / Е. В. Мухичева, Т. А. Наумова. – Ижевск: Удмуртский университет, 2020. – 425 с.

5. Новицкий, Д. Э. Комплексный контроль в управлении спортивной подготовкой баскетболистов студенческих программ / Д. Э. Новицкий, В. И. Новицкая // Физкультура и спорт / Вестник Полоцкого государственного университета Сергея Е., 2018. - №7. – С. 187–192

6. Ясненко, Р. А. Технико - тактические приемы в баскетболе старших школьников / Р. А. Ясненко // Педагогическая наука и практика, 2023. - №4. – С. 78–80

© Зеленков Н.И., 2026

Никитин А.В.
Магистрант 3 курса
НГУ им. П. Ф. Лесгафта
г. Санкт - Петербург
Научный руководитель: Лосин Б.Е.
д - р пед. наук, профессор
НГУ им. П. Ф. Лесгафта
г. Санкт - Петербург

ОСОБЕННОСТИ КОНТРОЛЯ СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ БАСКЕТБОЛИСТОВ В ЗАЩИТЕ

Аннотация

В статье представлены результаты исследования особенностей контроля соревновательной деятельности квалифицированных баскетболистов в защите. Актуальность работы обусловлена необходимостью расширения традиционной системы статистического учета защитных действий за счет показателей, позволяющих более полно характеризовать индивидуальный вклад игрока. В исследовании использованы анализ научно - методической литературы, анкетирование специалистов, педагогическое наблюдение, анализ видеозаписей 14 официальных матчей мужской сборной НГУ им. П.Ф. Лесгафта в Лиге имени В.П. Кондрашина и методы математической статистики. Анкетирование 15 специалистов показало востребованность более детального контроля защитных действий и недостаточную удовлетворенность существующими методиками. На основе игровых данных рассчитан коэффициент защитной эффективности (КЗЭ), дополнительно проанализирован показатель «задетые мячи» (Deflections) и выполнено нормирование показателей по игровому времени. Полученные

результаты подтверждают целесообразность комплексного подхода к контролю защитной деятельности баскетболистов.

Ключевые слова

Баскетбол, соревновательная деятельность, контроль, защитные действия, коэффициент защитной эффективности, КЗЭ, «задетые мячи» (Deflections), игровое время, скаутинг.

Современный баскетбол характеризуется высокой интенсивностью соревновательной деятельности, быстрым изменением игровых ситуаций и постоянным ростом требований к скорости принятия решений. В этих условиях объективный контроль становится важным элементом управления подготовкой спортсменов, поскольку позволяет сопоставлять фактическую соревновательную деятельность с поставленными задачами и своевременно корректировать тренировочный процесс. Структура соревновательной деятельности квалифицированных баскетболистов включает взаимосвязанные технические, тактические, физические и психологические компоненты, а их оценка может использоваться для совершенствования содержания подготовки [1, с. 14–18; 2, с. 40–43].

Особую сложность представляет контроль действий в защите. В официальном протоколе достаточно подробно отражаются перехваты, подборы, блок - шоты и фолы, однако значительная часть эффективной защитной работы остается за пределами стандартной статистики. К таким действиям относятся своевременная подстраховка, изменение направления передачи, давление на мяч, закрытие линий передач и другие эпизоды, которые способны нарушать организацию нападения соперника, но не всегда приводят к формально зарегистрированной потере мяча. Следовательно, расширение набора контролируемых показателей является актуальной задачей.

Значение информационного обеспечения управления соревновательной деятельностью подчеркивается в отечественных исследованиях. Водорезов рассматривал использование информационных и вычислительных средств как инструмент повышения обоснованности управления игровым процессом [5, с. 23]. Андрющенко и соавторы связывают качество управления командой с оперативным получением и анализом информации о действиях игроков [6, с. 152]. В баскетбольном скаутинге это направление получает практическое выражение в систематической регистрации игровых эпизодов и использовании полученной информации при подготовке к соревнованиям [1, с. 14–18; 2, с. 40–43].

Зарубежные исследования расширяют представление о возможностях баскетбольной аналитики. Показано, что для анализа командных взаимодействий могут использоваться пространственно - временные характеристики, данные оптического трекинга и модели, связывающие действия игроков с результативностью отдельных владений [8, p. 349–358; 9, p. 1–9; 10, p. 1–8]. При этом даже при отсутствии специализированной системы трекинга отдельные принципы такого анализа могут быть реализованы посредством

структурированного видеоанализа и регистрации дополнительных игровых действий.

Цель исследования — совершенствование системы контроля соревновательной деятельности квалифицированных баскетболистов в защите за счет расширения состава контролируемых показателей и их комплексной интерпретации.

Для достижения цели решались следующие задачи: проанализировать существующие подходы к контролю соревновательной деятельности; определить показатели, дополняющие традиционную статистику защитных действий; изучить мнение специалистов о значимости таких показателей; оценить защитную деятельность игроков на основе анализа официальных матчей; сопоставить интегральный показатель КЭЭ с «задетыми мячами» (Deflections) и игровым временем.

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось на базе НГУ им. П.Ф. Лесгафта в период с сентября 2025 г. по апрель 2026 г. В качестве эмпирической основы использовались материалы соревновательной деятельности мужской сборной команды университета, выступавшей в Лиге имени В.П. Кондрашина. Проанализированы 14 официальных матчей. Дополнительно проведено анкетирование 15 специалистов, имеющих опыт практической работы в подготовке баскетболистов.

В работе применялись анализ и обобщение научно - методической литературы, анкетирование, педагогическое наблюдение, анализ видеозаписей и методы математической обработки данных. Скаутинг рассматривается как инструмент систематизации информации о соревновательной деятельности и последующего планирования работы команды [1, с. 14–18]. При обработке индивидуальных показателей учитывалось игровое время спортсменов, что позволило дополнительно рассчитывать показатели на единицу времени.

Для комплексной оценки защитных действий использовался коэффициент защитной эффективности (КЭЭ), включавший показатели перехватов, блок - шотов, подборов в защите, задетых мячей (Deflections), вынужденных потерь соперника и личных фолов. В работе использована следующая расчетная модель: КЭЭ = (ST + BL + DR + DF + FT) – PF. Дополнительно рассчитывался показатель КЭЭ / мин как отношение полученного значения КЭЭ к среднему игровому времени спортсмена.

Показатель «задетых мячей» (Deflections) рассматривался как дополнительный индикатор активности защитника при воздействии на мяч и линии передач. Такой подход соответствует общей тенденции расширения традиционной статистики за счет регистрации игровых взаимодействий, которые не всегда завершаются формальной потерей мяча. В зарубежной аналитике развитие подобных методов связано с переходом от регистрации отдельных дискретных действий к анализу непрерывных игровых взаимодействий [8, p. 349–358; 9, p. 1–9].

Для оценки взаимосвязи КЭЭ и «задетых мячей» (Deflections) использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Выбор непараметрического критерия обусловлен небольшим объемом выборки и порядковым характером сравниваемых рангов. В расчет включались 12 спортсменов, для которых одновременно имелись значения обоих показателей.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Первым этапом было изучено мнение 15 специалистов о значимости контроля защитных действий. Результаты анкетирования показали, что 73,3 % опрошенных считают детальный контроль защиты важным или одним из ключевых факторов управления соревновательной деятельностью. При этом только 6,7 % полностью удовлетворены существующими методиками, тогда как 60,0 % специалистов считают, что необходимы новые подходы. Полученные данные согласуются с положением о том, что контроль должен обеспечивать тренера информацией, достаточной для принятия и корректировки управленческих решений [3, с. 80–84; 6, с. 152].

При оценке значимости отдельных защитных показателей наибольшие средние баллы получили качество подстраховки (4,7), спровоцированные потери (4,6) и «задетые мячи» (4,4). Далее располагались противодействие броску (4,2), подборы (4,0), перехваты (3,8) и блок - шоты (3,5). Таким образом, специалисты особенно высоко оценили показатели, которые позволяют характеризовать активность защиты шире, чем стандартный протокол соревнований.

В ходе анализа 14 официальных матчей установлено, что команда пропустила 1079 очков, или в среднем 77,1 очка за игру. Защитными действиями игроков было спровоцировано 204 потери соперника, что составило в среднем 14,6 потери за матч. Эти данные характеризуют командный результат, однако сами по себе не позволяют определить вклад конкретного спортсмена. Поэтому следующим этапом стало ранжирование игроков по интегральному КЗЭ и дополнительным показателям.

По величине КЗЭ лидировали И.И. — 8,1 усл. ед., Р.П. — 6,6, М.Д. — 5,7 и А.Д. — 5,4. Далее следовали Ш.М. — 2,8, Ж.Р. — 2,5, Х.С. и Б.Н. — по 2,1. Наименьшие значения в анализируемой группе зафиксированы у М.И. (0,4), Т.Я. (0,0) и Л.М. (–0,6). Ранжирование показывает, что интегральная оценка позволяет выделить игроков, которые по совокупности зарегистрированных защитных действий имеют наиболее высокий вклад.

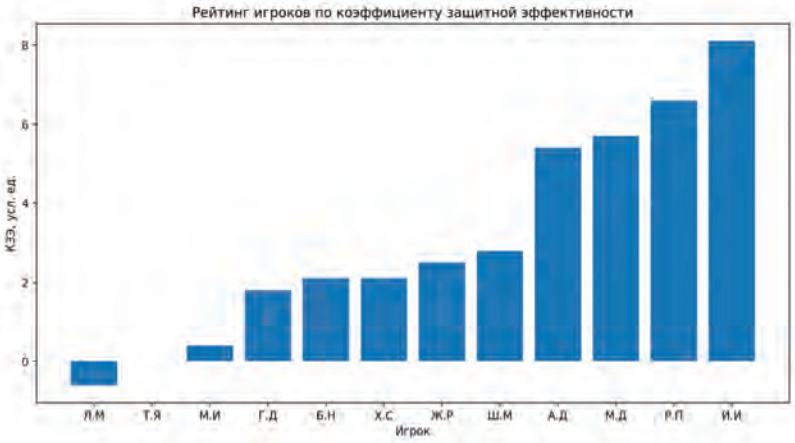

Рисунок 1. Рейтинг игроков по коэффициенту защитной эффективности

Представленные на рисунке 1 данные позволяют увидеть выраженную дифференциацию игроков по КЗЭ. При этом абсолютное значение интегрального показателя необходимо интерпретировать с учетом продолжительности игрового участия. Игрок, проводящий больше времени на площадке, получает больше возможностей для накопления статистических действий. Поэтому абсолютный рейтинг целесообразно дополнять расчетом эффективности на единицу времени.

Показатель «задетых мячей» (Deflections) дал несколько иную картину. Наибольшее среднее количество задетых мячей за матч имел М.Д. — 1,8, далее И.И. и Р.П. — по 1,6, Х.С. — 1,1, А.Д. и А.Б. — по 0,9. Для Ж.Р., Г.Д. и Б.Н. показатель составил по 0,7. Минимальные значения были зарегистрированы у Д.Я., Т.Я. и Л.М. Это подтверждает, что «задетые мячи» (Deflections) не является дублирующим показателем по отношению к КЗЭ, а позволяет дополнительно характеризовать активность игрока при воздействии на мяч и развитие атакующих действий соперника.

Дополнительный пересчет показателей по игровому времени также показал различия между абсолютной и относительной эффективностью. Наиболее высокое значение КЗЭ / мин получено у И.И. — 0,295 усл. ед. / мин, Р.П. — 0,248, А.Д. — 0,206 и Б.Н. — 0,202. У М.Д., несмотря на максимальный объем игрового времени и третье место по абсолютному КЗЭ, показатель составил 0,182 усл. ед. / мин. Следовательно, использование относительного показателя позволяет выявить интенсивность защитной активности, не сводя оценку только к накопленному числу действий.

Для оценки взаимосвязи интегрального КЗЭ с показателем «задетые мячи» была проведена ранговая корреляция Спирмена. По 12 спортсменам сумма квадратов разностей рангов составила $\Sigma d^2 = 41$. При $n = 12$ коэффициент составил $\rho \approx 0,86$. Полученное значение характеризует выраженную положительную взаимосвязь: более высокие значения КЗЭ в исследованной выборке в целом соответствуют более высоким значениям «задетых мячей». При принятом в исследовании уровне значимости $p = 0,05$ взаимосвязь оценивается как статистически значимая.

Полученный результат имеет практическое значение. Если интегральный показатель и дополнительный показатель активности на мяче изменяются в одном направлении, то регистрация «задетых мячей» может использоваться для расширения системы контроля защитной деятельности. При этом корреляционная связь не означает причинно - следственной зависимости и должна интерпретироваться с учетом игровой роли, времени участия и конкретного характера матчей.

Результаты соответствуют современному направлению развития спортивной аналитики, при котором статистические данные используются не только для фиксации конечного результата, но и для анализа структуры игровых взаимодействий. Зарубежные работы показывают перспективность оптического трекинга, пространственного анализа и моделирования решений игроков [7, p. 1–14; 8, p. 349–358; 9, p. 1–9; 10, p. 1–8]. Для университетской команды применение

даже упрощенной системы регистрации таких показателей может повысить информативность контроля без необходимости использования дорогостоящего специализированного оборудования.

Таким образом, результаты исследования позволяют рассматривать систему контроля защитных действий как совокупность взаимодополняющих уровней: командные показатели, индивидуальные абсолютные значения, относительные показатели на единицу игрового времени, дополнительные индикаторы активности и статистическая оценка взаимосвязей. Подобная структура создает условия для более обоснованного анализа состава, ротации и индивидуальных направлений коррекции тренировочного процесса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтвердило актуальность совершенствования контроля соревновательной деятельности квалифицированных баскетболистов в защите. Анкетирование специалистов показало, что большинство респондентов признает необходимость более детальной оценки защитных действий, а 60,0 % считает существующие методики недостаточно информативными.

Анализ 14 официальных матчей мужской сборной НГУ им. П.Ф. Лесгафта позволил установить командные показатели защитной деятельности и перейти к оценке индивидуального вклада игроков. Расчет КЗЭ, регистрация «задетых мячей» и нормирование показателей по игровому времени позволили получить более дифференцированную характеристику защитной активности спортсменов. Наиболее высокие значения КЗЭ отмечены у И.И., Р.П., М.Д. и А.Д., однако анализ КЗЭ / мин показал, что относительная интенсивность может отличаться от абсолютного ранжирования.

Положительная взаимосвязь КЗЭ и «задетых мячей» ($\rho \approx 0{,}86$) подтверждает целесообразность включения показателя «задетые мячи» в систему комплексного контроля. В практической работе полученные показатели могут использоваться для индивидуальных характеристик игроков, анализа эффективности ротации, подготовки к последующим матчам и корректировки содержания тренировочных упражнений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Андрианова, Р. И. Технология скаутинга для анализа и планирования соревновательной деятельности в баскетбольной команде премьер - лиги / Р. И. Андрианова, В. М. Леньшина, В. М. Сгонникова // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2019. – № 2 (168). – С. 14–18.

2. Бондарь, А. А. Анализ влияния скаутинга на соревновательную деятельность студенческой баскетбольной команды / А. А. Бондарь // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2020. – № 1 (179). – С. 40–43.

3. Бусыгин, И. В. Изучение структуры соревновательной деятельности квалифицированных баскетболистов как фактор совершенствования учебно -

тренировочного процесса / И. В. Бусыгин // Вестник Пензенского государственного университета. – 2015. – № 4 (12). – С. 80–84.

4. Елевич, С. Н. Структура и многолетняя динамика соревновательной деятельности высококвалифицированных баскетболистов / С. Н. Елевич // Ученые записки. – 2008. – № 5. – С. 44–48.

5. Водорезов, Г. Н. Управление игровым процессом в баскетболе с использованием ЭВМ: автореф. дис.... канд. пед. наук: 13.00.04 / Г. Н. Водорезов. – М., 1992. – 23 с.

6. Андрющенко, Л. Б. Технология управления соревновательной деятельностью баскетбольной команды: монография / Л. Б. Андрющенко, О. Н. Андрющенко, А. Н. Болгов. – М.: ТР - принт, 2014. – 152 с.

7. Baghal, T. Are the "Four Factors" Indicators of One Factor? An Application of Structural Equation Modeling Methodology to NBA Data in Prediction of Winning Percentage / T. Baghal // Journal of Quantitative Analysis in Sports. – 2012. – № 1 (8). – P. 1–14.

8. Bourbousson, J. Space - time coordination dynamics in basketball: Part 2. The interaction between the two teams / J. Bourbousson, C. Seve, T. McGarry // Journal of Sports Sciences. – 2010. – Vol. 28. – P. 349–358.

9. Cervone, D. Predicting points and valuing decisions in real time with NBA optical tracking data / D. Cervone, A. D'Amour, L. Bornn, K. Goldsberry // MIT Sloan Sports Analytics Conference. – 2014. – P. 1–9.

10. Lucey, P. How to Get an Open Shot: Analyzing Team Movement in Basketball using Tracking Data / P. Lucey, A. Bialkowski, P. Carr, Y. Yue, I. Matthews // MIT Sloan Sports Analytics Conference. – 2014. – P. 1–8.

© Никитин А.В. 2026

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Невенчанный С.В.
кандидат психологических наук
доцент кафедры психологии
Института педагогики и психологии
Череповецкого государственного университета
г. Череповец, Россия

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ СТРУКТУРНО - УРОВНЕВОЙ МОДЕЛИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КРИТИЧНОСТИ МЫШЛЕНИЯ

Аннотация. В статье представлена объяснительная модель межличностного деструктива в закрытых иерархических коллективах, основанная на конструкте избирательной критичности мышления. Показано, что агрессивное и виктимное поведение представляют собой не независимые феномены, а диалектическую диаду, объединенную единым когнитивным субстратом – дисбалансом фокусов критичности. Агрессивный паттерн интерпретируется как гипертрофия аллофокуса при дефиците аутофокуса: субъект избыточно критичен к недостаткам и уязвимостям партнера (враждебная атрибуция, дегуманизация) при некритичности к собственным деструктивным побуждениям. Виктимный паттерн – как противоположный дисбаланс: гипертрофия аутофокуса (самообвинение, руминация, усвоенная беспомощность) при дефиците аллофокуса (некритичность к манипулятивным действиям агрессора, неспособность распознать нарушение собственных границ). Обоснован механизм самовоспроизводства деструктивного цикла: искаженные профили критичности участников взаимно стабилизируются, создавая замкнутый контур эскалации. Показано, что традиционные подходы к изолированной коррекции агрессии или виктимности принципиально неэффективны, так как не воздействуют на системный фактор деструктивной диады – дисбаланс избирательной критичности.

Ключевые слова: агрессия, виктимность, избирательная критичность, межличностный деструктив, враждебная атрибуция, усвоенная беспомощность, деструктивный цикл, закрытые коллективы, воинские подразделения, профилактика правонарушений.

1. Введение: проблема взаимосвязи агрессии и виктимности в закрытых коллективах

Межличностное насилие, проявляющееся в форме систематической агрессии, травли, унижения и эксплуатации, остается одной из наиболее острых проблем юридической психологии и психологии безопасности. Особую значимость она приобретает в закрытых иерархических коллективах – воинских подразделениях, пенитенциарных учреждениях, закрытых образовательных организациях, – где высокая плотность взаимодействия, ограниченность социальных контактов и жесткая статусная стратификация создают благоприятные условия для формирования устойчивых деструктивных отношений [1; 2]. В таких средах

насилие нередко приобретает институционализированные формы, воспроизводится из поколения в поколение и воспринимается участниками как неотъемлемый элемент неформальной социальной структуры.

Традиционно агрессия и виктимность изучались как относительно самостоятельные феномены. Однако накопленные эмпирические данные указывают на их тесную взаимосвязь: агрессор и жертва образуют устойчивую диаду, в которой поведение каждой стороны поддерживает и усиливает поведение другой. Попытки объяснить деструктивное взаимодействие лишь через личностные особенности агрессора или только через характеристики жертвы оказываются теоретически ограниченными и практически неэффективными.

Доминирующие профилактические и коррекционные программы, как правило, ориентированы на работу с одним из полюсов деструктивной диады. В одном случае усилия направляются на снижение агрессивности, формирование эмпатии и навыков самоконтроля у агрессора; при этом роль жертвы в поддержании деструктивного взаимодействия остается вне поля зрения. В другом случае психологическая помощь оказывается исключительно жертве – развиваются ассертивные навыки, укрепляется самооценка, корректируются виктимные установки; однако сам агрессор, как правило, не включается в коррекционный процесс.

Такой изолированный подход методологически уязвим. Агрессор, прошедший коррекцию, возвращается в среду, где прежняя жертва продолжает демонстрировать виктимные паттерны, провоцирующие рецидив агрессивного поведения. Аналогично жертва, получившая навыки ассертивности, сталкивается с прежним агрессором, чьи когнитивные схемы не были трансформированы, и вновь оказывается в ситуации давления. В результате устойчивость деструктивной диады сохраняется, а эффект изолированных вмешательств оказывается краткосрочным [3; 4].

Таким образом, возникает необходимость в построении единой объяснительной модели, которая рассматривает агрессию и виктимность не как независимые характеристики отдельных индивидов, а как взаимосвязанные компоненты целостного деструктивного процесса. В настоящей статье предлагается модель, основанная на конструкте избирательной критичности мышления (ИКМ), которая позволяет описать когнитивные механизмы, лежащие в основе формирования и воспроизводства агрессивно - виктимного взаимодействия в закрытых иерархических коллективах.

Центральная гипотеза состоит в том, что агрессивный и виктимный паттерны представляют собой противоположные по направленности, но единые по своему когнитивному субстрату варианты дисбаланса фокусов избирательной критичности. Агрессия связана с гипертрофией критической оценки партнера при дефиците самокритики; виктимность – с гипертрофией самокритики при дефиците критической оценки партнера. Именно этот дисбаланс, а не отдельные

поведенческие проявления, является системообразующим фактором деструктивной диады.

2. Теоретический анализ когнитивных механизмов агрессивного поведения

В современной психологии агрессии одной из наиболее влиятельных является общая модель агрессии (General Aggression Model, GAM), разработанная К. Андерсоном и Б. Бушманом [1]. Согласно данной модели, агрессивное поведение возникает в результате взаимодействия личностных и ситуационных факторов, которые активируют внутренние состояния субъекта: когнитивные, эмоциональные и физиологические процессы. Активированные внутренние состояния, в свою очередь, определяют оценку ситуации и выбор поведенческого ответа.

Ключевым элементом GAM является представление о двух путях переработки информации: автоматическом и контролируемом. Автоматический путь связан с быстрыми, малоосознаваемыми когнитивными оценками, основанными на ранее сформированных агрессивных схемах и сценариях. Контролируемый путь предполагает более медленную, произвольную оценку, позволяющую субъекту пересмотреть первоначальную импульсивную интерпретацию. Агрессивное поведение, как правило, является результатом доминирования автоматического маршрута при недостаточной активации контролируемого. Именно способность субъекта произвольно управлять направленностью и интенсивностью критической оценки – то, что в нашей модели обозначается как избирательная критичность мышления – определяет, какой из маршрутов окажется доминирующим [1; 5].

Центральным когнитивным механизмом агрессивного реагирования является враждебная атрибуция – тенденция интерпретировать неоднозначные действия партнера как враждебные, угрожающие, направленные против субъекта. В ситуациях с высокой степенью неопределенности агрессивные индивиды систематически приписывают окружающим негативные намерения, даже если объективные признаки такой интерпретации отсутствуют.

С позиций конструкта ИКМ враждебная атрибуция может быть понята как специфическое проявление гипертрофированного аллофокуса. Субъект избыточно направляет критические ресурсы на оценку действий партнера, при этом сама оценка оказывается смещена в сторону поиска угрозы. Критичность, вместо того чтобы обеспечивать объективный анализ, деформируется в подозрительность и недоверие. Партнер воспринимается сквозь призму потенциальной опасности, а нейтральные стимулы интерпретируются как провокация [6; 7].

Важно подчеркнуть, что враждебная атрибуция – это не просто ошибка восприятия, а устойчивая когнитивная схема, сформированная под влиянием предшествующего опыта. В закрытых коллективах, где насилие является распространенным, такая схема закрепляется через механизмы социального научения и становится базовым способом интерпретации межличностных взаимодействий.

Другим важным когнитивным механизмом, обеспечивающим переход от враждебной интерпретации к открытому агрессивному действию, является дегуманизация жертвы. Классические исследования Ф. Зимбардо и С. Милгрэма продемонстрировали, что восприятие другого человека как лишенного индивидуальных человеческих качеств существенно снижает моральные барьеры, препятствующие проявлению насилия [8; 9]. Дегуманизация позволяет агрессору оправдывать собственные действия, снимая когнитивный диссонанс между внутренними моральными нормами и деструктивным поведением.

В рамках предлагаемой модели дегуманизация может рассматриваться как крайняя форма гипертрофированного аллофокуса, при которой критическая оценка партнера утрачивает объективность и превращается в тотальное обесценивание. Субъект фокусируется исключительно на негативных характеристиках жертвы, игнорируя ее переживания, потребности и права. Такой избирательный критический фокус создает когнитивное основание для оправдания агрессии: жертва воспринимается как «заслуживающая» наказания, что растормаживает поведение.

Однако враждебной атрибуции и дегуманизации недостаточно для объяснения устойчивого агрессивного поведения. Существенным компонентом является также дефицит критической оценки собственных побуждений – некритичность к собственным деструктивным импульсам. Агрессор, как правило, не подвергает сомнению правомерность собственных агрессивных намерений; его внутренний контроль ослаблен, а самокритика либо отсутствует, либо подчинена оправданию агрессии.

В терминах ИКМ это означает дефицит аутофокуса. Критические ресурсы, которые могли бы быть направлены на проверку собственных мотивов, эмоциональных состояний и соответствия действий нормативным требованиям, остаются незадействованными. Отсутствие внутреннего торможения приводит к тому, что агрессивный импульс беспрепятственно переходит в действие. Таким образом, агрессивный паттерн может быть описан как дисбаланс, при котором высокая критичность к партнеру сочетается с низкой критичностью к себе [2; 5].

3. **Теоретический анализ когнитивных механизмов виктимного поведения**

Классическая теория усвоенной беспомощности М. Селигмана объясняет возникновение пассивного, покорного поведения как результат предшествующего опыта неконтролируемых негативных событий. Когда субъект многократно сталкивается с ситуациями, в которых его действия не влияют на исход, у него формируется генерализованное ожидание невозможности контроля над средой. Это ожидание блокирует активные попытки совладания и приводит к отказу от защитного поведения даже в тех случаях, когда объективная возможность контроля существует [10].

С точки зрения когнитивных процессов усвоенная беспомощность связана с искажением атрибутивных суждений: причины неудач приписываются устойчивым

внутренним факторам («я неспособен», «я виноват»), а возможность изменения ситуации недооценивается. В контексте виктимного поведения это означает, что жертва систематически не использует критические ресурсы для оценки реальных параметров ситуации и собственных возможностей ее изменения.

Характерным когнитивным паттерном виктимной личности является руминация – навязчивое, повторяющееся обдумывание негативных аспектов собственного опыта. Жертва многократно возвращается к пережитым унижениям, анализирует собственные ошибки и недостатки, обвиняет себя в происходящем. Такой избыточный самокритический фокус поглощает значительные когнитивные ресурсы, которые могли бы быть направлены на распознавание опасности, оценку действий агрессора и выработку защитных стратегий.

В терминах ИКМ руминация представляет собой гипертрофию аутофокуса. Критическая оценка направляется исключительно на собственные качества и действия, при этом ее продуктивный потенциал утрачивается: вместо конструктивной самокоррекции возникает деструктивное самообвинение. Субъект оказывается запертым в замкнутом контуре самокритики, который блокирует переход к активным действиям.

Противоположной стороной виктимного профиля является дефицит критической оценки действий партнера – аллофокуса. Жертва оказывается неспособной распознать манипулятивные приемы, признаки деструктивного воздействия и нарушения собственных психологических границ. Действия агрессора воспринимаются некритически: они либо не замечаются, либо интерпретируются как проявление заботы, силы или нормативных требований.

Дефицит аллофокуса проявляется в том, что критические ресурсы, которые должны быть направлены на проверку намерений и действий партнера, остаются незадействованными. Жертва не задается вопросами о подлинных мотивах агрессора, о соответствии его действий социальным нормам, о допустимости оказываемого давления. Такая некритичность делает жертву уязвимой для повторной виктимизации.

В традиции Д. Н. Узнадзе установка понимается как целостное неосознаваемое состояние готовности к определенному восприятию и действию. Виктимная установка может быть рассмотрена как фиксированная когнитивная схема, сформированная под влиянием травматического опыта и закрепленная в структуре личности [11]. Она проявляется в устойчивой готовности воспринимать себя как жертву, а другого – как источник угрозы, не подлежащей критической проверке.

Виктимная установка включает в себя когнитивный компонент (ожидание враждебности при неспособности ее распознать), эмоциональный компонент (страх, тревога, чувство беспомощности) и поведенческий компонент (пассивность, уступчивость, избегание конфликта). В рамках предлагаемой модели виктимная установка может быть описана как устойчивый дисбаланс ИКМ: гипертрофированный аутофокус в сочетании с дефицитом аллофокуса. Такая

конфигурация делает поведение жертвы предсказуемым и, следовательно, легко эксплуатируемым агрессором.

4. **Синтез: дисбаланс избирательной критичности как единый когнитивный субстрат деструктивной диады**

Агрессивный паттерн в закрытых иерархических коллективах может быть описан через специфический профиль избирательной критичности, характеризующийся гипертрофией аллофокуса и дефицитом аутофокуса. Данная конфигурация порождает систематические когнитивные искажения: субъект избыточно фокусирует критические ресурсы на обнаружении недостатков, уязвимостей и ошибок партнера, при этом не использует критичность для проверки собственных побуждений и действий.

Гипертрофированный аллофокус проявляется в селективном внимании к негативным аспектам партнера. Агрессор замечает слабости, промахи и уязвимые места жертвы, игнорируя ее достоинства и позитивные характеристики. Враждебная атрибуция, рассмотренная выше, является частным случаем такого гипертрофированного аллофокуса: критическая оценка направлена на поиск угрозы даже там, где она объективно отсутствует. Дефицит аутофокуса, в свою очередь, означает, что субъект некритичен к собственным агрессивным побуждениям, оправдывает их и не оценивает их соответствие социальным и правовым нормам [2; 6].

Виктимный паттерн представляет собой противоположный дисбаланс: гипертрофию аутофокуса при дефиците аллофокуса. Избыточная самокритика (руминация, самообвинение) поглощает когнитивные ресурсы, которые могли бы быть направлены на оценку реальной опасности со стороны агрессора. Субъект постоянно анализирует собственные недостатки, винит себя в происходящем и ищет причины неудач в себе, вместо того чтобы критически оценить действия партнера.

Усвоенная беспомощность в данном контексте интерпретируется как результат искаженной обработки опыта неудач: критический фокус направлен на самоатрибуцию («я виноват», «я неспособен»), а не на анализ ситуационных факторов. Дефицит аллофокуса проявляется в некритичности к манипулятивным действиям агрессора: жертва не распознает признаки нарушения собственных границ, не оценивает правомерность требований и не прогнозирует последствия своего подчинения. Таким образом, когнитивная активность жертвы оказывается сосредоточена на себе, в то время как внешняя угроза остается вне поля критического анализа [8; 10].

Профили критичности агрессора и жертвы не просто сосуществуют, а находятся в отношениях взаимного подтверждения и стабилизации. Агрессор с гипертрофированным аллофокусом находит в жертве объект, на который может быть направлена его избыточная критичность: уязвимая, некритичная к внешнему давлению личность предоставляет агрессору «материал» для проявления враждебной атрибуции и дегуманизации. Наличие жертвы подтверждает

когнитивную схему агрессора, согласно которой другой является слабым и заслуживающим критической оценки.

Жертва, в свою очередь, подтверждает свой профиль через наличие «сильного» агрессора. Некритичность к манипулятору оправдывается самообвинением: «если он так поступает, значит, я действительно виноват». Дефицит аллофокуса закрепляется, поскольку агрессор предоставляет постоянные подтверждения собственной доминирующей позиции, которую жертва не подвергает критической проверке. Возникает замкнутый контур, в котором искаженные профили взаимно поддерживаются и воспроизводятся во времени. Именно эта диалектическая взаимосвязь объясняет устойчивость деструктивных диад в закрытых коллективах.

5. **Самовоспроизводство деструктивного цикла: системный анализ**

Деструктивное взаимодействие в закрытых коллективах имеет циклический характер. Агрессивный акт вызывает у жертвы усиление самокритики и снижение критичности к внешней угрозе, что, в свою очередь, делает ее еще более уязвимой для последующей агрессии. Агрессор, получив подкрепление в виде подчинения жертвы, закрепляет гипертрофированный аллофокус и дефицит аутофокуса. Таким образом, каждый цикл усиливает исходный дисбаланс у обоих участников.

Групповые нормы и статусная иерархия играют существенную роль в стабилизации описанных дисбалансов. В закрытых коллективах агрессивное поведение нередко получает негласное одобрение, если оно соответствует статусным ожиданиям: агрессор воспринимается как «сильный» и «авторитетный», а жертва — как «слабая». Такая нормативная рамка усиливает некритичность агрессора к собственным действиям и некритичность жертвы к действиям агрессора, закрепляя существующее распределение ролей.

Формальные дисциплинарные меры, применяемые в воинских частях или пенитенциарных учреждениях, нередко не разрушают деструктивный цикл, поскольку воздействуют лишь на его внешние проявления, а не на когнитивные механизмы. Более того, в условиях «теневой» неформальной структуры наказание может быть перераспределено: жертва, обратившаяся за помощью, получает ярлык «стукача» и подвергается дополнительной агрессии. Когнитивные профили участников при этом не изменяются, и цикл продолжает воспроизводиться в скрытых формах.

6. Импликации для профилактики

Изолированная коррекция, направленная только на агрессора или только на жертву, не устраняет системный фактор деструктивной диады. Если агрессор проходит программу снижения агрессивности, но жертва сохраняет виктимный профиль, ее поведение продолжает активировать гипертрофированный аллофокус партнера, что приводит к рецидиву. Аналогично работа с жертвой без трансформации агрессора оставляет ее в условиях, где прежние когнитивные схемы будут вновь активированы.

Профилактические программы должны быть направлены на одновременную реконструкцию профилей критичности всех субъектов деструктивного

взаимодействия. Это требует работы как с агрессором (развитие аутофокуса, снижение деструктивного аллофокуса), так и с жертвой (развитие аллофокуса, снижение избыточного самообвинения). Важно, чтобы коррекционные воздействия были согласованы и проводились в едином контексте, учитывающем системный характер взаимодействия.

Стратегической целью профилактики должно выступать формирование сбалансированной избирательной критичности мышления. Сбалансированный профиль предполагает способность субъекта гибко переключать фокус критической оценки в зависимости от требований ситуации: направлять критичность на собственные побуждения при угрозе агрессивного импульса, на действия партнера при угрозе манипуляции, на нормативный контекст при необходимости правовой оценки. Именно такой сбалансированный профиль обеспечивает как защиту от виктимизации, так и торможение агрессивного поведения, создавая предпосылки для ассертивного взаимодействия.

Выводы по статье

Проведенный теоретический анализ позволяет сформулировать ряд обоснованных выводов.

Во - первых, агрессивное и виктимное поведение в закрытых иерархических коллективах представляют собой не изолированные феномены, а диалектически связанные компоненты единого деструктивного цикла. Их объединяет общий когнитивный субстрат — дисбаланс избирательной критичности мышления.

Во - вторых, агрессивный паттерн характеризуется гипертрофией аллофокуса при дефиците аутофокуса. Субъект избыточно критичен к партнеру, интерпретируя его действия сквозь призму враждебной атрибуции и дегуманизации, но некритичен к собственным деструктивным побуждениям. Виктимный паттерн представляет собой противоположный дисбаланс: гипертрофию аутофокуса (руминация, самообвинение, усвоенная беспомощность) при дефиците аллофокуса (некритичность к манипулятору, неспособность распознать нарушение границ).

В - третьих, искаженные профили критичности участников взаимно стабилизируются, образуя замкнутый контур эскалации. Агрессор и жертва «находят друг друга», поскольку каждый из них предоставляет другому подтверждение его когнитивной схемы. Групповые нормы и неформальная статусная иерархия усиливают этот процесс, делая формальные дисциплинарные меры недостаточными для разрушения цикла.

В - четвертых, профилактика деструктивного взаимодействия должна быть системной и направленной на одновременную реконструкцию критических фокусов всех участников диады. Стратегической целью является формирование сбалансированной избирательной критичности мышления, обеспечивающей гибкое переключение между векторами критической оценки в зависимости от прагматики ситуации.

Полученные результаты имеют теоретическое значение для развития юридической психологии и психологии безопасности, а также практическую значимость для разработки программ профилактики насилия в закрытых коллективах. Перспективой дальнейших исследований является эмпирическая верификация предложенной модели с использованием поведенческих задач на переключение фокуса критичности и анализом динамических характеристик деструктивных диад в воинских подразделениях.

Список источников

1. Anderson, C. A., & Bushman, B. J. Human aggression // Annual Review of Psychology. – 2002. – Vol. 53. – P. 27–51.

2. Ениколопов, С. Н. Агрессия и насилие: современные подходы к исследованию / С. Н. Ениколопов, Н. П. Цибульский // Психологический журнал. – 2021. – Т. 42, № 3. – С. 25–36.

3. Шейнов, В. П. Ассертивность как психологический конструкт: структура, диагностика, развитие / В. П. Шейнов // Социальная психология и общество. – 2020. – Т. 11, № 4. – С. 108–124.

4. Руденский, Е. В. Виктимизация личности в социальном взаимодействии: концептуальный анализ / Е. В. Руденский // Психологическая наука и образование. – 2021. – Т. 26, № 5. – С. 45–58.

5. Карпов, А. В. Метакогнитивные процессы в структуре профессиональной деятельности / А. В. Карпов, А. А. Карпов // Психологический журнал. – 2021. – Т. 42, № 2. – С. 5–15.

6. Быкова, С. В. Метакогнитивная регуляция эмоциональных состояний: подходы и перспективы / С. В. Быкова, Д. В. Люсин // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – Т. 19, № 2. – С. 260–276.

7. Chen, S., & Lian, T. Metacognitive awareness and aggression in college students: The mediating role of emotion regulation // Current Psychology. – 2022. – Vol. 41, No. 3. – P. 1684–1694.

8. Зимбардо, Ф. Эффект Люцифера: почему хорошие люди превращаются в злодеев / Ф. Зимбардо. – М.: Альпина нон - фикшн, 2013. – 740 с.

9. Милгрэм, С. Подчинение авторитету: научный взгляд на власть и мораль / С. Милгрэм. – М.: Альпина нон - фикшн, 2016. – 282 с.

10. Seligman, M. E. P. Helplessness: On depression, development, and death. – San Francisco: W. H. Freeman, 1975. – 250 p.

11. Узнадзе, Д. Н. Психология установки / Д. Н. Узнадзе. – СПб.: Питер, 2001. – 416 с.

© Невенчанный С.В., 2026

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Митьковский Н. А.
магистрант 2 курса СибЮУ
г. Омск, РФ

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРПАВ РЕБЕНКА В КОНТЕКСТЕ БАЛАНСА С ПРАВАМИ РОДИТЕЛЕЙ

Аннотация

В статье исследуется проблема определения границ личных неимущественных прав ребёнка в их соотношении с правами родителей. Актуальность обусловлена отсутствием в законодательстве чётких критериев разграничения допустимого воспитательного воздействия и жестокого обращения, а также нестабильностью правоприменительной практики. Цель работы — комплексный анализ природы личных неимущественных прав ребёнка и разработка механизмов разрешения коллизий между правами родителей и детей. Метод исследования включает системный и сравнительно - правовой анализ норм семейного, гражданского и уголовного законодательства, судебной практики и доктринальных источников. По итогам исследования автором предложена оригинальная классификация личных неимущественных прав ребёнка по степени автономии (абсолютно защищаемые, относительно - регулируемые, автономно - реализуемые), сформулированы рекомендации по совершенствованию законодательства — закрепление легального определения жестокого обращения, введение обязательной медиации, а также комплекс инструментов балансировки прав.

Ключевые слова:

Личные неимущественные права ребёнка, родительские права, жестокое обращение, приоритет интересов ребёнка, процессуальное правопреемство, медиация.

1. Введение

Проблема определения границ личных неимущественных прав ребёнка в контексте баланса с правами родителей – одна из наиболее сложных и дискуссионных в современной юридической науке и практике. Преодолев путь от восприятия ребёнка как объекта родительской власти до признания его самостоятельным субъектом права, законодательство тем не менее не выработало чётких критериев, позволяющих провести грань между допустимым воспитательным воздействием и нарушением прав несовершеннолетнего.

Семейный кодекс РФ провозглашает приоритет интересов детей и запрещает жестокое, грубое, унижающее достоинство обращение, однако само понятие жестокого обращения остаётся оценочным. Это порождает серьёзные трудности для судов и органов опеки: схожие ситуации получают диаметрально противоположную правовую оценку, а защита прав ребёнка зависит не столько от объективных обстоятельств, сколько от субъективного усмотрения правоприменителя.

Особую остроту вопрос приобретает при разрешении споров об определении места жительства ребёнка, порядке общения, лишении или ограничении родительских прав. Ключевое значение имеет право ребёнка быть заслушанным (ст. 57 СК РФ[1], ст. 12 Конвенции ООН[2] о правах ребёнка). Однако механизм выявления мнения ребёнка не гарантирует свободы волеизъявления: психологическая зависимость от родителей, страх, манипуляции, возрастные особенности психики делают процедуру нередко формальной, а результаты – недостоверными.

Дискуссионным остаётся и вопрос о юридической природе личных неимущественных прав ребёнка: являются ли они абсолютными или относительными. Его разрешение имеет не только доктринальное, но и практическое значение – влияет на выбор способов защиты, определение круга обязанных лиц и пределы вмешательства государства в семейные отношения.

Таким образом, проблема требует комплексного осмысления, учитывающего как теоретические аспекты природы этих прав, так и практические сложности их реализации.

2. Теоретико - правовые основы баланса прав родителей и детей

2.1. Юридическая природа личных неимущественных прав ребёнка

В доктрине семейного права дискуссия о том, являются ли личные неимущественные права ребёнка абсолютными или относительными, сохраняет актуальность многие годы.

Сторонники абсолютного подхода исходят из того, что это естественные, неотчуждаемые права, принадлежащие ребёнку от рождения. Статья 150 ГК РФ [3]относит жизнь, здоровье, достоинство личности, честь и доброе имя к нематериальным благам, принадлежащим гражданину от рождения. Конституционный Суд РФ подтвердил, что принцип наилучших интересов ребёнка требует признания права ребёнка, родившегося после смерти отца (nasciturus), на компенсацию морального вреда, что свидетельствует о расширительном толковании абсолютной защиты.

С другой стороны, реализация этих прав объективно происходит в рамках длящегося семейного правоотношения с родителями. Родительские права и обязанности ограничены во времени (ст. 61 СК РФ[4]), родители выступают законными представителями, что придаёт реализации прав ребёнка черты относительности.

---

[1] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223 - ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026).

[2] Конвенция о правах ребёнка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1990. – № 44. – Ст. 844

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51 - ФЗ (ред. от 10.06.2026) // КонсультантПлюс. – Ст. 150.

[4] Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223 - ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026) // КонсультантПлюс. – Ст. 61

Наиболее обоснованным представляется вывод о **смешанном (дуалистическом) характере** личных неимущественных прав ребёнка. В части защиты от посягательств любых третьих лиц (жестокое обращение, посягательство на жизнь и здоровье) они носят абсолютный характер. В части повседневной реализации (право на общение, выбор форм образования, участие в решении семейных вопросов) – относительный, поскольку осуществляются в рамках правоотношения с родителями с учётом возраста и зрелости ребёнка.

Аналогичной позиции придерживаются О.Ю. Ильина (невозможность однозначной квалификации семейных отношений как частноправовых или публично - правовых), А.А. Казакова, Л.В. Кудрявцева и Н.А. Пелевин (сочетание принципов автономии и усиленной защиты). Такой подход позволяет дифференцировать правовой режим защиты в зависимости от природы конкретного права и степени автономии несовершеннолетнего.

2.2. Принцип приоритета интересов ребёнка

Согласно п. 1 ст. 65 СК РФ[5], родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей. Это корреспондирует ст. 3 Конвенции ООН о правах ребёнка[6], закрепляющей приоритет наилучшего обеспечения интересов ребёнка.

В доктрине отмечается неточность воспроизведения терминологии Конвенции: понятия «наилучшие интересы» и «приоритет интересов» имеют разную смысловую нагрузку. Предлагается гармонизирующая формулировка: «Обеспечение интересов детей должно быть и наилучшим, и приоритетным».

Содержание категории «интересы ребёнка» остаётся дискуссионным. Одни авторы определяют интерес через объективную социальную потребность, другие – через стремление к достижению блага. Р.Е. Гукасян справедливо замечает, что осознание интереса – это момент его реализации, переход объективного в субъективное.

Правоприменительная практика демонстрирует сложность реализации принципа. Верховный Суд РФ неоднократно подчёркивал: мнение ребёнка, достигшего десяти лет, подлежит обязательному учёту, но не является безусловным основанием для определения места жительства. Если есть доказательства, что мнение сформировано под влиянием одного из родителей или противоречит интересам ребёнка, суд обязан всесторонне оценить обстоятельства. Формальное применение закона без анализа психологического состояния и реальных интересов ребёнка недопустимо.

Особого внимания заслуживает проблема злоупотребления правом, когда родители манипулируют интересами ребёнка для достижения собственных целей.

[5] Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223 - ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026) // КонсультантПлюс. – п. 1 ст 65

[6] Конвенция о правах ребёнка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1990. – № 44. – Ст. 844.

В судебной практике это расценивается как один из видов злоупотребления правом.

Принцип приоритета интересов ребёнка не может рассматриваться как механическая формула. Это оценочная категория, наполнение которой осуществляется с учётом конкретных обстоятельств, возраста, психологических особенностей и семейной ситуации.

2.3. Родительские права и обязанности как коррелят прав ребёнка

Статья 61 СК РФ устанавливает равенство прав и обязанностей родителей. Родители имеют преимущественное право на воспитание детей перед всеми другими лицами (п. 1 ст. 63 СК РФ[7]). Особенность родительских прав в том, что их осуществление одновременно является исполнением обязанностей.

Родители не вправе причинять вред психическому и физическому здоровью детей и их нравственному развитию (п. 1 ст. 65 СК РФ). Предусмотрена ответственность: семейно - правовая (лишение или ограничение родительских прав), гражданско - правовая, административная (ст. 5.35 КоАП РФ[8]) и уголовная (ст. 156 УК РФ[9]).

Родительская власть рассматривается как базовый институт социально - семейного строя. Законодательство ориентировано на максимальное сохранение семейной среды, резюмируя, что одним из базовых интересов ребёнка является родительское попечение. Однако эта презумпция может быть опровергнута при ненадлежащем воспитании или злоупотреблении правами.

3. Проблема границ допустимого воспитательного воздействия

3.1. Отсутствие легального определения жестокого обращения

Одна из наиболее сложных проблем – отсутствие в российском законодательстве легального определения понятия «жестокое обращение» с ребёнком. Семейный кодекс устанавливает, что способы воспитания должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию (п. 1 ст. 65 СК РФ[10]), однако содержание этих понятий не раскрывается.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 11 Постановления от 27.05.1998 № 10 [11] разъяснил, что жестокое обращение может проявляться не только в физическом

[7] Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223 - ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026) // КонсультантПлюс. – п. 1 ст 63

[8] Статья 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195 - ФЗ (ред. от 26.07.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // КонсультантПлюс.

[9] Статья 156 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63 - ФЗ (ред. от 04.08.2026) «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего» // КонсультантПлюс.

[10] Пункт 1 статьи 65 Семейного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223 - ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026) // КонсультантПлюс.

[11] Пункт 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (утратил силу) // КонсультантПлюс.

или психическом насилии, но и в применении недопустимых способов воспитания. Однако разъяснение носит оценочный характер: указываются возможные формы, но не исчерпывающие признаки, что оставляет значительное пространство для судейского усмотрения.

Ключевое значение приобрело Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44[12], которое:

- разграничило «непосредственную угрозу жизни или здоровью» и простое ненадлежащее исполнение обязанностей;
- указало, что педагогическая несостоятельность или социальная запущенность не являются безусловным основанием для изъятия ребёнка из семьи;
- ввело критерий достоверности и свободы волеизъявления ребёнка: суд обязан оценивать мотивы его мнения, проверяя, не является ли оно результатом давления или манипуляции;
- рекомендовало назначение судебной психолого - психиатрической экспертизы для анализа эмоциональной привязанности и выявления психотравмирующего воздействия.

Таким образом, ПП ВС № 44 выступает системообразующим процессуальным фильтром, позволяющим соблюсти баланс между презумпцией добросовестности родителей и необходимостью вмешательства при реальной жестокости.

В доктрине выделяются следующие формы жестокого обращения:

1. **Физическое насилие** – избиения, побои, истязания, лишение пищи и воды, причинение боли.
2. **Психическое (эмоциональное) насилие** – грубое, унижающее обращение, оскорбления, постоянная критика, угрозы, публичные унижения, демонстрация насилия.
3. **Эксплуатация** – использование для удовлетворения сексуальных потребностей, вовлечение в проституцию, принуждение к непосильному труду, попрошайничество.
4. **Игнорирование основных потребностей** (пассивная жестокость) – лишение пищи, одежды, нарушение режима дня, невыполнение гигиенических норм, отказ от медицинской помощи.
5. **Попустительство насилию со стороны третьих лиц** – непринятие мер защиты, когда родители знают о насилии.

Поскольку рассматриваемый признак является криминообразующим (для ст. 156 УК РФ) и отграничивает уголовно наказуемое деяние от административного правонарушения (ст. 5.35 КоАП РФ), он нуждается в конкретизации и чётком разъяснении на правовом уровне.

[12] Пункт 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребёнка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // КонсультантПлюс.

3.2. Критерии разграничения воспитательного воздействия и жестокого обращения

Проблема разграничения имеет важнейшее практическое значение: от её решения зависит возможность привлечения родителей к ответственности и изъятия ребёнка из семьи.

В обществе бытует мнение, что «оплеухи, затрещины» необходимы и даже полезны для усвоения уроков социального поведения. Это исторически сложившееся представление создаёт серьёзный барьер для эффективной защиты прав детей.

В научной дискуссии акцентируется необходимость учёта:

- интенсивности содеянного (количественно и качественно);
- последствий для физического и психического здоровья либо угрозы их наступления;
- причинной связи с виновным поведением родителей.

Умеренные телесные наказания сами по себе не свидетельствуют о наличии состава ст. 156 УК РФ. Критерием разграничения преступления и административного правонарушения выступает именно наличие жестокого обращения как криминообразующего признака. Однако из - за оценочности понятия грань оказывается крайне размытой.

Для квалификации по ст. 156 УК РФ необходимо установить прямой умысел: виновный осознаёт, что нарушает обязанности, понимает, что обращается жестоко, и желает совершать такие действия. Наличие объективных причин, не позволяющих улучшить условия, исключает вину.

Предлагается учитывать комплекс факторов: систематичность, характер и интенсивность нарушений, возраст и индивидуальные особенности ребёнка, наступившие или возможные последствия.

3.3. Виды юридической ответственности

Российское законодательство предусматривает несколько видов ответственности:

- **Административная** (ст. 5.35 КоАП РФ) – неисполнение обязанностей по воспитанию, не сопряжённое с жестоким обращением; штраф до 5 000 руб. либо административный арест до 5 суток.
- **Уголовная** (ст. 156 УК РФ) – неисполнение обязанностей, соединённое с жестоким обращением; штраф до 100 000 руб., обязательные работы до 440 часов, исправительные работы до 2 лет, принудительные работы до 3 лет, лишение свободы до 3 лет.
- **Семейно - правовая** – лишение родительских прав (ст. 69 СК РФ), ограничение (ст. 73 СК РФ), отобрание при непосредственной угрозе (ст. 77 СК РФ).

Дела о лишении или ограничении родительских прав рассматриваются с обязательным участием органа опеки и прокурора. При обнаружении признаков

преступлений суд обязан сообщить в органы дознания или предварительного следствия.

Проблема в том, что отсутствие чётких критериев создаёт риски несоразмерного реагирования. Предлагается внести изменения в ст. 156 УК РФ, дополнив её частью 2 «Жестокое обращение с несовершеннолетним».

4. Авторская классификация и механизмы разрешения коллизий

4.1. Авторская классификация личных неимущественных прав ребёнка по степени автономии

Существующие подходы не учитывают динамики расширения автономии ребёнка по мере взросления. Предлагается авторская классификация, основанная на критерии реализуемости независимо от родителей и допустимых пределах вмешательства.

Первая группа – абсолютно защищаемые (неотчуждаемые) права. Право на жизнь, физическое и психическое здоровье, защиту от всех форм насилия, неприкосновенность личности. Носят безусловный характер, принадлежат от рождения, подлежат защите против любых посягательств, включая действия родителей. Государство обязано вмешиваться при малейших признаках нарушения. Родители не вправе ограничивать эти права под предлогом воспитания.

Вторая группа – относительно - регулируемые (совместные) права. Права, реализация которых объективно требует участия родителей: право на общение с родителями и родственниками, выбор форм образования, определение места жительства при раздельном проживании. Требуется паритетный учёт интересов всех сторон; мнение ребёнка с 10 лет подлежит обязательному учёту, но не является безусловным. Решения принимаются на основе комплексной оценки семейной ситуации.

Третья группа – автономно - реализуемые права. Права, которые ребёнок способен осуществлять самостоятельно по мере приобретения зрелости: тайна переписки и переговоров (с 14 лет); согласие на медицинское вмешательство (с 15 лет, в отдельных случаях – раньше); самостоятельное обращение за защитой (с 14 лет); право быть заслушанным (формально с 10 лет, реальная автономия возрастает). Действует «правило зрелости»: границы родительского контроля сужаются, приоритет отдаётся самостоятельному решению, если оно не создаёт угрозы жизни и здоровью.

Классификация позволяет дифференцировать подход суда и органов опеки, избегая как излишнего вмешательства, так и попустительства.

4.2. Инструменты балансировки прав

Обязательная судебная медиация по спорам, затрагивающим интересы детей. Позволяет родителям при нейтральном посреднике прийти к взаимоприемлемому решению, снижая психологическую нагрузку на ребёнка. Ребёнок может быть заслушан медиатором в присутствии психолога. Целесообразно предусмотреть обязательное применение по спорам об

определении места жительства и порядке общения до передачи дела в суд, за исключением случаев непосредственной угрозы.

Совершенствование процедуры заслушивания ребёнка:

- проведение в закрытом режиме с участием педагога и психолога;
- разработка методических рекомендаций для судей по оценке достоверности мнения, включая критерии выявления давления;
- закрепление права суда на независимую психолого - педагогическую экспертизу;
- возможность заслушивания ребёнка до 10 лет, если суд признает это необходимым.

Презумпция добросовестности родителей с возможностью опровержения. Сохраняет баланс между невмешательством и защитой прав ребёнка. Бремя опровержения лежит на том, кто утверждает о нарушениях. При наличии объективных признаков угрозы (медицинские документы, заявления, информация из учреждений) презумпция опровергается без дополнительных формальностей.

Усиление роли органов опеки: глубокое обследование семейной ситуации (беседы, изучение бытовых условий, психологической атмосферы, взаимодействие с образовательными и медицинскими учреждениями), мотивированные выводы о наличии или отсутствии признаков жестокого обращения.

Психологическая экспертиза по инициативе любой стороны или суда для оценки эмоциональных привязанностей, выявления манипуляции и определения наиболее благоприятной среды. Проводится аттестованными специалистами.

Расширение права ребёнка на самостоятельное обращение в суд и органы опеки: позволить инициировать проверку фактов жестокого обращения независимо от возраста при обязательном участии органов опеки в качестве процессуального представителя.

5. Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. **О юридической природе личных неимущественных прав ребёнка.** Они носят смешанный характер: в части защиты от посягательств любых лиц – абсолютные, в части реализации в семейных правоотношениях – относительные. Этот дуализм необходимо учитывать при выборе механизмов разрешения коллизий.

2. **О принципе приоритета интересов ребёнка.** Это оценочная категория, наполнение которой осуществляется в каждом конкретном случае с учётом возраста, психологических особенностей и семейной ситуации. Принцип не может применяться механически.

3. **О критериях разграничения воспитания и жестокого обращения.** Отсутствие легального определения создаёт серьёзные трудности правоприменения. Необходимо закрепление чётких критериев, учитывающих систематичность, интенсивность, возраст ребёнка и последствия.

4. **Об авторской классификации.** Предлагается дифференцировать права на три группы: абсолютно защищаемые, относительно - регулируемые и автономно - реализуемые. Это позволяет гибко разрешать коллизии в зависимости от природы права и степени зрелости ребёнка.

5. **О механизмах разрешения коллизий.** Эффективная защита требует комплекса инструментов: обязательной медиации, совершенствования процедуры заслушивания с участием психолога, усиления роли органов опеки, введения презумпции добросовестности родителей с возможностью её опровержения.

Источники литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51 - ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195 - ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

3. Конвенция о правах ребёнка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) // Собрание законодательства РФ. 1990. № 44. Ст. 844.

4. О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 7.

5. О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребёнка: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 9.

6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223 - ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63 - ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

© Митьковский Н. А. 2026

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

Ананьева П.А.
студентка 2 курса СибГИУ
г. Новокузнецк, РФ
Малышев Д.Д.
студент 2 курса СибГИУ
г. Новокузнецк, РФ
Научный руководитель: Колосова С.В.,
Старший преподаватель, СибГИУ
г. Новокузнецк, РФ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФЕОДАЛИЗМА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕРМАНИИ И РУСИ

Аннотация

В статье исследуются особенности феодального строя, сложившегося на территориях средневековой Германии и Руси. На основе анализа доступных материалов и литературных источников авторами раскрываются такие аспекты, как формы земельной собственности, структура отношений господства и подчинения и правовое положение зависимого населения. Несмотря на схожие экономические предпосылки, пути развития феодализма в двух регионах значительно отличались.

Ключевые слова

Феодализм, средневековая Русь, средневековая Германия, сравнительный анализ, вассалитет.

Ananyeva P.A.
2nd year student, SibGIU
Novokuznetsk, Russia
Malyshev D.D.
2nd year student, SibGIU
Novokuznetsk, Russia
Scientific supervisor: Kolosova S.V.,
Senior Lecturer, SibGIU
Novokuznetsk, Russia

COMPARATIVE ANALYSIS OF FEUDALISM IN MEDIEVAL RUS AND GERMANY

Annotation

The article examines the features of the feudal system that developed in the territories of medieval Germany and Rus'. Based on the analysis of available materials and literary sources, the authors reveal such aspects as the forms of land ownership, the structure of

relations of dominance and subordination, and the legal status of the dependent population. Despite similar economic prerequisites, the paths of development of feudalisms in the two regions differed significantly.

Keywords

Feudalism, medieval Rus', medieval Germany, comparative analysis, vassalage.

Введение

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена тем, что вопрос о сущности феодализма средневековой Германии (под Германией понимается историческая область расселения германских племён и территория Священной Римской империи, не представлявшая собой в рассматриваемый период единого централизованного государства) и Руси является дискуссионным предметом в исторической науке. Сравнительный анализ этих двух регионов позволяет не только выявить общие закономерности развития феодального строя, но и понять причины принципиальных различий в политическом и социально - экономическом развитии.

Целью данной работы является создать целостное представление о феодализме в средневековой Германии и Руси на основе их сравнительного анализа.

Объектом исследования научной работы является феодальный строй средневековой Германии и Руси. Предметом исследования выступают структурные элементы феодальной системы: иерархия, формы землевладения и положение зависимого населения.

Научная новизна работы заключается в попытке комплексного сопоставления не только экономических, но и политических аспектов феодализма в двух странах, что позволяет уточнить существующие в историографии модели развития средневековых обществ.

Результаты оригинального авторского исследования

1. Особенности феодального строя в средневековой Германии

Феодальный строй в Германии складывался на протяжении нескольких столетий – от разложения родового строя у франков в VI веке до политической раздробленности XV века.

Исходной точкой является Салическая правда – запись обычного права салических франков, составленная в VI веке при Хлодвиге [3, с. 58–63]. Она застаёт тот момент, когда родовая община уже уступает место соседской. Усадебная земля находится в индивидуальной собственности семьи, о чём свидетельствует высокий штраф за нападение на чужой двор – 200 солидов, равных вергельду свободного франка. Луга и леса, напротив, остаются в коллективном пользовании общины. Такое сочетание частного двора и коллективных угодий указывает на переходный характер аграрных отношений [1, с. 141–142].

Пахотная земля ещё не стала частной собственностью, так как на неё община сохраняет верховные права (запрещает продавать надел, а при отсутствии

наследников возвращает землю умершего в общинный фонд). Это состояние точнее всего определить как наследственное пользование при верховных правах общины – именно из него в дальнейшем вырастет аллод. Сама община уже не является родовым коллективом: она объединяет соседей, в том числе пришлых людей, и распределяет землю по территориальному принципу. Такая община - марка создаёт условия для имущественного расслоения [1, с. 143].

Расслоение внутри общины становится следующим этапом эволюции. Ему способствует изолированный характер труда отдельных семей, однако общинные устои ещё долго сдерживают перерастание имущественного неравенства в социальное. Тем не менее трещина уже обозначилась. Так, например Салическая правда фиксирует процедуру «отказа от родства», при которой человек публично разрывал связи с роднёй и лишался права на наследование и вергельд (денежное возмещение за убийство). Эта возможность была выгодна прежде всего богатым, не желавшим помогать обедневшим родственникам, в то время как бедные же держались за род как за единственную защиту [1, с. 144].

Показательно, что родственные связи постепенно утрачивали экономический смысл. В результате франкское общество распадается на несколько слоёв: основную массу составляют свободные крестьяне - общинники, над ними возвышается служилая знать с тройным вергельдом в 600 солидов, ниже стоят литы и вольноотпущенники (вергельд 100 солидов), а рабы вообще не имеют вергельда – за их убийство платится лишь штраф. Служилая знать постепенно превращается в класс крупных землевладельцев, и именно противостояние свободного крестьянства и этой знати становится основой дальнейшей феодализации [1, с. 145].

Следующий этап связан с эволюцией форм землевладения. Аллод (от древнегерм. *allod* — полное имущество) – свободно отчуждаемая индивидуально - семейная земельная собственность в раннефеодальной Западной Европе, в качестве пережитка существовавшая и при развитом феодализме – ряд исследователей связывают окончательное оформление аллода с эдиктом Хильперика (вторая половина VI в.), разрешившего наследовать землю и дочерям [4, с. 109]. С этого момента земля превращается в товар. Однако аллод не был однородным: наряду с крестьянским наделом появляется жалованный аллод – пожалования короля дружинникам и приближённым, которые были крупнее и постепенно преобразовывались в феодальные держания, тогда как мелкие крестьянские аллоды превращались в тягловые держания (мансы) [2, С. 100]. В VIII – IX веках происходит аграрный переворот. Масса свободных крестьян разоряется, крупное землевладение растёт за счёт поглощения мелкой собственности. Разорившийся крестьянин отдаёт землю и попадает в личную зависимость [1, с. 147].

На смену аллоду приходит бенефиций (от лат. *beneficium* — благой дар, благодеяние) – условное срочное пожалование (преимущественно земельное) за выполнение военной или административной службы. Его вводит Карл Мартелл,

проведя для раздачи секуляризацию церковных земель. Бенефиций отбирается при прекращении службы или измене, что делает его инструментом контроля [2, С. 101].

Бенефициарная реформа становится переворотом раннего Средневековья: растёт зависимость крестьян, военная власть сосредотачивается у господствующего класса, складывается вассально–ленная иерархия. Таким образом, отчётливо видна двухступенчатая эволюция – от полной собственности (аллод) к условному держанию (бенефиций).

Однако в Германии этот процесс имел свои особенности. Феодализация здесь шла замедленно, поскольку территория не входила в состав Римской империи и не испытала прямого влияния римских порядков. Закрепощение было неравномерным: в одних деревнях под власть феодала попадала вся община, в других – лишь отдельные обитатели. Прежние аллодисты становились прекаристами (держателями земли, полученной по договору прекария), но наряду с ними сохранялись и свободные крестьяне.

Эксплуатация была мягче, чем во Франции: барщина не превышала 6 недель в году, а прекаристы платили преимущественно продуктовую и денежную ренту.

К началу X века феодальная собственность ещё не восторжествовала над общинной, феодалы имели право суда только над лично несвободными, а феодальная иерархия и наследственность должностей ещё не сложились.

Перелом наступает в XII – XIII веках. В отличие от Англии и Франции, где складывались централизованные монархии, в Германии усиливается раздробленность. Королевство уже в XIII веке фактически распадается на территориальные княжества. С конца XI века отделение ремесла от сельского хозяйства ведёт к росту городов, которые вступают в борьбу с сеньорами. Развитие товарно - денежных отношений меняет крестьянское хозяйство: часть продукции идёт на рынок, намечается переход к денежной ренте, но общегерманский рынок так и не складывается. На этом фоне растёт могущество территориальных князей, а императорская власть слабеет [1, с. 357–376].

Императоры пытаются опереться на министериалов – личных слуг несвободного происхождения, получавших землю за службу и постепенно превращавшихся в мелких феодалов. Иерархия складывается вокруг князей, а не короля. Усиление нажима вызывает крестьянские выступления (например убийство маркграфа Генриха в 1103 году в Саксонии). В XIII веке в Саксонии феодалы начинают отпускать крепостных на волю (латов), лишая их наделов за отступную плату, земля сдаётся в краткосрочную аренду – мейерство [1, с. 380].

Мейеры платят продуктовую ренту и постепенно сами превращаются в мелких феодалов, а крестьянство расслаивается на три слоя: владельцев нескольких наделов, малоземельных и вовсе безземельных. Так складывается феодальная иерархия.

Завершающий этап – «феодальная реакция» XIV – XV веков. Рост городов и торговли усилил стремление дворянства к роскоши, что вызвало новый нажим на

крестьян. Со второй половины XIV века усиливается личная зависимость и происходит возвращение к крепостному состоянию, особенно тяжёлому в Северно–Восточной Германии. Феодалы захватывают общинные луга и леса, суд находится в их руках, крестьянам отводятся худшие участки. Растёт барщина, появляются новые поборы – как регулярные, так и «случайные» (с рождением, браком, смертью). Условия держания часто меняются, и опорой феодалам служит норма римского права, согласно которой землевладелец распоряжается землёй по своему усмотрению, а крестьяне не имеют на неё прав. Сосредоточение в руках феодалов суда, сбора податей и права распоряжения землёй может быть определенно как иммунитет – совокупность политических прав над населением, характерная для зрелого феодализма [1, с. 680].

Политическим итогом становится закрепление раздробленности. При Карле IV (1347 – 1378 гг.) раздробленность получает юридическое закрепление – «Золотая булла» 1356 года, которая закрепляет за князьями суверенитет (суд, пошлины, права чеканки собственной монеты, горные богатства), определяет порядок избрания императора семью курфюрстами и узаконивает частные войны [5, с. 413–428]. Если во Франции и Англии феодализм привёл к централизации, то в Германии – к закреплению раздробленности.

Таким образом, германский феодализм прошёл длинный путь – от разложения родового строя, зафиксированного Салической правдой, до политической раздробленности XV века. На протяжении этого времени отчётливо прослеживаются эволюции форм земельной собственности и изменение правового положения населения. Именно эти две линии станут основой для сопоставления с русским материалом. Следующий раздел посвящён феодализму на Руси, где аналогичные процессы прослеживаются по Русской правде, вотчинному и поместному землевладению вплоть до XV века.

2. Особенности феодального строя в средневековой России

Русский феодализм складывался в иных условиях, чем германский: не из разложения римских порядков, а на основе восточнославянской общины и княжеско - дружинного уклада.

Становление феодальных отношений (IX – XII вв.) связано с формированием Древнерусского государства и принятием христианства. Крещение Руси (988 г.) дало возможность церкви получать земельные пожалования и десятины, что ускорило складывание крупного землевладения. Основой господствующего класса были князья и бояре, а также дружинники, получавшие землю в управление или вотчину [1, с. 253]. Рост боярского и церковного землевладения был связан с иммунитетом – земля переходила к феодалу вместе с правом сбора дани и суда, что является прямой параллелью германскому иммунитету.

Правовое положение характеризуется Русской правдой – сборник правовых норм Киевской Руси, датированный различными годами, начиная с 1016 года [1, с. 255]. Свободная категория населения по этому документу называлась смердами, которые постепенно попадали в зависимость с переходом земель к

феодалам. Одних закабаляли из - за нужды в инвентаре и семенах, других принуждало государство. Крестьяне, попавшие в кабалу по договору – ряду, назывались закупами. Они получали участок и ссуду (купу), которую отрабатывали на господской земле, за побег закуп превращался в холопа [1, с. 253–255]. Закупы являются полусвободной категорией населения, которые отрабатывали долг, что типологически близко к германским литам и прекаристам.

Система штрафов в Русской правде прямо соответствует германской системе вергельдов. В обоих случаях размер штрафа фиксирует сословный статус: жизнь знати в несколько раз дороже жизни общинника, а раб исключён из системы правовой защиты (так как холоп не имел правовой защиты и за его убийство не платилась вира).

Коллективная ответственность общины (вервь) проявлялась в институте «дикой» виры: если убийца не был найден, штраф платила вся община. Это напоминает германскую общину – марку с её круговой порукой.

Феодальная раздробленность (XII – XIII вв.) стала закономерным этапом. Древнерусское государство раздробилось на самостоятельные княжества, что было следствием экономического обособления и роста крупной собственности. В положении крестьян произошли перемены: появились половники и закладники – крестьяне, вступавшие в зависимость за долг [1, с. 452].

Период раздробленности характеризуется быстрым ростом крупного землевладения. Княжеские владения включали города и сёла, а также на фоне этого росло боярское и церковное землевладение. Крупный землевладелец получал право суда над крестьянами и отвечал перед государством за их повинности, постепенно становясь «государем» в своих владениях. Это соответствует германской модели X – XI вв., где феодалы также приобретали судебную и военную власть над зависимым населением, хотя в Германии процесс шёл медленнее.

Образование централизованного государства (XIV – XV вв.) стало новым этапом. В конце XV века сложилось единое Русское государство с центром в Москве.

В XIV – XV веках огромные земли находились в руках светских и церковных феодалов. Такой вид земельного владения как феодальная вотчина – имение, которое феодал имел право передавать по наследству и отчуждать, является русским аналогом германского аллода – наследственная, полная собственность феодала. Но если германский аллод вырастал из общинного пользования, то русская вотчина складывалась сразу как крупное княжеское и боярское землевладение.

Наряду с вотчиной существовал и другой вид землевладения, где князья передавали земли своим слугам – дворянам и боярским детям во временное владение под условием военной службы. К концу XV века эта практика развилась в поместную систему. Поместье является русским аналогом германского бенефиция – условное держание за службу, не передающиеся по наследству. Но принципиальное отличие в том, что германский бенефиций давался сеньором

вассалу в рамках вассально–ленной иерархии, а русское поместье – государством (великим князем) служилому человеку, минуя вассальные посредники [1, с. 768–769].

Положение крестьян в XIV – XV веках определялось дальнейшим закрепощением. Крестьяне, не попавшие в зависимость от отдельных феодалов, платили дань государству. Зависимые крестьяне вносили натуральный оброк и выполняли барщину. С конца XIV века феодалы стали повышать оброк и увеличивать барщину, захватывать общинные угодья. Кроме ренты крестьяне несли повинности в пользу государства: дань, «городовое дело» (натуральная повинность, которая заключалась в строительстве укреплений), «ямское дело» (транспортные повинности). Крупные вотчинники и церковные землевладельцы освобождались от части налогов. Это прямая параллель германскому иммунитету [1, с. 770].

Процесс закрепощения крестьян был связан с изменением форм эксплуатации. Уже в XIV веке существовали ограничения свободного передвижения крестьян. С начала XV века выделяется группа старожильцев, потерявших право перехода. Также устанавливается единый срок отказа на переходы – Юрьев день, а Судебник 1497 года распространяет это правило на все категории крестьян и по всей территории государства, вводя также пожилое – плату за уход от землевладельца [1, с. 771]. Это принципиально отличается от германской модели: в Германии закрепощение шло «снизу», через усиление власти отдельных феодалов, а на Руси – «сверху», через государственные указы.

Таким образом, русский феодализм прошёл путь от становления крупного землевладения в IX – XII вв. через раздробленность XII – XIII вв. к образованию централизованного государства и складыванию поместной системы XIV – XV вв. На всех этапах прослеживается эволюция форм земельной собственности и изменения правового положения населения.

Заключение

Проведённое сравнительное исследование позволило достичь поставленной во введении цели – сформировать целостное представление о феодальном строе в средневековой Германии и Руси, выявив как общие закономерности, так и принципиальные различия.

Материалы исследования позволяют дать основания для следующих выводов:

1) В обеих странах прослеживается эволюция форм земельной собственности. Однако, если германский аллод вырастал из общинного пользования и эволюционировал в бенефиций, то русская вотчина складывалась сразу как крупное княжеское и боярское землевладение. Русское поместье же, которое выступало аналогом германскому бенефицию, выдавался великим князем своим служилым людям, минуя вассальные посредники.

2) Обе системы (русская и германская) фиксируют сословное неравенство через систему штрафов (вергельды и виры). Размер штрафа прямо зависел от сословного статуса, что закрепляло правовое неравенство в обществе. Тем не

менее процесс закрепощения населения в Германии проходил через усиление власти феодалов «снизу», в то время как на Руси – «сверху», через государственные указы.

3) В Германии феодализм привёл к политической раздробленности, а на Руси – к образованию централизованного государства. Вассально - ленные связи в Германии были взаимными, тогда как на Руси служилый человек был связан, прежде всего, с государством.

Таким образом, сравнительный анализ показал, что при наличии общих стадий закономерности траектории развития феодализма в Германии и на Руси принципиально различались, что было обусловлено спецификой их исторического пути.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всемирная история: в 10 т. Т. 3 / под ред. Н.А. Сидоровой [и др.]. М.: Госполитиздат, 1957. 884 с.
2. Худокормов, А. Г. Экономическая история «классического феодализма» (на примере Франции) // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2015. № 3. С. 93 - 112.
3. Салическая правда / пер. Н.П. Грацианского; под ред. В.Ф. Семенова. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1950. 169 с.
4. Социальная история Средневековья / под ред. Е.А. Косминского, А.Д. Удальцова. М.; Л., 1927. Т. 1. 254 с.
5. Золотая булла (1356 г.) / пер. С. Н. Ставровского, В. М. Корецкого // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М.: Гос. изд. юр. лит. 1961. 950 с.

© Ананьева П.А., Малышев Д.Д., 2026

Малышев Д.Д.
Студент 2 курса СибГИУ
г.Новокузнецк, РФ
Ананьева П.А.
Студентка 2 курса СибГИУ
г.Новокузнецк, РФ
Научный руководитель: Колосова С.В.
Старший преподаватель, СибГИУ
г. Новокузнецк, РФ

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИСПАНСКОЙ РЕКОНКИСТЫ

Аннотация

В статье представлен комплексный анализ концепции Реконкисты в европейской историографии. Актуальность обусловлена необходимостью разграничить исторический и мифологизированный образы Реконкисты для понимания

испанской национальной идентичности. Показано, что традиционный образ Реконкисты как непрерывного крестового похода — исторический конструкт, сформированный под влиянием политических установок.

Ключевые слова

Реконкиста, Испания, Пиренейский полуостров, христианство, мусульманство, историография, переосмысление, национальная идентичность, Эль Сид

Malyshev D. D.
2nd - year student of SibGIU
Novokuznetsk, Russia
Ananyeva P. A.
2nd - year student of SibGIU
Novokuznetsk, Russia
Scientific supervisor: Kolosova S. V.
Senior Lecturer, SibGIU
Novokuznetsk, Russia

REINTERPRETATION OF THE SPANISH RECONQUISTA

Annotation

The article presents a comprehensive analysis of the Reconquista concept in European historiography. The relevance is determined by the need to distinguish between the historical and mythologized images of the Reconquista for understanding Spanish national identity. The result shows that the traditional image of the Reconquista as a continuous crusade is a historical construct formed under political influence.

Keywords

Reconquista, Spain, Iberian Peninsula, Christianity, Islam, historiography, reinterpretation, national identity, El Cid

Реконкиста имеет сакральное значение для каждого испанца. Во время неё ковались социальные и политические институты Испании, которые определили её развитие на века вперёд. В этот период сформировались культурные традиции, до сих пор находящие отклик в самосознании испанского народа, и сама национальная идентичность Испании. Долгий конфликт сформировал и подвёл Испанию к эпохе великих географических открытий и активной колонизации Нового света. «Общество, которое на протяжении долгого времени существовало под постоянной внешней угрозой, победив эту угрозу, направило освободившиеся силы на освоение новых земель» [4, С. 140]. Таким образом, Реконкиста занимает своё важное место в истории Испании как один из ключевых моментов её становления. Целью данного исследования является выявление ключевых факторов трансформации представлений о ней посредством сравнительного анализа историографических подходов

Традиционно под испанской реконкистой принято понимать затяжной военный конфликт между мусульманскими и христианскими королевствами Пиренейского полуострова за территории, некогда входившие в состав вестготского королевства, уничтоженного во время арабо - берберского вторжения в VIII веке. Однако само понятие испанской реконкисты - это исторический конструкт сформированный историками в конце XVIII - го века под влиянием националистских идей [1, С. 182]. Идеологическое обоснование Реконкисты было заложено в астурийских хрониках конца IX века. В них астурийские правители представлены наследниками вестготских монархов, а изгнание иноверцев провозглашается священной обязанностью христиан [5]. Однако отвоевание земель у мусульман происходило одновременно с расширением власти королей на территории соседей - единоверцев не меньше, чем на земли иноверцев. Это позволяет предположить, что хроники отражают не столько реальную причину отвоевания земель у мусульман, сколько предоставляют легитимное основание для расширения политического влияния христианских правителей.

Несмотря на это, религиозный фактор не стоит воспринимать исключительно как предлог к расширению территорий, так как он отражал реальный процесс, в ходе которого католицизм утвердился как стержневой элемент испанской идентичности. «Исторически католицизм играл важную роль в испанском государственном строительстве. В период Реконкисты, реформации и контрреформации католицизм явился главной „объединяющей силой"» [3, С. 75]. Именно поэтому религия играла не только политическую роль в борьбе за Пиренейский полуостров, она одновременно формировала тот ценностный фундамент, на котором христианство стало неотрывной частью испанского национального самосознания.

Активные споры о роли периода реконкисты в истории Испании начинаются в первой половине XX века. Ещё в 1947 году французский историк Пьер Вилар в своём труде «История Испании» отходит от классического образа реконкисты как непрерывного крестового похода против Ислама, закрепившийся в официальной франкистской историографии [2, С. 43]. Его интерпретация несла глубокие, системные расхождения с классической трактовкой:

1. Сущность реконкисты. В то время как режим Франко видел в Реконкисте крестовый поход, и проводил параллель с Гражданской войной, объявляя её «новым крестовым походом», Вилар акцентирует внимание на том, что Реконкиста не была планомерным проектом единой нации, а стала «безостановочной колонизацией и священной войной» под влиянием необходимости. По мнению Вилара, Реконкиста стала определяющим фактором в формировании испанского национального характера и государственности, а не просто действием, предпринятым уже сформированной нацией [7, С. 242].

2. Региональное многообразие в противовес унитаризму. Франкистский режим продвигал идею единой Испании - согласно официальному лозунгу «Единая, Великая, Свободная» - и подавлял каталонский и баскский национализм. Вилар, в

свою очередь, выделял несколько народностей сформировавшихся в период реконкисты (кастильская, каталонская, баскская, галисийская, португальская)

3. Отношение к военному сословию. Франкизм превозносил военную касту как воплощение испанского национального духа. Вилар показал, что могущество дворянства - не признак величия, а продукт «общества, постоянно пребывающего в состоянии войны».

4. Наследие Реконкисты и капитализм. Вилар утверждал, что наследие Реконкисты определило экономический путь Испании: «всё ещё господствует наследие долгой средневековой борьбы, территориальная и религиозная экспансионистская модель, а не торговые или экономические амбиции. Этот дух - дух кастильских средневековых воинов, который практически несовместим с капитализмом, определяет оригинальность Испании, её величие и в то же время её слабости» [2, С. 53]. Этот вывод также обнажал внутреннее противоречие франкизма: режим прославлял именно то наследие, которое мешало капиталистическому развитию, которое он сам пытался запустить

Книга была запрещена в Франкистской Испании, так как системно расходилась с официальной версии событий, одобренной политическим режимом. Вилар открыто использовал марксистскую методологию, которую считал научным инструментом анализа, в то время как цензура квалифицировала сам марксистский подход как неприемлемый [10]. Труд Вилара - это первый последовательный марксистский синтез испанской истории, который бросил вызов франкистской историографической парадигме и после падения режима Франко стал одним из ключевых текстов для академического и прогрессивного сообществ.

Параллельно с выходом книги Вилара, в испанском историческом сообществе разгорается главная дискуссия о формировании испанской национальной идентичности. Её действующими лицами стали двое испанских эмигрантов - республиканцев - филолог и историк Америко Кастро и историк Клаудио Санчес Альборнос [1, С. 22]. Смысл их дискуссии заключался в том, когда и как сформировался испанский национальный характер - в античности, до мусульманского завоевания, или в Средние века, через взаимодействие трёх конфессий.

Америко Кастро в книге «Испания в истории: христиане, мавры и иудеи» (1948) утверждал, что испанский национальный характер сложился именно в Средние века, в период противостояния и одновременно взаимодействия с иноверцами, мусульманами и иудеями [11, С. 33]. Он детально разработал значение фактора «инаковости»: только при наличии «другого» складывается народ как таковой. Эпоха, когда контакт между христианами, мусульманами и иудеями был наиболее тесным и длительным, стала, по Кастро, временем появления «испанского характера». На основе его идей впоследствии оформилась концепция convivencia - сосуществования и взаимовлияния трёх культур, которая легла в основу множества исследований по истории и культуре Аль - Андалуса.

Клаудио Санчес Альборнос в книге «Испания - историческая загадка» (1956) полагал, что основные черты испанского национального характера оформились в античности, и что о Вириате, Сенеке и Траяне можно говорить как об испанцах [12, С. 27]. Мусульманское завоевание начала VIII века, по его мнению, не сформировало национальный характер, а, напротив, сильно замедлило и почти прервало процесс складывания национального самосознания. Санчес Альборнос считал теорию Кастро плохо аргументированной. По его оценке, Кастро опирался главным образом на литературные тексты, игнорируя данные документов и исторических сочинений.

Этот исторический диспут имеет прямое отношение к восприятию Реконкисты. Позиция Санчеса Альборноса, в которой формирование испанского характера происходило в античности, фактически подтверждала традиционный миф о Реконкисте, в котором испанцы возвращали естественный порядок вещей прерванный мусульманским завоеванием. Позиция Кастро, напротив, мифу противоречит. Если испанский характер сложился в Средние века через взаимодействие с иноверцами, то Реконкиста была не возвращением к доарабской Испании, а процессом, в котором именно взаимодействие разных культур стало условием формирования нации. Тем самым вопрос о том, существовала ли испанская идентичность до Реконкисты или сформировалась в её ходе, определяет, следует ли понимать Реконкисту как восстановление утраченного или как создание нового.

Итогом их дискуссии стало развитие двух исследовательских направлений. Благодаря деятельности Санчеса Альборноса специализированное изучение Реконкисты и феодализма в Испании значительно углубилось, а в трудах Кастро и его последователей закрепилась концепция convivencia (сосуществование), которая определила изучение отношений между конфессиями в средневековой Испании на десятилетия вперёд.

Идеальным олицетворением сопоставления романтического мифа о реконкисте и её неоднозначной реальности служит самый известный участник этих событий - Родриго Диас де Вивар, более известный своим прозванием - Эль Сид Кампеадор. Под влиянием консервативных и религиозных течений, Эль Сид вошёл в историю как чистый образец рыцарства и рьяный защитник католической веры, в то время как реальность преподносит иной образ.

Этот романтический образ, сформированный консервативной и религиозной традицией, восходит, прежде всего, к «Песни о моём Сиде» - испанскому героическому эпосу XII века, в котором автор последовательно выстраивает безупречную фигуру: Сид лишён каких - либо недостатков, а его военное мастерство, моральная чистота и верность королю слиты воедино. Эпос наделяет героя несвойственной другим рыцарям мудростью, хитроумием, не переходящим в бесчестие, и непобедимостью в бою. Идеализация достигает полноты через контраст: внешние враги - иноверцы изображены слабыми и комичными, а внутренние - христиане - завистники, коварными, трусливыми и жадными, так что

величие Сида утверждается не столько через победы над маврами, сколько через моральное превосходство над теми, кто должен был быть ему ближе всех [6, С. 239]. Именно этот портрет защитника веры и чести, возвышающегося над низостью окружающих и лёг в основу того самого классического образа, который последующая традиция закрепила как историческую реальность.

Однако этот безупречный образ, выстроенный эпосом и закреплённый последующей традицией, вступает в прямое противоречие с исторической реальностью, которую описывает Генри Кеймен [9, С. 89]. В 1081 году Родриго Диас де Вивар перешёл на службу к мусульманскому правителю Сарагосы, командовал смешанным христианско - мусульманским войском и завершил карьеру как независимый правитель мусульманской Валенсии, захваченной в 1094 году [8, С. 9]. Само имя «Сид» (от арабского sayyid - господин) было почётным титулом, полученным от мусульманских союзников и подданных, а не прозвищем, данным христианами.

Если эпос последовательно изображает Сида как воина, чьё величие утверждается в противостоянии иноверцам, то исторические источники описывают человека, для которого религиозная принадлежность была в первую очередь вопросом выгоды. Таким образом, образ Сида как защитника веры и чести, вознесённого над иноверцами, является не отражением исторической реальности, а актом её переписывания: эпос XII века намеренно стёр службу мусульманскому правителю, командование иноверным войском и правление мусульманским городом, заменив прагматичного полководца на идеального христианского рыцаря. Именно эта подмена иллюстрирует механизм, который Кеймен называет конструированием «мифа о христианской Испании» [9, С. 93].

Период Реконкисты - это комплексная и сложная тема, осмысление которой проделало путь от романтического мифа до критической переоценки. Исторический конструкт, представляющий собой традиционное представление о Реконкисте, является глобальным упрощением истории, скрывающим за собой оправдание политических амбиций. Реальная история средневековой Испании - гораздо более запутанная и интересная картина. Реконкиста не была слаженным, идеальным механизмом, а представляла собой неоднозначный, противоречивый процесс, полный внутренних противоречий, который продолжает привлекать внимание исследователей. Демифологизация Реконкисты не обесценивает её значение, а открывает путь к более точному пониманию испанской истории. Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что демифологизация Реконкисты открывает возможности для более объективного изучения испанской истории, свободного от идеологических наслоений.

Список использованной литературы:

1. История Испании. Том 1. С древнейших времен до конца XVII века. М.: Индрик, 2012. 696 с.

2. Вилар П. История Испании / Пьер Вилар; [пер. с фр. И. Борисовой]. - Москва: АСТ: Астрель, 2006. - 222, [1] с. - (Cogito, ergo sum: Университетская библиотека). - ISBN 5 - 17 - 036605 - 1. - ISBN 5 - 271 - 13794 - 5

3. Ягодкин А.А. Рождение испанской идеи: концепция «Испанидад» и национальная философская традиция Испании // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. - 2017. - № 2. - С. 72 - 80.

4. Крылов К. Е. От реконкисты к конкисте - предпосылки создания испанской колониальной империи // Вестник Санкт - Петербургского университета. Сер. 2. История. - 2014. - Вып. 1. - С. 137 - 141

5. Хроника Альбельды (Chronicon Albeldense), ок. 881 г. / пер. с лат. С. Железнова, §§ 83, 86 // VostLit.info, 2003. URL: https: // vostlit.info / Texts / rus6 / Albeld / text.phtml?id=33 (дата обращения: 28.09.2026).

6. Марченко М. М. Образ и деяния полководца эпохи Реконкисты по «Песне о Сиде» // Вопросы студенческой науки. - 2022. - № 5 (69). - С. 237 - 251.

7. Коваль Т. Б. Национал - католицизм: основные идеи и практические результаты // Латиноамериканский исторический альманах. - 2022. - № 35. - С. 236 - 254.

8. Kamen H. The Spanish Inquisition: A Historical Revision / Henry Kamen. - 4th ed. - New Haven; London: Yale University Press, 2014. - XI, 490 p. - ISBN 978 - 0 - 300 - 18051 - 0.

9. Kamen H. Imagining Spain: Historical Myth and National Identity / Henry Kamen. - New Haven; London: Yale University Press, 2008. - XIV, 240 p. - ISBN 978 - 0 - 300 - 12641 - 9.

10. Vilar P. History in the Making // New Left Review. - 2009. - № 136. - URL: https: // newleftreview.org / issues / ii136 / articles / pierre - vilar - history - in - the - making.pdf (дата обращения: 29.09.2026).

11. Castro A. España en su historia: cristianos, moros y judíos / Américo Castro. - Buenos Aires: Editorial Losada, 1948.

12. Sánchez - Albornoz C. España, un enigma histórico / Claudio Sánchez - Albornoz. - Buenos Aires: Editorial Sudamericana, 1956.

© Малышев Д.Д., Ананьева П.А., 2026

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

TECHNICAL SCIENCE

Тверская С.Ю.
ассистент ПГУ,
г. Пенза, РФ
Научный руководитель: Тычков А.Ю.,
Доктор технических наук, доцент, ПГУ
г. Пенза, РФ

АППАРАТНО - ПРОГРАММНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННО - ИЗМЕРИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ДЛЯ СИНХРОННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ЭЭГ И КОНТРОЛЯ ПАРАМЕТРАМИ АКУСТИЧЕСКОЙ СРЕДЫ

Аннотация

Разработана структура информационно - измерительной и управляющей системы параметрического анализа модовых ритмов ЭЭГ - данных при контролируемом аудиовоздействии, включающая подсистемы регистрации ЭЭГ и аудиовоздействия с пассивным и активным режимами и персональный компьютер со специализированным программным обеспечением. Предложен метод измерения и коррекции АЧХ помещения для задач контролируемого аудиовоздействия, отличающийся двухканальным принципом построения измерительного тракта с компенсацией нелинейности и фазовых искажений, пространственным усреднением откликов по шести точкам приёма, расчётом модальных резонансных частот и подавлением доминирующих пиков.

Ключевые слова

ЭЭГ, аудиовоздействие, информационно - измерительная система, модовые ритмы, акустическая среда, пассивное и активное аудиовоздействие, АЧХ помещения.

Введение

В современных условиях наблюдается устойчивый рост распространения психических расстройств и расстройств поведения, что представляет собой серьезный вызов для систем здравоохранения. Данная тенденция усугубляется рядом факторов, включая последствия пандемий, военных конфликтов и возрастающую стрессовую нагрузку на население в период выполнения трудовых функций. В структуре психической патологии все большее значение приобретают расстройства невротического спектра, связанные со стрессом, что требует разработки новых подходов к реабилитации, направленных на коррекцию функционального состояния центральной нервной системы (ЦНС) [1].

Среди многообразия диагностической измерительной информации о состоянии человека, данные электроэнцефалограммы (ЭЭГ - данные) являются наиболее информативными, но одновременно и менее изученными с точки зрения измерительных и управляющих воздействий на них. Внедрение методов цифровой обработки сигналов, технологий машинного обучения, систем интеллектуального

анализа способно расширить функциональную значимость таких систем и предоставить специалистам дополнительный набор диагностической измерительной информации для повышения точности принятия решений и использования ее для управления параметрами внешней среды (проведения реабилитационных мероприятий).

Целью диссертационной работы является разработка математического, алгоритмического, информационного и аппаратного обеспечения информационно - измерительной и управляющей системы параметрического анализа модовых ритмов сигналов при контролируемом аудиовоздействии для установления зависимостей влияния параметров акустической среды на изменение пространственно - временных характеристик ЭЭГ - данных.

Структура информационно - измерительной системы

Предложенная структура системы анализа ЭЭГ - данных при внешнем аудиовоздействии (рисунок 1) основана на модульном принципе и включает в себя две основные взаимодействующие подсистемы: регистрация ЭЭГ - данных и влияние аудиовоздействия. Работа данных подсистем, а именно реализация алгоритмов обработки данных и принятия решения, осуществляется на базе специализированного программного обеспечения.

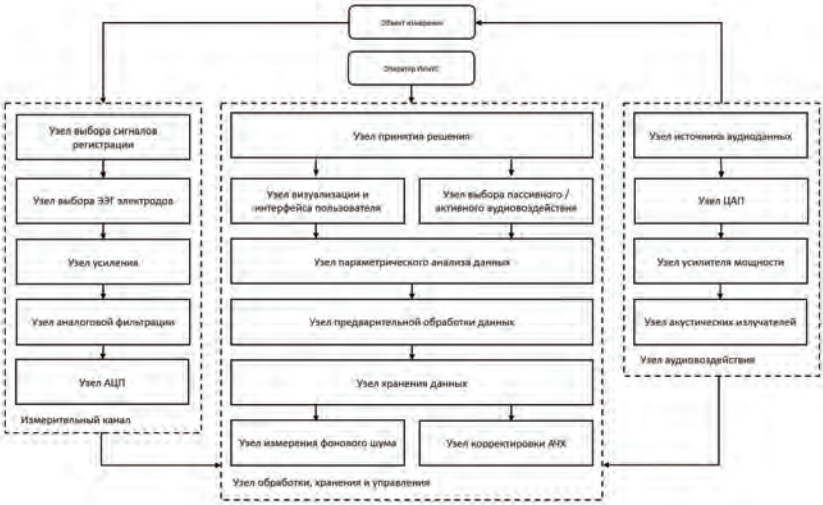

Рисунок 1. Структура информационно - измерительной системы параметрического анализа ЭЭГ - данных при контролируемом аудиовоздействии
Источник: разработано автором

Подсистема регистрации ЭЭГ - данных предназначена для неинвазивного съёма, а именно усиления и первичной обработки электрических сигналов головного мозга. Она включает в себя следующие последовательно расположенные блоки:

узел ЭЭГ электродов, узел усиления, узел аналоговой фильтрации, узел АЦП и узел выбора каналов регистрации.

Подсистема аудиовоздействия представляет собой управляемый генератор звуковых стимулов. В её состав входят: узел хранения аудиоданных, узел источника аудиоданных, узел выбора пассивного (ПА) / активного (АА) аудиовоздействия, узел измерения фонового шума, узел временной синхронизации устройств, узел ЦАП аудиоданных, узел усилителя мощности и узел акустических излучателей. Ключевой особенностью данной подсистемы является возможность работы в двух режимах. Активное аудиовоздействие предполагает сознательное выполнение испытуемым заданий (например, выполнение упражнений на реальных музыкальных инструментах). Пассивное воздействие используется для прослушивания заранее сформированного набора аудиостимулов в период выполнения упражнений на когнитивные функции.

Рассмотрим подробнее описание некоторых узлов системы:

1. Узел параметрического анализа ЭЭГ - данных - ключевой вычислительный узел системы, который обеспечивает преобразование зарегистрированного ЭЭГ сигнала в клинические маркеры. В отличие от традиционных систем, где анализ ограничивается мощностью в определённых частотных диапазонах, данный узел реализует расширенный набор признаков. Он включает в себя спектральный анализ в узких поддиапазонах дельта -, тета, альфа -, бета - и гамма - ритмов, а также расчёт характеристик.

2. Узел выбора пассивного (ПА) / активного (АА) аудиовоздействия - узел управления режимом с обратной связью, который динамически переключает систему в зависимости от состояния испытуемого и терапевтической цели.

3. Узел измерения фонового шума и корректировки АЧХ играют важную роль в обеспечении надёжности системы, особенно при длительных сеансах регистрации, проводимых вне подготовленного (специализированного) помещения. Данный узел непрерывно анализирует спектральный состав шумов в помещении (вокализации персонала, работа оргтехники, уличный шум) с помощью встроенных микрофонов, расположенных вблизи испытуемого. В случае превышения пороговых значений АЧХ шума в диапазонах, значимых для ЭЭГ, узел генерирует служебный сигнал для узла предварительной обработки.

4. Узел хранения аудиоданных представляет собой специализированную базу данных.

5. Узел измерения параметров аудиоданных - узел цифровой обработки сигналов, предназначенный для контроля качества выходного сигнала в режиме реального времени. Он измеряет следующие акустические характеристики: уровень звукового давления, частотную характеристику и нелинейные искажения. Более подробно принцип реализации данного узла был описан в главе 2.

6. Ключевым узлом системы является блок принятия решения, который реализует алгоритмы принятия решений на основе многопараметрического анализа ЭЭГ в реальном времени и включает в себя следующие модули:

- модуль оценки текущего состояния по интегральным показателям;
- модуль выбора оптимального аудиовоздействия, который из базы данных аудиофрагментов выбирает следующий стимул, максимизирующий целевую

функцию (например, приближение к желаемому уровню релаксации или активации) при ограничениях на скорость изменения параметров среды;

- модуль генерации сигналов управления аудиоданных (плавное изменение громкости, темпа, пространственной локализации).

Аппаратно - программная реализация и коррекция акустической среды

Для реализации предложенной системы контролируемого аудиовоздействия сформированы технические требования к аппаратному обеспечению, включая требования к акустическим параметрам помещения. В рамках диссертационной работы представлена схема тракта воспроизведения аудиосигнала, отражающая цифровую и аналоговую часть оборудования системы контролируемого аудиовоздействия.

В рамках реализации системы контролируемого аудиовоздействия, АЧХ помещения является ключевым интегральным показателем. Для проведения измерений АЧХ помещения и определения технических требований к акустическим параметрам помещения с последующей коррекцией стимулов для аудиовоздействия необходимо использовать двухканальный принцип построения, обеспечивающий компенсацию нелинейности и фазовых искажений.

Экспериментальные исследования алгоритма измерения АЧХ помещения показали снижение размаха неравномерности АЧХ с 7 дБ до 1,5 дБ, что подтверждает возможность проведения исследований по регистрации ЭЭГ - данных в условиях контролируемого аудиовоздействия вне специализированных безэховых камер.

Заключение

Совокупность представленных в диссертационной работе результатов позволят создать предпосылки для практического внедрения алгоритмов и систем анализа ЭЭГ - данных в задачах поддержки принятия врачебных решений на этапе проведения реабилитационных мероприятий, нейрофизиологической диагностики, нейромониторинга, интерфейсах «мозг - компьютер» и виртуальной реальности с контролируемыми стимулами аудиовоздействия; при проектировании и оснащении реабилитационных, психофизиологических и научно - исследовательских центрах и лабораторий для проведения исследований в условиях безэховых камер.

Список использованной литературы:

1. Дмитриева Т. М., Москалионов П. П. Эколого - физиологическая оценка влияния реабилитирующих эффектов звуковой среды на человека // Вестник РУДН. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2006. № 1. С. 64 - 70.

2. Тверская С. Ю., Тычков А. Ю., Хизбуллин Р. Н. Оценка изменений электрических сигналов головного мозга человека в условиях акустического воздействия // Вестник Казанского государственного энергетического университета. 2024. Т. 16. № 3 (63). С. 14 - 27.

3. Тычков А. Ю., Тверская С. Ю., Алимурадов А. К., Светлов А. В., Колдов А. С. Разработка тракта воспроизведения аудиосигнала и определение технических требований к акустическим параметрам помещения для задач контролируемого аудиовоздействия // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Технические науки. 2026. № 3.

© Тверская С.Ю., 2026

Цгоев Т.Ф.
канд. техн. наук, доцент, доцент
СКГМИ (ГТУ)
Владикавказ, Россия

КОМПЛЕКС МЕРОПРИЯТИЙ ПО МИНИМИЗАЦИИ ВЛИЯНИЯ НЕГАТИВНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ФАКТОРОВ И ОБЕСПЕЧЕНИЮ ВЫСОКОГО УРОВНЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются безопасные условия труда, снижающие риск травматизма, профессиональных заболеваний и других негативных последствий трудовой деятельности. Проведен детальный анализ деятельности в этом направлении на одном из предприятий г. Владикавказ, а именно на ОАО «Победит». Приведены положительные примеры проводимые на этом предприятии и вместе с тем предлагается предприятию внедрить цифровизацию в данной сфере, что позволить повысить эффективность управления этими вопросами.

Ключевые слова: мероприятия, минимизация, цифровизация, охрана, труд, производство, стандарт

T.F. Tsoev
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor
SKGMI (STU)
Vladikavkaz, Russia

A SET OF MEASURES TO MINIMIZE THE IMPACT OF NEGATIVE PRODUCTION FACTORS AND ENSURE A HIGH LEVEL OF INDUSTRIAL SAFETY

Annotation. The article examines safe working conditions that reduce the risk of injuries, occupational diseases, and other negative consequences of work. A detailed analysis of activities in this area was carried out at one of the enterprises in Vladikavkaz, namely, at JSC "Pobedit". Positive examples of measures implemented at this enterprise are presented, and at the same time, the enterprise is advised to implement digitalization in this area, which will help improve the efficiency of managing these issues.

Keywords: measures, minimization, digitalization, safety, labor, production, standard.

Основная цель производственной безопасности – сохранение жизни и здоровья сотрудников. Безопасные условия труда снижают риск травматизма, профессиональных заболеваний и других негативных последствий трудовой деятельности. Это напрямую влияет на качество жизни людей и их работоспособность.

Кроме того она имеет ключевое значение для нескольких ключевых субъектов и сфер, в том числе для предприятия и бизнеса, общества и государства, системы государственного регулирования и стратегического управления и устойчивого развития.

Таким образом, производственная безопасность охватывает широкий спектр задач — от защиты жизни и здоровья людей до обеспечения стабильности производства и соблюдения законодательных норм.

Учитывая это, нами проведен детальный анализ деятельности в этом направлении на одном из предприятий г. Владикавказ, а именно на ОАО Победит [1].

На территории этого предприятия размещены следующие специализированные подразделения: Производство вольфрамовой проволоки (№1), Молибденовые штабики (№2), Химическое сырьё (№3), Торированный вольфрам (№4), Тяжёлые сплавы (№5)0, Твердые сплавы (№7), Вольфрамовые штабики (№8).

Кроме основного производства, функционируют вспомогательные службы: Паросиловая установка, Ремонтно - механический цех, Инструментальное подразделение, Товары народного потребления, Центральная лаборатория измерительных приборов (ЦЛИТ), Заводская лаборатория контроля качества продукции и другие.

Организация охраны труда на предприятии осуществляется согласно требованиям стандарта ГОСТ 12.0.004 - 90 и Трудового кодекса Российской Федерации. Планирование, координация, мониторинг, учет, систематический анализ и оценочные мероприятия проводятся в строгом соответствии с рядом важных документов и рекомендаций [4, 5]:

- □ Рекомендациями Министерства здравоохранения и социальной защиты населения России;
- □ Положениями коллективного договора;
- □ Анализом показателей производственного травматизма;
- □ Предписаниями государственных надзорных органов;
- □ Распорядительной документацией вышестоящих органов управления.

Система управления охраной труда и промышленной безопасностью (СУОТ и ПБ) направлена на создание единого подхода к обеспечению безопасных условий труда и сохранению здоровья сотрудников. Основная задача СУОТ и ПБ заключается в обеспечении безопасных и комфортных условий работы на каждом этапе производства, устраняя любые нарушения санитарных норм и предотвращая потенциальные риски.

Работа по охране труда охватывает широкий спектр функций, включая подготовку, принятие и реализацию административных решений относительно мероприятий организационного, технического, медицинского, профилактического и социально - гуманитарного характера. Эти меры направлены на защиту работников от возможных угроз здоровью и травмирования, сохранение трудоспособности и поддержание высокого уровня профессиональной активности.

На предприятии «Победит» внедрена собственная система охраны труда, соответствующая внутреннему стандарту предприятия СТП 079 - 2014. Этот документ устанавливает четкие правила проведения производственного контроля над соблюдением требований промышленной безопасности, охраны труда и экологическим аспектом.

Основные цели стандарта включают:

• предупреждение несчастных случаев и аварийных происшествий, снижение риска воздействия на окружающую среду;

• внедрение инновационных технологий, современного оборудования и автоматизации процессов управления производством;

• регулярный анализ текущего состояния промышленной безопасности и экологической обстановки в разных подразделениях;

• контроль соблюдения графика проверок, аттестации, ремонта измерительных приборов и инструментов, используемых на опасных участках;

• выполнение технологических регламентов и стандартов.

Политика предприятия в области охраны труда ориентирована на следующие ключевые приоритеты:

– защита жизни и здоровья сотрудников;

– соблюдение федерального законодательства и отраслевых норм в сфере охраны труда;

– тщательное изучение обстоятельств несчастных случаев и профессиональных болезней;

– поддержка и защита прав пострадавших работников;

– постоянное совершенствование условий труда;

– обучение и профессиональная подготовка кадров;

– предоставление сотрудникам средств индивидуальной и коллективной защиты.

Нормативно - правовую основу системы охраны труда составляют локальные внутренние документы, разработанные предприятием. Ответственность за нарушение должностных обязательств по охране труда предусмотрена законом и предусматривает дисциплинарные, административные и даже уголовные санкции [2,3].

Общее руководство системой охраны труда осуществляет директор предприятия, в отдельных подразделениях – непосредственные руководители. Организационные мероприятия контролирует специализированный отдел охраны труда, действующий под руководством главного инженера.

На рисунке 1 представлена система управления охраной труда на ОАО Победит

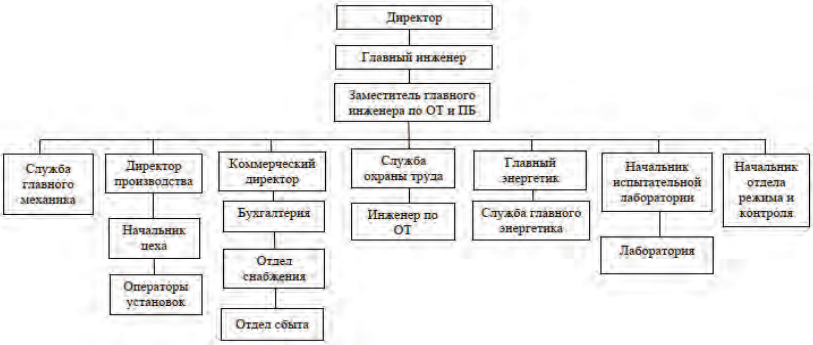

Рисунок 2 – Система управления охраной труда на ОАО Победит

Таким образом, эффективная работа системы управления охраной труда обеспечивает высокий уровень безопасности рабочих мест и защищает здоровье сотрудников, минимизируя возможные производственные риски.

В соответствии с Федеральным законом № 116 [6], на предприятии "Победит" разработан детальный план действий по предотвращению и устранению аварийных ситуаций в газоснабжаемом оборудовании котельной установки. Этот документ подготовлен специалистом, отвечающим за безопасность газового хозяйства, и прошел согласования с руководством подразделения, руководителем службы технической безопасности, главным энергетиком предприятия и утвержден главным инженером завода.

Данный план регламентирует обязанности оперативного персонала котельной, подразделений экстренного реагирования и администрации предприятия при возникновении угроз функционирования сетей газоснабжения или реальных аварийных случаев. Документ включает перечень возможных аварийных состояний, возможные последствия каждого сценария, процедуру информирования работников и органов власти о возникшей аварийной ситуации (см. схему оповещения).

Система уведомления действует согласно положениям о гражданских системах предупреждения и Федеральному закону "О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера".

Предприятие обеспечивает наличие квалифицированных кадров и специальных ресурсов, готовых оперативно реагировать на возникающие угрозы и ликвидировать последствия аварий. Любые изменения в плане обязательно доводятся до всех заинтересованных лиц и сопровождаются инструктажами и учениями.

Процесс изучения обновленных версий плана сопровождается проведением внеочередных тренировок, итоговые результаты которых документируются в специальном журнале учета.

Учения по отработке реакции на чрезвычайные события проходят совместно с рабочим коллективом, специализированными подразделениями, включая пожарную охрану, медицинскую службу и прочие структуры, чье участие предусмотрено операционной частью плана.

План проведения тренировочных мероприятий осуществляется согласно заранее составленному графику.

Для исключения возможных рисков аварии, связанных с нарушением целостности оборудования и несанкционированными выбросами вредных веществ, разработан комплекс мер технического характера и организационного порядка. Эти меры направлены на снижение вероятности возникновения чрезвычайных ситуаций и уменьшение ущерба, наносимого ими. Среди ключевых решений:

Строгое соблюдение технологического регламента: обеспечение точного следования установленным инструкциям и регламентированным операционным процедурам.

Постоянная работа вентиляционной системы: поддержание бесперебойной работы системы вентиляции, обеспечивающей постоянный приток свежего воздуха и безопасность сотрудников.

Регулярный мониторинг состояния коммуникаций: систематическое обследование механических компонентов трубопроводных сетей, теплообменников, резервуарных емкостей, клапанной арматуры и соединений для выявления дефектов и быстрого устранения неисправностей.

Противопожарные меры: использование специальных покрытий для металлических и деревянных элементов конструкции здания, предотвращающих распространение огня, а также установка дверей повышенной огнестойкости и герметичных перегородок.

Обустройство защитной аппаратуры: оснащение производственных устройств системами автоматического сброса избыточного давления, исключающими возникновение взрывов и возгораний.

Плановое техническое обслуживание: регулярное обновление и ремонт технических систем и инфраструктуры в строгом соответствии с действующими нормами и правилами эксплуатации.

Контроль работоспособности приборов: проверка текущего состояния и функциональности оборудования, позволяющая определить оставшийся ресурс эксплуатации.

Кроме того, установлены жесткие правила поведения внутри помещения котельной, запрещающие хранение воспламеняющихся материалов, засорение проходов оборудованием и материалами, нарушение техники безопасности при запуске отопительного оборудования и применение открытого пламени для диагностики утечек газа.

Вместе с тем необходимо отметить, что по настоящее время на предприятии нет положительных сдвигов в части внедрения цифровых инструментов для учёта инцидентов, мониторинга условий труда или автоматизации обучения.

Главные цели цифровизации ОТ — создать единую систему управления всеми процессами, связанными с безопасностью на рабочих местах, и снизить нагрузку на специалистов. На предприятиях цифровизация должна быть направлена на решение следующих задач [7.8]:

Повышение прозрачности и точности данных: единая цифровая платформа позволяет собирать, хранить и анализировать данные о состоянии охраны труда, обеспечивая их доступность для всех участников процесса — от специалистов до руководителей.

Снижение трудозатрат на учет и отчетность: автоматизация рутинных процессов экономит время специалистов по ОТ, позволяя им сосредоточиться на профилактике и улучшении условий труда.

Минимизация ошибок и человеческого фактора: цифровизация уменьшает вероятность ошибок, связанных с ручным вводом данных, повышает точность анализа и принятия решений.

Своевременное принятие решений: благодаря централизованной платформе, все заинтересованные стороны могут быстро реагировать на изменения и происшествия на производстве.

Внедрение цифровизация в СУОТ поможетна предприятии не просто фиксировать инциденты, а системно работать над снижением рисков, формируя на предприятии более безопасную и устойчивую среду. При этом важно помнить сотрудникам предприятия: успех во многом зависит от качества данных, на которых обучаются алгоритмы, и от того, насколько грамотно выстроены процессы внутри компании [7.8].

Список использованной литературы

1. Анализ производственного процесса на ОАО «Победит». URL: https: // www.yaneuch.ru / cat _ 74 / analiz - proizvodstvennogo - processa - na - oao (дата обращения 10.08.26).

2. Анискин Р.Е., Силенко А. Н. Производственная безопасность - важнейший фактор успешного функционирования предприятия. URL: https: // cyberleninka.ru / article / n / proizvodstvennaya - bezopasnost - vazhneyshiy - faktor (дата обращения 10.08.26).

3. ГОСТ Р 12.4.255 - 2011 ССБТ. Средства индивидуальной защиты органа слуха. Общие технические требования. Механические методы испытаний. [Текст] - Введ. 2012 - 07 - 01. - Межгосударственный стандарт. М.: Стандартиинформ, 2012 - 36с. URL: https: // docs.cntd.ru / document (дата обращения 10.08.26).

4. Недвига В.К., Молев М.Д. Совершенствование системы управления охраной труда. https: // cyberleninka.ru / article / n / sovershenstvovanie - sistemy - upravleniya - ohranoy - truda?ysclid=msszrnxfw4737524468 (дата обращения 10.08.26).

5. СУОТ: что такое система управления охраной труда и зачем она нужна. URL: https: // courson.ru / blog / what - is - a - labor - safety - management - system?ysclid=msu3fot59j28014451 (дата обращения 10.08.26).

6. Федеральный закон от 21.07.1997 N 116 - ФЗ (ред. от 31.07.2025) "О промышленной безопасности опасных производственных объектов"

7. Фролова С. А. Цифровизация охраны труда в 2026 году: внедрение, цифровая трансформация и безопасность: URL: https: // www.trudohrana.ru / article / 104594 - 24 - m4 - tsifrovizatsiya - ohrany - truda?ysclid=msu1th1beu650825133 (дата обращения 10.08.26).

8. Цифровизация управления охраной труда и безопасности на производстве. URL: https: // ibs - business.ru / media / tsifrovizatsiya - upravleniya - okhranoy - truda - i - bezopasnosti (дата обращения 10.08.26).

© Цгоев Т.Ф. 2026

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Жэнь Хунюнь
аспирант
Забайкальский государственный университет
г. Чита, Россия

КУЛЬТУРНАЯ САМОИДЕНТИЧНОСТЬ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ ЗА РУБЕЖОМ:СОЦИАЛЬНО - ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация

Актуальность. Культурная самоидентичность китайских студентов за рубежом нередко трактуется эссенциалистски, однако эмпирические исследования последних лет свидетельствуют о её гетерогенности, изменчивости и контекстуальной зависимости.

Цель. Предложить социально - философскую рамку анализа культурной самоидентичности китайских студентов за рубежом.

Метод. Социально - философский анализ, объединяющий парадигмы идентичности, политику дискурса и теорию диаспоры; материалом служат результаты эмпирических исследований, опубликованных в англоязычной и китаеязычной научной литературе.

Результат. Обоснована аналитическая рамка «признание — дискурс — транснациональный хронотоп», связывающая уровни самости, отношений, институтов и глобального порядка.

Выводы. Культурная самоидентичность представляет собой реляционную практику, непрерывно формируемую в межкультурном взаимодействии, институциональном дискурсе и глобальных отношениях власти.

Ключевые слова: китайские студенты за рубежом; культурная самоидентичность; социальная философия; транснационализм; признание.

Ren Hongyun
Postgraduate student
Transbaikal State University
Chita, Russia

CULTURAL SELF - IDENTITY OF CHINESE STUDENTS ABROAD: A SOCIO - PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Annotation

Relevance. The cultural self - identity of Chinese students abroad is frequently treated in an essentialist manner, yet recent empirical research indicates its heterogeneity, malleability and contextual dependence.

Target. To propose a socio - philosophical framework for analysing the cultural self - identity of Chinese students abroad.

Method. Socio - philosophical analysis combining paradigms of identity, the politics of discourse and diaspora theory; the material comprises findings of empirical studies published in English - language and Chinese - language scholarship.

Result. An analytical framework of "recognition — discourse — transnational chronotope" is substantiated, linking the levels of the self, relations, institutions and the global order.

Findings. Cultural self - identity is a relational practice continuously shaped in intercultural interaction, institutional discourse and global power relations.

Keywords: Chinese students abroad; cultural self - identity; social philosophy; transnationalism; recognition.

ВВЕДЕНИЕ

Культурная самоидентичность китайских студентов за рубежом не является фиксированной меткой. Обзор англоязычной и китаеязычной научной литературы, выполненный К. Л. Сюй, показывает, что в исследованиях китайские студенты конструируются как множественные субъекты, обладающие значительной гетерогенностью: аналитически выделяются неолиберальная, политическая, педагогическая и расово маркированная субъектные позиции [3, с. 155]. Ч. Гао обнаруживает, что политическая идентичность этой группы проявляется в нескольких моделях — националистической, либерально - демократической и транснационально - неолиберальной — и изменяется в зависимости от индивидуальных и социальных характеристик, в первую очередь от социально - экономического статуса [4, с. 477]. Следовательно, сводить культурную самоидентичность китайских студентов к «китайскости» или к «культурной инаковости» недостаточно.

СОЦИАЛЬНО - ФИЛОСОФСКАЯ РАМКА АНАЛИЗА

Социальная философия предоставляет три концептуальных ресурса для анализа культурной самоидентичности. Во - первых, идентичность прошла три исторические модели: просвещенческий субъект, социальный субъект и постмодернистский децентрированный субъект. На психологическом уровне она проявляется как интеграция самоутверждения, групповой принадлежности и эмоционального опыта [1, с. 22]. Во - вторых, идентичность обладает политическим и дискурсивным характером и тесно связана с идеологией и признанием. В - третьих, диаспорный опыт способствует динамичному, множественному и инклюзивному взгляду на идентичность [2, с. 142].

На этой основе предлагается аналитическая рамка «признание — дискурс — транснациональный хронотоп», связывающая четыре уровня анализа: уровень самости (как студент понимает собственную культурную принадлежность), уровень отношений (как эта принадлежность признаётся или не признаётся значимыми другими), уровень институтов (как университетские и государственные дискурсы задают категории описания) и уровень глобального порядка (как геополитические отношения власти распределяют признание). Понятие «хронотоп» используется здесь не как метафора места, а как единство пространственных и временных

координат, в которых идентичность становится осмысленной: одна и та же культурная принадлежность по - разному артикулируется в аудитории, в студенческом общежитии, в социальной сети и в момент обострения международной напряжённости.

Методологически работа строится как социально - философский анализ: теоретические парадигмы идентичности используются не как взаимно исключающие, а как дополнительные оптики, а эмпирическим материалом служат результаты опубликованных качественных и количественных исследований китайских студентов за рубежом.

Предложенная рамка опирается на уже опубликованные эмпирические данные и обобщает их в единую объяснительную схему. Во - первых, межкультурное признание не ведёт к утрате исходной идентичности: Дж. Мадер - Цянь показывает, что китайские студенты в Германии в большинстве своём сохраняют ядро китайской идентичности, а межкультурный опыт побуждает их к реконструкции, а не к ассимиляции [5, с. 580]. Д. Лю и Ц. Сюэ отмечают, что китайские магистранты в Великобритании согласуют национальную идентичность через четыре контекстуально обусловленные стратегии: переоткрытие Китая в сравнении, подтверждение национальной привязанности, культурное посредничество и согласование конфликтующих позиций [6, с. 12].

Во - вторых, цифровая перформативность перестраивает идентичность. Ц. Фу выявляет две пересекающиеся модели космополитической идентичности китайских студентов в социальных сетях: демонстрацию потребительского образа жизни и демонстрацию открытых, эгалитарных и универсальных ценностей [7, с. 8]. Аудитория в цифровом пространстве одновременно локальна и транснациональна, что делает культурную самоидентичность не только предъявляемой, но и пересобираемой.

В - третьих, дефицит признания порождает специфические формы идентификации. Р. Цзинь и В. Сяо обнаруживают, что маргинализированные китайские студенты формируют в онлайн - сообществах идентификационные кластеры — «игроков», «одиночек» и «диссидентов», — сопровождаемые политической депрессией, социальным отчуждением и рисками для психического здоровья [8, с. 5].

В - четвёртых, политическая идентичность остаётся гетерогенной и транснационально обусловленной: Ч. Гао подчёркивает её пластичность и зависимость от контекста [4, с. 480]. Культурная самоидентичность поэтому не является односторонней ассимиляцией, а непрерывно пересогласуется между Китаем и страной пребывания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ показывает, что существующие исследования культурной самоидентичности китайских студентов за рубежом остаются дисциплинарно фрагментированными: педагогика, лингвистика, психология и политология

описывают отдельные аспекты, но не связывают их в единую объяснительную модель. Предложенная рамка «признание — дискурс — транснациональный хронотоп» восполняет этот пробел, вводя четырёхуровневую схему анализа, которая одновременно удерживает субъективное смыслополагание, отношения признания, институциональные порядки и глобальные структуры власти. Тем самым работа отвечает на вопрос, почему культурная самоидентичность китайских студентов за рубежом не может быть описана ни как фиксированная культурная сущность, ни как чистый продукт институционального давления. В практическом плане вузам следует развивать культурно чувствительную психологическую поддержку, создавать инклюзивные онлайн - платформы и способствовать межкультурной обратной связи и диалогу [3, с. 160; 7, с. 12; 8, с. 8]. Дальнейшее развитие рамки требует эмпирической операционализации и кросс - национальных сравнений.

Список использованной литературы:

1.Чжан Шухуа, Ли Хайин, Лю Фан. Обзор исследований идентичности // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 1. С. 21–27.

2.Дэн Инлин, Ван Фэй. Историческая репрезентация с точки зрения диаспоры: двойная критика британского и японского империализма в романе «Когда мы были сиротами» // Вестник Центрально - Южного университета (общественные науки). 2015. Т. 21, № 6. С. 141–145.

3.Xu C. L. Portraying the ‘Chinese international students’: a review of English - language and Chinese - language literature on Chinese international students (2015–2020) // Asia Pacific Education Review. 2022. Vol. 23, no. 1. P. 151–167.

4.Gao Z. Political identities of Chinese international students: patterns and change in transnational space // International Journal of Psychology. 2022. Vol. 57, no. 4. P. 475–482.

5.Maeder - Qian J. Intercultural experiences and cultural identity reconstruction of multilingual Chinese international students in Germany // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2018. Vol. 39, no. 7. P. 576–589.

6.Liu D., Xue Q. Formed in China, negotiated in the UK: national identity among Chinese international postgraduate students // Identities: Global Studies in Culture and Power. 2026. DOI 10.1080 / 1070289X.2026.2654993.

7.Fu J. Cosmopolitanism in international education: insights from digital identity performances of Chinese international students // Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education. 2026. P. 1–15.

8.Jin R., Wang X. Identity formation and mental health challenges among marginalized Chinese international students in online communities // Frontiers in Psychiatry. 2025. Vol. 16. Article 1464625. DOI 10.3389 / fpsyt.2025.1464625.

© Жэнь Хунюнь, 2026

Стребков А. И.,
доктор политических наук,
профессор,
Санкт - Петербургский
государственный университет,
г. Санкт - Петербург, Российская Федерация

КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА

Аннотация

В тезисах рассматривается ситуация культурного диалога между странами и народами в условиях конфликта, обращается внимание на закономерность снижения культурного обмена, доводимого до полного исключения культуры иного государства и народа из внутриобщественного оборота. Конфликт будь он экономическим или политическим, а тем более военно - политическим, упраздняет все положительно - культурные взаимодействия, усилением отрицательно - враждебного культурного диалога, перерастающего в конфликт культур.

Ключевые слова

Конфликт, культура, культурный диалог, конфликт культур, отмена культур.

Strebkov A. I.,
Doctor of Political Sciences,
Professor,
Saint Petersburg
State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

CULTURAL DIALOGUE IN THE CONTEXT OF CONFLICT

Abstract

This paper examines the state of cultural dialogue between countries and peoples amidst conflict, highlighting the tendency for cultural exchange to decline—often to the point where the culture of the other state and people is entirely excluded from domestic social discourse. Conflict—whether economic, political, or, even more so, military - political—eliminates positive cultural interactions, intensifying a hostile form of cultural dialogue that escalates into a clash of cultures.

Keywords

Conflict, culture, cultural dialogue, clash of cultures, cancel culture.

В философской публицистике и эссеистике 20 века утвердилось понятие «диалог культур». Чаще всего оно понимается как взаимодействие, влияние проникновение и отталкивание разных исторических и современных культур, как формы их

конфессионального или политического существования. В философских трудах В.С. Библера понятие диалога культур выдвигается в качестве возможной основы философии 21 века [1].

Понятие «культурный диалог» есть синоним понятия «межкультурное взаимодействие», которое получило свое признание в философии, антропологии, социологии и конфликтологии. Данное понятие акцентирует внимание на том, что взаимодействие осуществляют люди, у межкультурного взаимодействия имеются субъекты этого взаимодействия, тогда как понятием «диалог культур» носители культуры исчезают из поля зрения исследователей.

В связи с тем, что различия культур есть исторический и культурный факт, всегда обращалось внимание на типологию культурного диалога или межкультурного взаимодействия. В литературе существует множество типологий, которые, в конечном счете, сводятся, а) к отрицанию культурного взаимодействия, б) интенсивному взаимодействию и образованию новой культуры, добровольно принимаемой обеими сторонами культурного диалога. Между этими крайними типами культурного диалога существуют переходные типы, которые, в конечном счете, в зависимости от тех или иных экономических, политических и социальных условий, устремляются к этим двум полюсам культурного взаимодействия.

Конфликт как негативный способ взаимодействия субъектов, нацеленных на борьбу оказывает неоднозначное влияние на культурный диалог. Это происходит в силу того, что сам конфликт по степени интенсивности различается и приобретает различное значение для конфликтующих сторон.

Под интенсивностью конфликта мы понимаем, то что вкладывал в это понятие немецкий ученый Ральф Дарендорф. Для него интенсивность есть энергия конфликта, есть его значимость в достижении субъектами конфликта своих целей. Поэтому, чем большее значение вкладывается в конфликт для достижения своих целей, тем более враждебной должна быть противостоящая в конфликте сторона, тем большая нацеленность на борьбу будет ей присуща. И наоборот, чем меньшее значение вкладывается в конфликт для достижения целей, тем меньшая враждебность к противоположной стороне конфликта, тем меньшая нацеленность на борьбу.

В связи с таким положением культурное взаимодействие либо сворачивается полностью, культура стороны конфликта, прежде принимаемая и одобряемая, превращается во враждебную культуру, а культурный диалог становится немыслимым или же сохраняет свое значение в тех культурных нишах, которые никак не связаны ни с экономикой, ни с политикой.

И все - таки даже при большой интенсивности конфликта, как показывает практика, возможен культурный обмен или взаимодействие, но с теми деятелями культуры, которые полагают, что она либо выше политики, либо не имеет никакого отношения к политике. Но в том и другом случае данные культурные деятели в акте культурного взаимодействия с противоположной стороной конфликта, стремятся получить политические дивиденды, а вместе с ними и денежные

дивиденды. В их поступках просматривается не столько политическая корысть, сколько корысть экономическая, которая уже не могла быть удовлетворена увядающей популярностью.

Современный конфликт, в который искусственно втянута Россия, на основе объективной в кавычках информации, получаемой Госдепом США из любимого ими Твитера, есть конфликт, глубинные корни которого в серьезном экономическом и политическом кризисе, из которого никак не могут выйти развитые капиталистические страны. Не вдаваясь в детали этого кризиса, следует заметить, что Запад прекрасно осознает, что вслед за кризисом всегда шествует революция, и какая бы она ни была, для нее первым и последним вопросом является собственность.

Лишь поэтому внимание европейцев и американцев к внутренним проблемам, заменяется проблемой России, страной, государством и народом, культура которого известна и почитаема во всем мире. Чего не скажешь о государстве, которое послужило поводом в этом конфликте Запада с Россией, но таким поводом, который приковал к себе внимание всего мира, снизил социальное напряжение внутри этих стран, мобилизацией враждебности к России. Но как показывает история, вскормленный уровень враждебности народа, не имеющий выхода во внешней агрессии, порождает внутренний конфликт, схожий с украинской гражданской войной.

Вкладывая в конфликт большое значение, как и всегда бывает, когда на одной стороне конфликта объединяются множество стран, наиболее зависимые из них, проявляют еще большую энергию в конфликте, чем мало зависимые, доведением его до конфликта в сферах далеких от политики, в сферах культурного взаимодействия.

Отмена культуры другого народа есть симптом достаточно серьезных противоречий внутри этого общества, есть симптом того, что внутренние противоречия могут быть разрешены лишь насильственным путем, путем не демократическим, но признаваемым сегодня на «демократическом» Западе.

Страны ЕС являют сегодня фундаментализм враждебности ко всему российскому, происходит отрицание всякого упоминания о культуре народа, который в их судьбе сыграл существенную и положительную роль, именно, опираясь на достижения российской культуры. Полностью сворачиваются и так малозаметные культурные связи, прекращаются научные обмены, «разворачиваются» на паспортном контроле в таллиннском аэропорту российские ученые с мировым именем.

Все эти действия говорят о том, что западные политики вкладывают в конфликт с Россией большое значение, чем снижают возможности культурного диалога, который был, есть и будет инструментом взаимопонимания между народами, инструментом мира.

Диалог вообще есть переговоры, ведущие к взаимообмену мнениями и взаимопониманию, есть способ урегулирования конфликта между странами. По

этому поводу хорошо сказал бывший Генеральный секретарь ООН К. Аннан, который в своем выступлении по вопросу диалога между цивилизациями на Генеральной Ассамблее ООН 9 ноября 2001 года особо выделил то, что «диалог слов и дел, то есть обоюдных действий, основанных на уважении и искреннем понимании претензий другой стороны, может разрешить споры и предотвратить жестокий конфликт. Цели и перспективы диалога между цивилизациями выходят за рамки тех вызовов, с которыми мы сталкиваемся сегодня. На протяжении всей истории такой диалог поощряет понимание и компромисс, он способен делать это даже в сужающемся и все более связанном мире. Он может содействовать и поддерживать каждое усилие по достижению мира и каждую попытку разрешить конфликты как внутри государства, так и между ними» [2, 182].

Список используемой литературы.

1. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат., 1991.

2. Кузнецов В.Н. Социология безопасности: Формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе / Приложение к журналу «безопасность Евразии». – М.: Республика, 2002.

© Стребков А.И., 2026

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ECONOMIC SCIENCES

Гоголев И.С.
Магистрант 3 курса ИСОиП (филиал) ДГТУ
в г. Шахты Ростовской области
г. Шахты, РФ
Бреусова Е. А.
Кандидат экономических наук, ИСОиП (филиал) ДГТУ
в г. Шахты Ростовской области
г. Шахты, РФ

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЦЕЛЕВЫХ ПРОГРАММ

Аннотация
В статье рассмотрены вопросы формирования и реализации государственных целевых программ. Представлен ряд системных проблем на всех этапах жизненного цикла программы. Приведены меры по их устранению.

Ключевые слова
Государственные целевые программы, государственное и муниципальное управление.

Государственные целевые программы задумывались как ключевой элемент концентрации ресурсов для решения стратегических задач страны. Однако на практике этот механизм сталкивается с комплекс системных сбоев на всех этапах своего жизненного цикла.

Ниже представлен переосмысленный и структурированный обзор основных проблем и пути их решения [1].

1. Этап планирование: кризис целеполагания.

Разрыв между стратегией и тактикой. Цели программ часто формулируется размыто, а документы стратегического планирования не стыкуются с реальным содержанием программных мероприятий.

Дефекты системы индикаторов. Показатели эффективности перегружены формальными (процессными) метриками в ущерб реальным результативным. Нередко отсутствуют чёткие количественные ориентиры, базовые значения для сравнения или плановая динамика роста.

Игнорирование рисков. Программы разрабатываются без проработанных сценариев действий на случай недофинансирования, инфляции или резкого изменения внешних экономических условий.

2. Этап исполнения: дисбаланс ресурсов и ответственности.

Проблемы с финансированием. На практике часто наблюдается хроническое некассовое исполнение бюджетов: средства либо не доводится до исполнителей вовремя, либо подвергаются секвестру, что срывает контрольные события.

Размытие ответственности. В реализации одной программы участвуют множество ведомств и соисполнителей, при этом персональная ответственность за конечный результат часто не закреплена или носит декларативный характер.

Слабая вертикальная интеграция. Взаимодействие федерального центра и региона часто формально: субъекты РФ выступают пассивными исполнителями спущенных сверху задач, не имея возможности влиять на проектирование мероприятий с учётом местной специфики.

3. Этап контроля: имитация оценки и эффективности.

Подмена результата процессом. Оценка эффективности сводится к простой проверки «освоения бюджета» (план - факт по расходам), а не анализу реального социально - экономического эффекта для граждан и бизнеса.

Отсутствие единой методологии. Особенно на региональном уровне нет унифицированных подходов к оценке, а математические модели в разных субъектах сильно различаются, что делает сравнение программ некорректным.

Ключевые направления для исправления ситуации видятся в следующем.

Для превращения ГЦП из формального отчёта реальной инструмент развития необходимы следующие изменения [2]:

- переход к интегральной оценке. Внедрения методик, которые соотносят реальные достигнутые эффект (с учётом веса и важности каждого индикатора) с фактически затраченными средствами, а не просто констатируют факт проведения мероприятий.

- гибкое управление ресурсами. Создание легитимных механизмов оперативного перераспределения средств внутри программы в зависимости от меняющихся приоритетов и наступления рисков, чтобы избежать распыление бюджета.

- цифровая прозрачность. Развитие единых государственных и информационных систем для указанного мониторинга программ в режиме реального времени, исключающего приписки в отчётах.

- жесткая персональная ответственность. Прямая увязка карьерных и финансовых решений с руководством ведомств с фактическим достижением заявленных целей, а не фактом освоения выделенных лимитов.

Программно - целевой метод управления требует не косметических правок, а глубокой модернизации. Акцент должен быть смещен с формального «освоения средств» на достижение измеримого и качественного результата, за который конкретные лица несут реальную ответственность.

Список использованной литературы:

1. Звягинцев П.С. Государственные программы как инструмент государственного управления социально - экономическим развитием России // Менеджмент и бизнес - администрир

2. Братченко С.А. Несогласованность целей при разработке государственных программ: обзор практики и анализ ситуаций // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 1. С. 28 - 46.ование. 2023. № 2. С. 52 - 65.

© Гоголев И.С., Бреусова Е.А., 2026

Гомонова В.М.
Магистрант 3 курса ИСОиП (филиал) ДГТУ
в г. Шахты Ростовской области
г. Шахты, РФ
Бреусова Е.А.
Кандидат экономических наук, ИСОиП (филиал) ДГТУ
в г. Шахты Ростовской области
г. Шахты, РФ

СЛОЖНОСТИ В УПРАВЛЕНИИ МУНИЦИПАЛЬНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Аннотация
В статье рассмотрены актуальные вопросы управления муниципальным хозяйством. Представлен ряд системных проблем и стратегические пути выхода из кризиса. Управление муниципальным хозяйством требует перехода от модели «аварийного реагирования» к стратегическому планированию.

Ключевые слова
Управление муниципальным хрзяйством, государственное и муниципальное управление.

Управление муниципальным хозяйством (местным самоуправлением) – это фундамент публичной власти, наиболее близкий к людям. Однако на практике эта система работает в условиях жёстких системных ограничений.

Представим обзор ключевых вызовов и путей их решения.

1. Финансовая удушение и долговая нагрузка.

- зависимость от трансфертов. Собственная доходная база большинства муниципалитетов крайне узка. Бюджеты выживают за счёт региональных дотаций, что лишает их реальной самостоятельности в планировании.

- нефинансируемые мандаты. Региональные власти и федеральные власти часто передают муниципалитетам новые полномочия (например, в сфере образования или соцзащиты) без адекватного денежного сопровождения (субвенций), заставляя латать дыры за счёт местных средств.

- рост муниципального долга. Для покрытия кассовых разрывов и текущих расходов администрации вынуждены брать кредиты, проценты по которым съедают и без того скромный бюджет развития.

2. Кадровый кризис и «утечка мозгов».

- низкая конкурентоспособность на рынке труда. Невысокие зарплаты и огромная нагрузка и ограниченная карьерная перспектива приводят к оттоку талантливых специалистов в бизнес или на региональный уровень.

- дефицит современных компетенций. В администрациях, особенно малых городов и сел, критически не хватает юристов, экономистов, инженеров ЖКХ и IT

специалистов, способных работать с цифровыми инструментами и привлекать инвестиции.

- старение аппарата. Отсутствие программ привлечения молодёжи ведёт консервации управленческих подходов и сопротивлению инновациям.

3. Правовая нестабильность и бюрократия.

- частая смена правил игры. Постоянные реформы и поправки в законодательства о местном самоуправлении не дает возможности выстроить долгосрочную стратегию развития территории.

- размытие зон ответственности. На практике часто возникает «футбол» полномочиями между муниципальным, региональным и федеральным уровнями, особенно вопросах транспорта, благоустройства и капитального ремонта.

- отчётность ради отчётности. Колоссальный объем бюрократических процедур и проверок отвлекает ресурсы от реальной хозяйственной работы.

4. Инфраструктурная деградация.

- критический износ фондов. Значительная часть муниципальных сетей (водоснабжение, теплотрассы, дороги) выработала свой ресурс, что ведёт к постоянным авариям и росту затрат на экстренный ремонт.

- невозможность привлечь инвестора. Муниципалитеты не могут самостоятельно модернизировать инфраструктуру, а механизмы государственно - частного партнёрства (ГЧП) на местном уровне работают слабо из - за высоких рисков и непрозрачности для бизнеса.

5. Управленческая неэффективность.

- убыточность МУПов. Многие муниципальные унитарные предприятия работают неэффективно, требуют постоянных дотаций и лишения стимулов к оптимизации затрат и внедрению новых технологий.

- формальное участие граждан. Несмотря на наличие цифровых платформ для жалоб и предложений, реальное вовлечение жителей в принятие решений (например, инициативное бюджетирование) часто носит декларативный характер, что подрывает доверие к власти.

Стратегические пути выхода из кризиса можно представит в следующем.

1. Реальная финансовая децентрализация. Закрепление за муниципалитетами стабильных налоговых источников (например, части НДФЛ или налога на имущество) и жёсткий контроль за полнотой финансирования переданных государственных полномочий.

2. Модернизация муниципальной власти. Внедрение КПИ, конкурентных механизмов найма, программ жилищной поддержки для молодых специалистов и создание межмуниципальных кадровых пулов для небольших территорий.

3. Цифровизация и прозрачность имущества. Полный переход к электронным реестром муниципальной собственности, ликвидация неэффективных МУПов (через приватизацию или преобразования в АО) и активное использование концессионных соглашений.

4. Масштабирование инициативного бюджетирования. Передача части полномочий по выбору объектов благоустройства непосредственно жителям с условием их частичного финансирования, что воспитывает ответственность и снижает социальную напряженность.

Муниципальное управление должно эволюционировать от модели «аварийного реагирования» и выживания к стратегическому развитию. Это достижимо только при условии сочетании реальной финансовой самостоятельности местных властей с внедрением современных, прозрачных и профессиональных управленческих практик.

Список использованной литературы:

1. Цифровой подход к организации управления муниципальным хозяйством // Бутина А.В., Константинова А.Д., Пантелеев Д.А., Исхаков В.Г., Бабичев М.С. Финансовая экономика. 2022. № 11. С. 271 - 273.

2. Чистякова Е.В., Киселев А.А., Волгин С.И. Оценка эффективности управления муниципальным хозяйством. Евразийское пространство: экономика, право, общество. 2024. № 6. С. 93 - 97.

© Гомонова В.М., Бреусова Е.А., 2026

Камалова Д.Р.
магистрант 3 курса обучения
АНОО ВО «Сибирский институт бизнеса и информационных технологий»,
г. Омск, Россия

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОВ ОПТИМИЗАЦИИ СТРУКТУРЫ КАПИТАЛА В ООО «АС ИНЖИНИРИНГ»

Аннотация

Актуальность обусловлена необходимостью совершенствования механизма формирования структуры капитала коммерческой организации. Целью статьи является анализ и совершенствование методов оптимизации структуры капитала и ее апробация на примере ООО «АС Инжиниринг». В работе использованы методы обобщения и логического анализа. Результатом проведенного исследования выступает разработка усовершенствованной методики, позволяющей коммерческой организации повысить показатели финансовой деятельности.

Ключевые слова

Капитал, структура капитала, оптимизация, совершенствование деятельности

Проблемы оптимизации структуры капитала в свою очередь выходят на первый план в связи с ограничением доступа к рынку зарубежного финансирования и необходимостью диверсификации источников финансирования деятельности с

целью минимизации рисков потери ликвидности, платежеспособности и финансовой устойчивости компании [1, с. 54].

Анализ методик оптимизации структуры капитала показал, что на сегодняшний день не выработано универсального критерия, который бы способствовал определению оптимальной структуры компании вне зависимости от ее масштабов, отрасли, в которой она осуществляет свою деятельность, а также других особенностей.

Говоря о «малых компаниях, ведущих деятельность в сфере промышленной автоматизации и инжиниринга, наиболее подходящим методом оптимизации структуры капитала является метод по критерию максимизации уровня финансовой рентабельности, поскольку он показывает, как изменится уровень рентабельности собственного капитала за счет привлечения заемных источников» [2, с. 82]. Заемные источники, в свою очередь, для вышеупомянутых компаний являются необходимыми, так как реализуемые проекты требуют значительных капиталовложений (высококвалифицированные кадры, оборудование, технологии и сопутствующие материалы). При этом для заказчиков при выборе компании - исполнителя для оказания услуг в сфере промышленной автоматизации и инжиниринга наибольшее значение имеет не только репутация, но и финансовая стабильность, отражающаяся как раз - таки в уровне рентабельности собственного капитала [3, с. 105].

Суть метода оптимизации структуры капитала по критерию максимизации уровня рентабельности заключается в определении эффекта финансового рычага.

На основе чего делаются выводы об оптимальном соотношении собственных и заемных средств для анализируемой компании:

- если эффект финансового рычага является положительным, значит при привлечении заемного капитала компания получает дополнительную прибыль, иными словами рентабельность активов компании превышает проценты по займам;

- если эффект финансового рычага – отрицательный: использование заемных средств для компании невыгодно и является признаком убыточности компании и высоких рисков банкротства.

Преимущества использования метода оптимизации структуры капитала на основе критерия максимизации уровня финансовой рентабельности состоит в том, что:

- при использовании данного метода определяется оптимальное соотношение собственных и заемных средств с учетом максимизации прибыли, что соответствует основной целью финансово - хозяйственной деятельности любой компании;

- составной частью формулы расчета является налоговый корректор, который позволяет учесть налоговую нагрузку компании и способствует более точному определению конечного результата эффекта финансового левериджа;

- способствует достижению оптимального баланса между рентабельностью и риском, обеспечивая устойчивое финансовое положение компании на рынке.

Анализ применения методики в ООО «АС Инжиниринг» показал что с учетом применения инфляционного корректора эффект финансового рычага выше, чем при расчете по действующей методике, что объясняется инфляционной премией в результате обесценения как самого долга, так и начисленных процентов за использование заемных средств.

Эффект финансового рычага с условием изменения в структуре капитала ООО «АС Инжиниринг», произошедшие в 2025 году, то можно отметить, что оптимальная структура капитала компании могла бы быть достигнута при доле собственного капитала в 40 % и доле заемного капитала в 60 % при прочих равных условиях

Список литературы:

1. Иванов А.В. Источники финансирования и модель корпоративной финансовой безопасности в условиях устойчивого развития / А.В. Иванов // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. - 2025. - № 2 (71). - С. 54 - 63.

2. Манаков Н.А. Источники финансирования предпринимательской деятельности в условиях неопределенности / Н.А. Манаков // Цифровая и отраслевая экономика. - 2025. - № 3 (39). - С. 80 - 85.

3. Маслова М.В., Аксёнова А.К. Источники финансирования деятельности корпорации: анализ и оценка возможностей / М.В.Маслова, А.К. Аксенова // Мировая наука. - 2026. - № 3 (108). - С. 103 - 122.

© Камалова Д.Р., 2026

Кузьмина Е.А.
Магистрант 3 курса ИСОиП (филиал) ДГТУ
в г. Шахты Ростовской области
г. Шахты, РФ
Черкесова Э.Ю.
Доктор экономических наук, профессор ИСОиП (филиал) ДГТУ
в г. Шахты Ростовской области
г. Шахты, РФ

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы формирования и развития экономической основы местного самоуправления. Представлены главные препятствия на пути

экономической самостоятельности. Сформулирована стратегия выхода из сложившейся ситуации.

Ключевые слова

Местное самоуправление, государственное и муниципальное управление, региональное развитие.

Экономическая самостоятельность –это фундамент местного самоуправления (МСУ). Без надёжной материальной финансовой базы право муниципалитетов самостоятельно решать вопросы жизни территория остается лишь красивой декларацией.

Традиционной экономический фундамент МСУ опирается на три столпа: муниципальную собственность, местные бюджеты и собственную экономическую деятельность властей. Ниже представлен переосмысленный анализ текущих проблем и стратегии развития этих элементов[1].

Главные препятствия на пути к экономической самостоятельности заключаются в следующем.

1. Кризис управления имуществом.

- Пассивное владение. Муниципалитеты часто выступают не как эффективные хозяева, а как пассивные «хранители» активов. Значительная часть земель и нежилых помещений не оформлено, используется не по назначению или не приносит дохода.

- Наследие прошлых реформ. В ходе разграничения полномочий самые доходные объекты часто уходили на региональный или федеральный уровень. Муниципалитетам же оставались социально значимые, но финансово убыточные объекты (школы, клубы, ветхие сети), требующие постоянных вложений.

2. Финансовая зависимость и «дыры» в бюджете.

- Жить на дотации. Собственные доходы (налоги и сборы) покрывают лишь малую долю расходов, делая местные бюджеты заложниками региональных трансфертов.

- Проблемы с местными налогами. Земельный налог и налог на имущество физлиц собираются плохо из - за устаревших данных кадастра, обилия льгот и низкой платежеспособности населения в депрессивных районах.

- Нефинансируемые поручения. Регионы часто делегирует муниципалитетам новые полномочия, не обеспечивая их целевым финансированием (субвенциями), вынуждая местные власти оплачивать государственные задачи из своего скудного кармана.

3. Слабый экономический потенциал территории.

- Отсутствие поддержки бизнеса. У администрации нет ни ресурсов, ни компетенций для создания реальной инфраструктуры для МСП (бизнес - инкубаторы, льготные условия аренды).

- Недружелюбный инвестиционный климат. Бюрократические барьеры, отсутствие готовых инженерных коммуникаций и непрозрачные правила отпугивая частных инвесторов.

Стратегию выхода из сложившейся ситуации: от выживания к развитию, можно выразить в следующем.

Чтобы разорвать порочный круг дотационности, необходим переход к активному экономическому менеджменту по трём ключевым направлениям[2].

Направление 1: превращение имущества в реальной актив.

- Тотальная цифровая инвентаризация. Создание актуальных реестров собственности с привязкой к геоинформационным системам (ГИС). Выявление, оформление и вовлечение в оборот «бесхозных объектов».

- Современные формы партнёрства. Отказ от примитивной сдачи в аренду в пользу более выгодных механизмов: концессионные соглашения, государственно - частное партнёрство (ГЧП) и доверительное управление.

- Реформа МУПов. Ликвидация или приватизация убыточных муниципальных унитарных предприятий. Перевод жизнеспособных из них в форму акционерных обществ для внедрения прозрачных корпоративных стандартов управления.

Направление 2: диверсификация и защита доходов бюджета.

- Налоговая дисциплина. Актуализация кадастровой стоимости объектов и жёсткая борьба с незаконными налоговыми льготами для максимизации сбора местных налогов.

- Муниципальный заемный капитал. Освоение современных финансовых инструментов, таких как выпуск муниципальных облигаций под конкретные инфраструктурные проекты, чтобы не отвлекать средства из текущего бюджета.

- Система поощрений. Внедрение практики, при которой рост собственных доходов муниципалитета автоматически увеличивает объем стимулирующих грантов из регионального центра.

Направление 3: создание магнита для бизнеса и жителей.

- Готовые площадки для инвесторов. Развитие индустриальных и технопарков на базе заброшенных промзон с уже подведёнными коммуникациями (подключай и работай).

- Принцип одного окна. Максимальное упрощение административных процедур для бизнеса при получении разрешений на строительство или подключение к сетям.

- Инициативное бюджетирование. Привлечение средств жителей и локального бизнеса к софинансированию проектов благоустройства. Это не только разгружает казну, но и повышает ответственность граждан за свою территорию.

Таким образом, формирование экономической основы МСУ не должно сводиться к ожиданию очередной региональной дотации. Главная задача современности смена парадигмы: муниципалитет должен перестать быть пассивным распределителем бюджетных средств и «складом» имущества, став активным драйвером территориального развития [3].

Успех этой трансформации зависит от синергии трёх факторов: профессионального менеджмента и муниципальными активами, расширения реальной налоговой самостоятельности и выстраивания честных партнёрских отношений с бизнесом и местным сообществом.

Список использованной литературы:

1. Новикова Н.В., Егорова Н.В. Характеристика ключевых элементов экономической основы местного самоуправления // Наука и Образование. 2025. Т. 8. № 3..

2. Виленский А.В. Основы российского местного самоуправления: ближе к реалиям // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 12. № 2 - 1. С. 32 - 40.

3. Сааева С.А. Основы организации местного самоуправления в муниципальном образовании // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 90 - 5. С. 125 - 128.

© Кузьмина Е.А., Черкесова Э.Ю., 2026

Мадатян А.М.
магистрант 3 курса обучения
АНОО ВО «Сибирский институт бизнеса и информационных технологий»,
г. Омск, Россия

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АЛГОРИТМА ОЦЕНКИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В АО «ПИК ИНДУСТРИЯ»

Аннотация

Актуальность обусловлена необходимостью совершенствования механизма оценки инвестиционных проектов в строительной отрасли. Целью статьи является разработка алгоритма оценки инвестиционных проектов в АО «ПИК Индустрия». В работе использованы методы обобщения и логического анализа. Результатом проведенного исследования выступает разработка алгоритма оценки инвестиций, применимую для предприятий строительной отрасли.

Ключевые слова

Инвестиционные проекты, оценка, строительство, управление

Качественное управление и оценка реализуемых ИП для любой компании - инвестора остаются актуальными, поскольку именно такие проекты представляют собой один из наиболее сложных и многоаспектных видов экономический и финансово - инвестиционной деятельности, потенциально способных существенно увеличить показатели экономической деятельности инвестора и упрочить его положение на рынке [1, с. 670].

Основная проблема исходит из анализа рынка инвестиционных проектов – низкая эффективность инвестиционных проектов [2, с. 211]. Для решения проблемы разработан алгоритм оценки инвестиционных строительных проектов и формирования «эффективного проектного портфеля», который подробно описан в следующем пункте главы и применен на примере АО «ПИК - Индустрия».

Рассмотри подробно каждый из этапов алгоритма.

Начало формирования портфеля ИСП – это создание выборки ИСП, будущую эффективность которых необходимо оценить, то есть перечень исследуемых инвестиционных проектов. На данном этапе необходимо оценить ряд показателей, предложенных автором, которые помогут управленцам получить данные о текущих инвестиционных планах и при необходимости ввести первые корректировки.

Автором предлагается использовать следующие показатели: Уровень точности планирования инвестиций ИСП, % , Уровень точности планирования продаж ИСП, %, Уровень точности планирования прибыльности ИСП, %.

Данные показатели необходимо планировать индивидуально для каждого ИСП, так как средние значения не дают полноценной картины эффективности оценки ИСП.

На втором этапе необходимо составить систему показателей инвестиционной эффективности ИСП. Данные показатели общепризнаны в оценке инвестиционных проектов, вся информация о расчете общедоступна и подробно представлена в первой главе исследования: инвестиции в ИСП (валюта); чистый дисконтированный доход NPV (валюта); индекс доходности PI (%); внутренняя норма доходности IRR; срок окупаемости PP (лет); рентабельность инвестиций RI (%).

Третий этап включает отбор проекта по требованиям заказчика, для чего проводится окончательная оценка всех ключевых показателей и принимается решение о принятии или отклонении проекта.

На четвертом этапе формируются оценочные таблицы и ранговые системы для отбора ИСП, которые используются для ранжирования проектов по их инвестиционной эффективности. Это позволяет выбрать наиболее успешные проекты для дальнейшей реализации. Показателями для ранжирования следует выбирать кол - во инвестиций в ИСП, чистый дисконтированный доход, индекс доходности, внутреннюю норму доходности, срок окупаемости, рентабельность инвестиций, то есть ключевые показатели оценки эффективности инвестиционного проекта.

Наконец, на пятом этапе проводится оценка инвестиционно - строительного проекта методами Парето и Борда для создания проектного портфеля. Эти методы позволяют установить приоритеты и выбрать наиболее перспективные проекты для инвестирования. Сущность и различия данных методов были подробно описаны в первой главе исследования.

Использование различных методов оценки инвестиционных строительных проектов помогает получить более точную информацию, так как появляется

возможность сравнения результатов, ни один метод оценки нельзя назвать универсальным, так как каждый имеет свои достоинства и недостатки, поэтому только комплексный подход дает наиболее достоверные результаты.

На примере 10 крупнейших ИСП АО «ПИК Индустрия» был применен алгоритм оценки инвестиционных строительных проектов и сформирован эффективный проектный портфель, в который вошли ИСП «Vangarden», ИСП «Green park» и ИСП «Белая Дача парк». По результатам оценки данные проекты можно считать наиболее эффективными и приоритетными. Проекты АО «ПИК Индустрия» с наименьшей инвестиционной эффективностью по результатам оценки стали ИСП «Ильменский 17» а также ИСП «Волоколамское 24». Данные проекты можно было исключить на этапе отбора, а средства перенаправить на более эффективные инвестиционные проекты.

Список литературы:

1. Карапетян Ю.М. Инвестиции в частное строительство: анализ рисков и доходности // Актуальные вопросы современной экономики. 2024. № 12. С. 669 - 679.

2. Старовойтова И.С., Перпериди Д.И., Бурса И.А. Инвестиции в недвижимость: преимущества и недостатки // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2025. № 2. С. 209 - 213.

© Мадатян А.М., 2026

Оразалина А.Ф.
магистрант 3 курса обучения
АНОО ВО «Сибирский институт бизнеса и информационных технологий»,
г. Омск, Россия

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИКИ УПРАВЛЕНИЯ ДЕНЕЖНЫМИ ПОТОКАМИ В ООО «СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЙ ЗАСТРОЙЩИК «БАСТИОН»»

Аннотация

Актуальность обусловлена необходимостью совершенствования методов управления денежными потоками как основы улучшения финансовых показателей деятельности компании. Целью статьи является анализ и совершенствование методики управления денежными потоками строительной компании. В работе использованы методы обобщения и логического анализа. Результатом проведенного исследования выступает разработка усовершенствованной методики управления денежными потоками организации.

Ключевые слова

Денежные потоки, оптимизация, совершенствование деятельности

Правильное управление денежными потоками позволяет компании планировать свои финансы, прогнозировать поступления и расходы, а также оптимизировать использование доступных финансовых ресурсов. Это важно для обеспечения прочной финансовой базы, способной поддерживать текущие операции, инвестировать в расширение бизнеса и решать возникающие финансовые проблемы.

Проведенный анализ позволил выявить ряд недостатков методик управления денежными потоками:

- в методике прогнозирования денежных потоков не учтены исторические аспекты, ограничены гибкость при изменении внешней среды [2, с. 176];

- в методике управления оборотным капиталом сделан фокус на текущих активов в ущерб долгосрочным инвестициям;

- в методике анализа денежных потоков игнорируется ряд важных показателей, а также изменения внешней среды [1, с. 32];

- в методике бюджетирования денежных потоков – не рассматривается возможность адаптации к изменениям внешней обстановки;

- в методике управления ликвидностью денежных потоков – обеспечение ликвидных активов может привести к ограничению инвестиционных возможностей.

В связи с этим была разработана усовершенствованная методика управления денежными потоками - методика динамического прогнозирования и управления денежными потоками. Она сочетает в себе как элементы прогнозирования денежных потоков и управления оборотным капиталом.

В составе ключевых моментов данной методики можно выделить следующие:

- на первом этапе проводится анализ прошлых денежных потоков, которые могут оказать влияние на прогнозирование будущих значений, проводится анализ условий функционирования организации с целью выявления будущих изменений внешней среды, учет макроэкономических показателей;

- на втором этапе используются статистические методы для прогнозирования будущих денежных потоков;

- на третьем этапе осуществляется оптимизация отдельных видов оборотных активов для повышения ликвидности компании, роста оборачиваемости активов;

- на четвертом этапе осуществляется мониторинг фактических денежных потоков, их сравнение с прогнозируемыми данными и корректировка политики управления денежными потоками;

- на пятом этапе используются современные технологии для повышения качества сбора данных, прогнозирования, анализа и точности управления денежными потоками;

- на шестом этапе проводится анализ фактических данных и вносятся изменения в стратегию управления денежными потоками.

Данный алгоритм представляет собой циклический процесс, позволяющий постоянно улучшать управление денежными потоками компании на основе анализа и прогноза.

Новизна предложенной усовершенствованной методики заключается в том, что данная методика принимает во внимание не только внутренние показатели компании, но и внешние экономические и рыночные аспекты, которые помогают в повышении точности прогнозов, также она включает разработку разнообразных сценариев развития событий.

Таким образом, внедрение данной методики может существенно повысить эффективность управления денежными потоками и оборотным капиталом, а также снизить риски, связанные с финансовым планированием.

Внедрение данной методики осуществлялось на примере строительной организации ООО «Специализированный застройщик «Бастион»». По результатам проведенного анализа, можем с уверенностью утверждать, что в прогнозных годах с 2026 по 2030 денежные притоки и выручка компании демонстрируют положительную динамику, устойчиво увеличиваясь. Так в 2026 году величина денежных потоков прогнозируется на уровне 24257 млн. руб., увеличение к 2030 году составляет 26773 млн. руб., объем выручки увеличивается с 8880 млн. руб. в 2026 году до 9329 млн. руб. в соответствии с реалистичным сценарием развития компании.

Растущая динамика денежных притоков и выручки свидетельствует о здоровом финансовом положении компании, также ее успешных перспективах.

Список литературы:

1. Сулейманова Д.А. Денежные потоки и их регулирование в коммерческих организациях // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2025. Т. 40. № 2. С. 31 - 37.

2. Юдина А.О., Пласкова Н.С. Денежные потоки: основы и методы эффективного контроля // Финансовый менеджмент. 2025. № 3. С. 174 - 180.

© Оразалина А.Ф., 2026

Щербакова Е.П.
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры бухгалтерского учета и контроллинга
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
Ростов - на - Дону, Россия
Петрухнова К.А.
студент
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
Ростов - на - Дону, Россия

ВНЕДРЕНИЕ АЛГОРИТМОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМУ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ КОМПАНИИ

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности системы внутреннего контроля в условиях цифровизации бизнес -

процессов и роста объемов корпоративных данных. Цель заключается в обосновании необходимости внедрения ИИ в систему внутреннего контроля компании. В исследовании использованы метод анализа и обобщения научной литературы, сравнительный анализ, а также метод систематизации. Установлено, что ИИ автоматизирует анализ хозяйственных операций и договорной документации, выявляет отклонения и аномалии, сокращает объем ручных процедур и повышает оперативность контроля. При этом эффективность его применения определяется качеством исходных данных, корректностью настройки алгоритмов и организацией контроля за их функционированием.

Ключевые слова

Искусственный интеллект, внутренний контроль, корпоративное управление, автоматизация аудита, машинное обучение

Shcherbakova E.P.
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of Department of Accounting and Controlling
Rostov State University of Economics (RSUE)
Rostov - on - Don, Russia
Petrukhnova K.A.
student
Rostov State University of Economics (RSUE)
Rostov - on - Don, Russia

IMPLEMENTATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ALGORITHMS INTO A COMPANY'S INTERNAL CONTROL SYSTEM

Annotation

The relevance of this study stems from the need to enhance the effectiveness of internal control systems amidst the digitalization of business processes and the growing volume of corporate data. The study aims to justify the necessity of integrating AI into a company's internal control system. The research employs methods such as the analysis and synthesis of scientific literature, comparative analysis, and systematization. It is established that AI automates the analysis of business transactions and contractual documentation, detects deviations and anomalies, reduces the volume of manual procedures, and improves the speed of control activities. However, the effectiveness of its application depends on the quality of the input data, the accuracy of algorithm configuration, and the oversight of their operation.

Keywords

Artificial intelligence, internal control, corporate governance, audit automation, machine learning

Развитие цифровой экономики сопровождается быстрым увеличением объемов данных, применяемых организациями в финансово - хозяйственной деятельности. Согласно концепции COSO Internal Control – Integrated Framework, система внутреннего контроля должна гарантировать достижение операционных целей организации, достоверность отчетности и соответствие нормативным требованиям [2]. Однако традиционные контрольные методы, базирующиеся на ручной обработке сведений и выборочных проверках, при анализе больших массивов данных оказываются недостаточно эффективными.

Необходимо отметить, что в настоящее время прослеживается противоречие между широким распространением искусственного интеллекта (ИИ) во внутреннем контроле и отсутствием системного подхода к его внедрению. Так, согласно опросу Gartner, проведенному в мае 2026 г. среди 161 руководителя внутреннего аудита, 93 % респондентов сообщили о применении ИИ в профессиональной деятельности. При этом 60 % служб внутреннего аудита не имеют универсальной стратегии, которая позволяла бы использовать его эффективно [3]. Очевидно, что складывается ситуация, при которой практика применения ИИ опережает теоретическое осмысление и методологическое обеспечение. Несмотря на это, исследователи отмечают, что использование искусственного интеллекта позволяет совершенствовать внутренний аудит за счет ускорения обработки данных, повышения качества контрольных процедур и сокращения сроков принятия решений [4].

В настоящее время под ИИ в контрольной деятельности понимается автоматизированная проверка всех транзакций с использованием алгоритмов машинного обучения, обработки естественного языка, компьютерного зрения и предиктивной аналитики [1]. По мнению Л.П. Лакатоша, искусственный интеллект является совокупностью программных и аппаратных средств, способных на основе анализа больших объемов данных выполнять оценку информации, принимать решения, а также осуществлять сложные аналитические процедуры. При этом ИИ не следует рассматривать как самостоятельную замену системе внутреннего контроля [5].

Внедрение алгоритмов ИИ во внутренний контроль автоматизирует проверку хозяйственных операций за счет сопоставления фактических данных с условиями договоров, установленными лимитами и историей операций. Машинное обучение обрабатывает сведения из 1С, SAP и Oracle и впоследствии на основе полученных данных выявляет расхождения между суммой и договорной ценой, сроком оплаты и условиями договора, текущими и ранее зарегистрированными банковскими реквизитами. Выявленные отклонения классифицируются по типу нарушения и передаются специалисту внутреннего контроля в виде контрольного сигнала. Например, если договор предусматривает оплату поставщику в размере 10 млн руб., а в учетной системе зарегистрирован платеж на 12 млн руб., алгоритм фиксирует отклонение на 20 % и сопоставляет его с допустимым порогом. При отсутствии дополнительного соглашения, подтверждающего увеличение

стоимости, операция получает статус требующей проверки. В финансовой сфере аналогичные технологии используются для выявления мошеннических операций, происходящих из - за нарушений процедур согласования платежей.

Сегодня в качестве основного элемента внутреннего контроля компании используют программные системы, основанные на алгоритмах искусственного интеллекта и известные под названием BI - платформы. Power BI, Tableau и Qlik объединяют информацию о проведенных контрольных мероприятиях и представляют ее в виде интерактивных дашбордов, отражающих текущее состояние проверок, выполнение рекомендаций и изменение ключевых показателей во времени [1]. Фильтрация данных по подразделению, периоду и виду контроля позволяет быстро локализовать отклонения и определить направления, требующие дополнительной проверки, без обращения к отдельным отчетам.

Крупные компании также внедряют чат - боты на основе искусственного интеллекта для анализа договорной и первичной документации. В частности, алгоритмы обработки естественного языка извлекают из договоров стоимость, сроки исполнения, условия оплаты и штрафные санкции, после чего сопоставляют их с данными бухгалтерского и управленческого учета.

Стоит отметить, что экономический эффект от внедрения ИИ во внутренний контроль проявляется в снижении расходов на выполнение типовых контрольных процедур, уменьшении вероятности финансовых потерь в результате мошеннических действий и ошибок персонала, а также в повышении оперативности управленческой информации. Согласно данным PwC, до 70 % времени сотрудников контрольных подразделений расходуется на сбор, обработку и первичный анализ информации [4]. После внедрения интеллектуальных систем часть операций выполняется автоматически. Специалисты внутреннего контроля, в свою очередь, могут сосредоточиться на анализе причин выявленных отклонений и, соответственно, разработке мероприятий по снижению рисков. Для крупной компании с годовым оборотом свыше 10 млрд руб. снижение потерь от ошибок даже на 0,5 % может обеспечить повышение прибыли на 50 млн руб. ежегодно. При этом срок окупаемости проектов по внедрению ИИ составляет от 1 года до 3 лет [5].

Перед внедрением алгоритмов ИИ в систему внутреннего контроля необходимо определить контрольные задачи, подготовить данные, выбрать и протестировать алгоритм, интегрировать его в информационную систему компании и организовать последующий мониторинг его работы. Основные этапы внедрения представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Этапы внедрения ИИ в систему внутреннего контроля компании

Этап	**Содержание**
1. Определение задачи	Выбор контрольной процедуры и контролируемых показателей

2. Подготовка данных	Сбор, очистка и структурирование корпоративных данных
3. Выбор алгоритма	Определение модели ИИ для конкретной контрольной задачи
4. Тестирование	Проверка точности алгоритма на исторических данных
5. Интеграция	Подключение ИИ к информационным системам компании
6. Мониторинг	Контроль результатов работы алгоритма и его корректировка

При этом внедрение искусственного интеллекта во внутренний контроль сопровождается возникновением новых рисков. Одним из них является низкое качества исходных данных. Если корпоративные информационные системы содержат неполные, дублирующиеся или некорректные сведения, результаты работы алгоритма также могут быть ошибочными. Кроме того, при большом количестве ложных сигналов специалисты внутреннего контроля получают дополнительную нагрузку и вынуждены проверять операции, которые фактически не содержат нарушений. В противоположной ситуации алгоритм может не распознать действительно рискованную операцию.

Таким образом, применение искусственного интеллекта во внутреннем контроле способствует повышению эффективности выявления нарушений, сокращению трудоемкости контрольных процедур и снижению аудиторского риска. Поэтому разработка и внедрение ИИ - решений рассматривается нами как одно из приоритетных направлений цифровой трансформации контрольной функции компании.

Список использованной литературы:

1. Хрупало Е.Н., Непомнящих А.А. Цифровая трансформация внутреннего аудита: применение искусственного интеллекта и аналитики данных в системе внутреннего контроля организации // Естественно - гуманитарные исследования. – 2026. – № 3 (65). – С. 550 - 556.

2. Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission (COSO). Internal Control – Integrated Framework. Executive Summary. – Durham: COSO, 2013. – 20 с.

3. Gartner. Benchmarks on Audit’s Use of AI [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // www.gartner.com (дата обращения: 01.10.2026).

4. Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. – 4th ed. – Hoboken: Pearson, 2021. – 1168 p.

5. Wassie F.A., Lakatos L.P. Artificial intelligence and the future of the internal audit function // Humanities and Social Sciences Communications. – 2024. – Vol. 11. – Article 386.

© Щербакова Е.П., Петрухнова К.А., 2026

Семенихина А.В.
Магистрант 3 курса ИСОиП (филиал) ДГТУ
в г. Шахты Ростовской области
г. Шахты, РФ
Черкесова Э.Ю.
Доктор экономических наук, профессор ИСОиП (филиал) ДГТУ
в г. Шахты Ростовской области
г. Шахты, РФ

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация
В статье рассмотрены ключевые проблемы реализации региональных программ образования. Представлены стратегические направления совершенствования. Для повышения реальной отдачи от региональных программ образования необходим переход от «бюджетирования процессов» к «бюджетированию результатов».

Ключевые слова
Региональные программы развития образования, государственное и муниципальное управление, региональное развитие.

Реализация региональных программ развития образования –это ключевой мост между федеральными стратегиями (нацпроектами) и реальной ситуации в школах и колледжах. Однако на практике этот мост часто дают трещину из - за системных противоречий.

Представим обзор главных узких мест и конкретных шагов по их устранению[1].

1. Финансовая ловушка «выживания». Борьба за существования, а не развитие. До 80 - 90 % регионального бюджета образование уходит на текущие расходы: зарплаты, коммуналку и косметический ремонт. На закупку современного оборудования или инновационные методики денег просто не остается. Дефицит софинансирования. Регионы часто не могут выполнить условия федеральных грантов из - за нехватки собственных средств, из - за чего программы либо урезаются, либо остаются только на бумаге. Не обеспеченные поручения. Требования сверху (например, создание «точек роста» или цифровизация) часто спускаются без целевых денег (субвенций), перекладывая финансовое бремя на без того бедные местные бюджеты.

2. Кадровый голод и выгорание. Острая нехватка учителей, особенно в сельской местности и по профильным предметам (физика, математика, информатика). Программы вроде «земский учитель» помогают точечно, но не решают проблему системно. Бумажный вал: педагоги, директора тратят колоссальные количество времени на составление отчётов для мониторинга госпрограмм, что ведёт к профессиональному выгоранию и оттоку кадров. Низкая привлекательность

профессии, несмотря на отчёты о росте средних зарплат (которые часто достигаются за счёт полуторных ставок), базовый оклад остается низким, что отпугивает молодёжь.

3. Инфраструктурное неравенство. Пропасть «город - село»: сельские школы зачастую лишены не только современного оборудования, но и стабильного интернета, а также возможностей для качественного дополнительного образования. Вторая смена и ветхий фонд: в растущих городах не хватает новых школ, а в малых населённых пунктах сохраняется значительной процент зданий, требующих капитального ремонта или сноса. Устаревшее профобразование: материально - техническая база многих региональных колледжей отстает от реальных требований современных производств.

4. Управленческие формализм и разрыв с экономикой. Имитация деятельности: успех программы часто измеряется фактом освоения бюджета или количеством проведённых мероприятий, а не реальным ростом качества знаний. Шаблонный подход: единые федеральные лекала просто ложатся на специфику конкретных территорий (например, потребности моногорода и мегаполиса радикально отличаются). Несоответствие рынку труда: региональные программы подготовки кадров слабо синхронизированы с реальным заказом местных предприятий. Выпускники не могут найти работу дома, а бизнес страдает от нехватки квалифицированных рабочих и инженеров.

Чтобы региональные программы начали работать, необходим сдвиг парадигмы: от «финансирования процессов» к «инвестированию в результат». Поэтапно это можно представить так:

Шаг 1: умное финансирование.

Дифференцированный норматив: введение повышающих коэффициентов к душевому финансированию для сельских, малокомплектных школ и территорий с тяжелым климатическими условиями; привлечение в ней бюджетных денег: активное развитие механизмов государственного частного партнёрства (ГЧП) и создание эндаумент - фондов при колледжах и вузах для оснащения современных мастерских.

Шаг 2: освобождение и поддержка учителя.

Цифровая защита от бюрократии: внедрение единых цифровых платформ которые автоматически собирают данные для отчётов, и жёстких законодательные запрет на привлечение педагогов к непрофильной работе (субботнике, переписи и так далее); реальные, а не виртуальные льготы: расширение программ предоставления служебного жилья правом последующей приватизации, региональные надбавки за классные руководство и работу в сельской местности.

Шаг 3: инфраструктурное выравнивание.

Адресная строительство: приоритетное федеральное софинансирование строительства школ именно в тех регионах, где демографическая нагрузка максимальна; цифровой суверенитет села: гарантированное обеспечение удалённых школ высокоскоростным интернетом и доступом к федеральным

цифровым платформам, чтобы компенсировать нехватку узких специалистов на местах.

Шаг 4: сшивка образования и экономики региона.

Образовательно - производственные кластеры: создание дуальных программ обучения, где колледжи и вузы тесно сотрудничают с местной видами: практика идёт на реальном производстве, а учебные планы корректируются под конкретные технологии предприятия; ранняя профориентация: внедрение в школьную программу модуля, знакомящих детей с реальными, высокооплачиваемыми профессиями, востребованными именно в их регионе.

Шаг 5: метрики успеха КПИ.

Оценка по человеческому капиталу: смена фокуса контроля (главными показателями эффективности программы должны стать не «освоенные миллионы», а процент выпускников колледжей / вузов, трудоустроенных по специальности в своем регионе, снижение текучести педагогических кадров, реальная удовлетворённость родителей и работодателей качествам образования [2].

Таким образом, проблемы реализации региональных образовательных программ носят не столько финансовый, сколько структурно - управленческий характер. Механическое вливание денег в устаревшую систему не даст качественного скачка.

Ключ успеху лежит в децентрализации (предоставлении школам реальной финансовой свободы), жёсткой цифровизации (для уничтожения бумажной волокиты) и глубокой интеграции образовательных треков с реальным экономическим сектором конкретной территории.

Список использованной литературы:

1. Беляйкина А.И. Программы развития образования субъектов Российской Федерации: проблемы и региональные особенности // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 1А. С. 78 - 93.

2. Джамалудинова М.Ю., Магомедова А.Д., Хайбулаева Х.М. Программно - целевой метод социально - экономического развития муниципальных образований // Журнал прикладных исследований. 2023. № S1. С. 30 - 35.

© Семенихина А.В., Черкесова Э.Ю., 2026

Шафигуллин Д.Е. – аспирант
ФГБОУ ВО "Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова"
Россия, Москва

ГИСП И ОТРАСЛЕВАЯ ЦИФРОВАЯ ПЛАТФОРМА: ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СРАВНЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Аннотация

В работе рассматривается соотношение действующей Государственной информационной системы промышленности (ГИСП) и предлагаемой отраслевой

цифровой платформы, ориентированной на выявление технологических потребностей промышленных предприятий и подбор цифровых решений. Сопоставление проводится не по принципу замещения одной системы другой, а по функциям, которые возникают на разных этапах цифровой модернизации предприятия. Показано, что ГИСП уже формирует развитую информационную инфраструктуру промышленной политики: обеспечивает сбор и обработку отраслевых данных, доступ к мерам поддержки, каталогам и аналитическим сервисам, а также предусматривает взаимодействие с внешними цифровыми сервисами. Предлагаемый платформенный контур отличается фокусом на технологическом запросе предприятия: его формализации, сопоставлении с предложением разработчиков, сопровождении выбора и накоплении агрегированной информации о неудовлетворённом спросе. Сделан вывод о целесообразности интеграционного сценария, при котором отраслевой платформенный механизм развивается как специализированный сервисный контур ГИСП либо во взаимодействии с ней, а не как параллельная государственная информационная система.

Ключевые слова

промышленность, цифровая модернизация, цифровая трансформация, ГИСП, цифровая платформа, технологический спрос, цифровые решения, промышленная политика.

Shafigullin D.E. – graduate student,
The Plekhanov Russian University of Economics
Russia Moscow

GISP AND THE INDUSTRY - SPECIFIC DIGITAL PLATFORM: A FUNCTIONAL COMPARISON IN THE CONTEXT OF INDUSTRIAL DIGITAL MODERNIZATION

Abstract

This article examines the relationship between the existing State Information System for Industry (GISP) and a proposed industry - specific digital platform designed to identify the technological needs of industrial enterprises and match them with digital solutions. The comparison is based not on the substitution of one system for the other, but on the functions that emerge at various stages of an enterprise's digital modernization. It is shown that GISP is already establishing a robust information infrastructure for industrial policy: it facilitates the collection and processing of industry data and provides access to support measures, catalogs, and analytical services, while also enabling interaction with external digital services. The proposed platform framework is distinguished by its focus on the enterprise's technological requirements—specifically, formalizing these needs, matching them with developer offerings, guiding the selection process, and aggregating data on unmet demand. The study concludes that an integration scenario is advisable,

wherein the industry - specific platform mechanism evolves as a specialized service component of GISP—or in conjunction with it—rather than as a parallel state information system.

Keywords

industry, digital modernization, digital transformation, GISP, digital platform, technological demand, digital solutions, industrial policy.

Введение

В современном мире промышленные предприятия сталкиваются с вызовом в цифровом развитии – раньше для проведения цифровизации хватало исключительно понимания, какую технологию (например, ERP - систему, или IoT - датчики) необходимо внедрить на производстве. Сейчас одного понимания не хватает – в IT - секторе во многих категориях начал появляться выбор между различными программными продуктами со своими преимуществами и недостатками, лидеры отрасли, многие годы остававшиеся наиболее распространенными IT - решениями, теперь испытывают конкуренцию и теряют ряд преимуществ. Возникает новый виток вопросов, требующих разрешения перед внедрением цифрового решения – не только о том, насколько функционально IT - решение и как оно поможет достичь желаемых результатов, но и насколько просто встроить его в уже существующую цифровую инфраструктуру.

Крупная промышленная группа может передать значительную часть такой работы собственному ИТ - подразделению или центру компетенций. Для предприятия меньшего масштаба выбор сложнее. Цена продукта здесь лишь одно из ограничений. Не менее существенны совместимость с действующими системами, наличие специалистов для внедрения, условия сопровождения и устойчивость разработчика. По этой причине одинаковое предложение на рынке цифровых решений не означает одинаковой возможности его внедрения на разных предприятиях.

На уровне промышленной политики возникает другая задача. Отдельный запрос предприятия сам по себе мало говорит о состоянии рынка. Значение приобретает повторяемость ситуации: какие решения предприятия ищут, по каким направлениям российское предложение уже сформировалось и где подходящий продукт систематически не находится. Официальная статистика фиксирует состоявшееся использование технологий, но не объясняет причину отказа от внедрения. За одинаково низким показателем могут стоять отсутствие экономической потребности, высокая стоимость, нехватка компетенций или отсутствие подходящего предложения.

В России уже действует Государственная информационная система промышленности (ГИСП). Поэтому при разработке отраслевой цифровой платформы возникает практический вопрос: какая часть предлагаемого механизма действительно дополняет существующую инфраструктуру, а какая повторяет уже реализованные функции? Для ответа в работе сопоставляется не общий перечень

возможностей двух систем, а путь предприятия от появления технологической задачи до выбора и внедрения цифрового решения.

Результаты и их обсуждение

Правовая основа ГИСП закреплена Федеральным законом № 488 - ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» и постановлением Правительства РФ № 757. Статья 14 Федерального закона связывает систему с автоматизацией сбора и обработки информации для реализации промышленной политики, информированием о мерах поддержки и обменом сведениями о состоянии промышленности и прогнозах её развития [1]. Постановление № 757 устанавливает требования к сбору, хранению и обработке этих данных, информационному обмену и защите информации [2].

За время развития системы её функции стали заметно шире исходного информационного учёта. Концепция ГИСП предусматривает сбор и хранение сведений субъектов промышленности, информирование о государственной поддержке, обработку заявок на льготы и субсидии, ведение каталогов предприятий и промышленной продукции. Дополнительный контур включает информационно - аналитические сервисы, оценку мер поддержки, электронную торговую площадку, сервисы сторонних разработчиков, сведения о лучших практиках и доступных технологиях [3]. В самой системе представлены и меры поддержки внедрения российских ИТ - решений; соответствующие перечни охватывают ERP, управление производством, мониторинг оборудования, большие данные, цифровые двойники и другие направления [4]. Отдельные сервисы ГИСП уже используются для взаимодействия заказчиков и производителей [5].

Такой набор функций не позволяет свести различие к простой формуле «ГИСП хранит информацию, а платформа оказывает сервис». Каталоги, аналитика, внешние интеграции и электронные процедуры в ГИСП уже существуют. Более содержательное различие появляется, если посмотреть, вокруг чего строится пользовательский сценарий.

В предлагаемой модели отправной точкой служит технологическая потребность предприятия. Пользователь описывает не название требуемого продукта, а производственную или управленческую задачу, ограничения действующей инфраструктуры и ожидаемый результат. После этого запрос можно сопоставить с предложениями разработчиков. Такой порядок особенно нужен в ситуации, когда предприятие понимает проблему, но не может заранее определить класс программного обеспечения, которым её следует решать.

Внутри цифровой отраслевой платформы сформированный технологический охват во многом пересекается с каталогами, представленными в ГИСП – это говорит в пользу доработки существующего функционала. В него входят стандартные для отрасли системы управления предприятием (MES, ERP), управления складскими процессами (WMS), а также прочие вспомогательные системы (TDM, системы технического обслуживания и ремонта). Немаловажно следование технологическим трендам и наличие аналитических решений для

управления бизнесом. Такой набор категорий технологий уже представлен в государственных программах поддержки и отраслевых каталогах, что облегчит их привлечение для размещения в отраслевой цифровой платформе, однако, в отличие от реестров и каталогов, на этом этапе взаимодействие с поставщиками IT - решений не заканчивается.

Запрос конкретной организации на IT - решение может пойти по одному из двух путей – первый, наиболее благоприятный, если отечественные компании уже представили подобное решение, и они соответствуют требованиям производства. В таком случае платформа позволяет наладить первое взаимодействие между заинтересованными сторонами и дальше перевести в формат обсуждения и сделки. Если же подлобного решения на отечественном рынке нет, то открывается простор для разработчиков, готовых выполнить заказ на разработку специализированного ПО. Цель платформы в данном случае – собирать и агрегировать информацию по потребностям в промышленности и формировать сигналы для рынка IT - решений, позволяющих оценить разницу между разовой потребностью и полноценной нишей.

Представители IT - рынка экономят ресурсы в сфере бизнес - анализа, промышленные предприятия в перспективе 1 - 2 лет получают новые решения в сфере цифровизации, государство в сфере промышленной политики обеспечивает равномерное технологическое развитие на основе прозрачного механизма цифровой платформы.

Таблица 1 – Функциональное соотношение ГИСП и цифровой платформы

Критерий	ГИСП	Отраслевая цифровая платформа
Объект взаимодействия	Сведения о промышленности, предприятиях, продукции, мерах поддержки; цифровые государственные и внешние сервисы	Конкретная технологическая потребность предприятия и варианты её удовлетворения
Исходное действие предприятия	Поиск информации, сервиса, меры поддержки, продукции или выполнение установленной электронной процедуры	Формализация производственной или управленческой задачи, для которой требуется цифровое решение
Работа с цифровыми решениями	Информирование о технологиях, доступ к каталогам, внешним сервисам и отдельным механизмам поддержки внедрения	Сопоставление запроса с квалифицированными предложениями разработчиков по заданным ограничениям
Обратная связь	Предложения пользователей по совершенствованию ГИСП;	Причины отсутствия подходящего решения и

	данные о востребованности ресурсов и сервисов	агрегирование неудовлетворённых технологических запросов
Результат для промышленной политики	Информация о состоянии промышленности, пользователях, продукции, мерах поддержки и результатах их применения	Дополнительный массив данных о структуре технологического спроса и повторяющихся разрывах между спросом и предложением
Предпочтительный сценарий	Базовая государственная информационная инфраструктура промышленной политики	Специализированный сервисный контур, интегрированный с ГИСП или использующий её данные и механизмы идентификации

Как уже было ранее сказано - зона пересечения у двух механизмов значительна, что закономерно подводит к мысли об эффективности возможной интеграции платформы в рамках уже существующей ГИСП, отличия цифровой платформы и характерные черты представлены в таблице 1. Разработка кардинально новой платформы требует дополнительных затрат на инфраструктуру, продвижение и регистрацию пользователей в системе, что существенно кака в денежном выражении, так и во времени на реализацию. Появление нового сервиса внутри ГИСП – системы, имеющей базу промышленных предприятий, позволит решить многие вопросы начального этапа развития и снизить срок полноценной реализации.

Подобный сценарий можно охарактеризовать как интеграционный вариант, при котором ГИСП может сохранить роль базовой государственной информационной среды для взаимодействия с промышленными предприятиями, а работа с IT - сектором через отдельный сервис внутри системы, либо через взаимодействующий с ней контур. В обоих случаях можно использовать уже существующие сведения о предприятиях, реестры продукции и инструменты предоставления государственной поддержки вместо их повторного создания.

Если предлагаемый сервисный контур развивается на базе ГИСП, нет необходимости заново формировать систему управления им. Вопросы, связанные с промышленным содержанием сервиса, естественно остаются в сфере Минпромторга России и действующего операторского контура. Для Минцифры существенны прежде всего инфраструктурная совместимость государственных информационных систем и требования, предъявляемые к используемому программному обеспечению. Этого, однако, недостаточно для окончательного распределения полномочий между участниками: такая схема должна быть закреплена нормативно.

Отраслевая платформа, в первую очередь, должна демонстрировать, почему одного реестра в контексте цифровизации промышленности бывает недостаточно - наличие подходящего по назначению продукта не всегда гарантирует, что его можно внедрять без оглядки на компанию разработчика. Для промышленных систем особенно остро встает вопрос безопасности, стабильности, а также длительности поддержки. Также нужно учитывать, что множество промышленных предприятий в России ведут давнюю историю и имеют выстроенные системы, где часто невозможен путь внедрения системы с нуля без долгой интеграции с существующим контуром на предмет устранения потенциальных сбоев в налаженном цикле – поэтому особенно важно, что произойдёт через несколько лет, если разработчик изменит условия сопровождения или вообще прекратит поддержку продукта.

Переход из статуса очередного реестра отечественных IT - решений в полноценную платформу - посредника достигается за счет нескольких функций:

1) Формирование системы гарантий поддержки ПО для предприятий с установкой минимального срока обслуживания в зависимости от категории технологии;

2) Сбор и публикация агрегированных аналитических индикаторов в сфере потребностей промышленных предприятий по ряду категорий IT - решений в анонимизированном виде;

3) Выстраивание системы коммуникации между промышленным предприятием, внедряющим IT - решение и разработчиками, предлагающими необходимое решение не только на этапе заключения сделки, но и в период внедрения и эксплуатации;

4) Локализация и импортозамещение IT - решений для обеспечения технологического суверенитета в сфере промышленных технологий.

Заключение

Сопоставление функций уже существующей ГИСП и предлагаемой цифровой отраслевой платформы показывает, что из двух вариантов - разделения на две самостоятельные государственные системы и интеграция в единую систему с расширением функционала ГИСП, предпочтительным является интеграционный. Значительная часть необходимой инфраструктуры уже существует в ГИСП, а также проведена существенная работа по повышению узнаваемости среди промышленного сектора: в ней сосредоточены отраслевые данные, сведения о мерах поддержки, каталоги, аналитические и электронные сервисы. Существенная часть функционала цифровой отраслевой платформы означало бы дублирование того, что было сделано ранее.

Незакрытым остаётся другой участок – последовательная работа с технологической потребностью предприятия и с IT - сектором разработчиков промышленных решений. В предлагаемой модели предприятие сначала описывает производственную задачу, после чего она сопоставляется с доступными решениями. Если подходящего предложения нет, информация об этом не теряется

вместе с завершением поиска, а становится частью регулярного индикатора потребностей, позволяющих оценить как разовый запрос для проектной деятельности, так и полноценную нишу с широким кругом потребителей.

Поэтому практическое развитие модели связано со специализированным сервисом, работающим по модели маркетплейсов и совместимым с ГИСП и использующим уже созданную государственную инфраструктуру. Его ценность определяется совокупностью запущенных проектов по цифровизации промышленных предприятий, что укладывается в рамки государственных приоритетов развития.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон от 31.12.2014 № 488 - ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации». Ст. 14 «Государственная информационная система промышленности».

2. Постановление Правительства РФ от 25.07.2015 № 757 «О порядке создания, эксплуатации и совершенствования государственной информационной системы промышленности» (ред. от 15.10.2024).

3. Приказ Минпромторга России от 23.06.2016 № 2091 «Об утверждении Концепции развития государственной информационной системы промышленности» (ред. от 12.08.2021).

4. Перечень цифровых и технологических решений, внедрение которых финансируется в рамках мер поддержки промышленности // Государственная информационная система промышленности. 2026.

5. Сервис распределённого онлайн - производства // Государственная информационная система промышленности. URL: gisp.gov.ru / vfb / (дата обращения: 04.10.2026).

6. Шабаева С. В., Шабаев А. И. Риски внедрения цифровых платформ как отраслевой аспект стратегирования // Стратегирование: теория и практика. 2024. № 2.

7. Шелепов А. В., Колмар О. И. Регулирование цифровых платформ в России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2024. № 2.

8. Шкодинский С. В., Гайнитдинов А. А. Цифровая трансформация как инструмент снижения трансакционных издержек в вертикально интегрированных структурах // Региональная и отраслевая экономика. 2025. № 3. С. 11–20.

© Шафигуллин Д.Е., 2026

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

LEGAL SCIENCES

Беликова Я.С.
Выпускница Воронежского государственного университета
Воронеж, Россия

ОТЛИЧИЕ ОБЫСКА ОТ ДРУГИХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы отграничения обыска от иных следственных действий. Автор проводит сравнительно - правовой анализ обыска, выемки и следственного осмотра, выявляя их общие признаки и ключевые различия. Дополнительно рассматривается проблема подмены следственных действий оперативно - розыскным мероприятием – обследованием помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. Предлагаются меры по совершенствованию уголовно - процессуального законодательства.

Ключевые слова: обыск, выемка, личный обыск, следственный осмотр, разграничение следственных действий.

Обыск имеет как общие, так и отличительные признаки, позволяющие отграничить его от иных следственных действий, а также от имеющих определенное со следственными действиями сходство мероприятий, предусмотренных Федеральным законом «Об оперативно - розыскной деятельности» [8] и Законом Российской Федерации «О полиции» [6]. В ходе анализа уголовно - процессуального закона мы сделали вывод о том, что обыск имеет наибольшее сходство с такими следственными действиями как выемка и осмотр. Рассмотрим сходства и отличительные признаки указанных следственных действий по отношению к обыску наиболее подробно.

Прежде всего, рассмотрим соотношение обыска и выемки, поскольку именно они являются наиболее распространенными способами получения доказательств по делу. А. И. Ротар отмечает, что «их значение определяется возможностью устанавливать те или иные обстоятельства совершенного преступления. Имеющие цель обнаружения доказательств, обыск и выемка служат средством своевременного изобличения виновных в совершении преступления и установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу» [13, с. 37].

Уголовно - процессуальный закон не дает определения понятия «выемка». Вместе с тем, ч. 1 ст. 183 Уголовно - процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) устанавливает: «при необходимости изъятия определенных предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, и если точно известно, где и у кого они находятся, производится их выемка» [14]. Таким образом, оба следственных действия имеют своей целью получение вещественных доказательств путем изъятия. Однако, основания для их

назначения и способы их производства различны. Так, если в качестве основания для производства обыска выступает обоснованное предположение следователя о наличии в том или ином месте искомого, то при выемке – о местонахождении конкретных доказательств в конкретном месте. Таким образом, ключевое различие между обыском и выемкой заключается в степени достоверности информации о локации интересующих следователя объектов.

А.Р. Хаметова отмечает, что «выемка – факт целенаправленного изъятия определенных предметов, а обыск – поиск предметов, представляющих потенциальный интерес для следователя. Перечень предметов, которые анализируются и при необходимости изымаются в результате обыска, чаще всего неизвестен (в редких случаях имеется ориентировочный список). Выемка характеризуется отсутствием поискового элемента деятельности представителей органов предварительного расследования» [15, с. 102]. Практика показывает, что различия между этими следственными действиями часто размываются, особенно когда изымаемый объект быстро меняет местоположение, усиливая необходимость его активного поиска. Именно поэтому позицию автора нельзя принять безоговорочно.

Анализируя нормы статей 182 и 183 УПК РФ можно прийти к выводу о том, что законодатель намеренно сближает процедуру проведения обыска и выемки, поскольку выемка производится в том же порядке, что и обыск, за исключением некоторых изъятий, предусмотренных ст. 183 УПК РФ.

Важным сходством обыска и выемки является также их принудительность, поскольку их производство связано «с ограничением конституционных прав граждан на частную собственность, неприкосновенность жилища, частной жизни, на личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (статьи 23, 25, 35, 36 Конституции Российской Федерации)» [7]. Наряду с этим существует принцип добровольности: следователь до начала следственных действий предоставляет возможность добровольно передать требуемые объекты. Когда разыскиваемое при обыске предоставляется добровольно, потребность в его проведении может отпасть, что приводит некоторых специалистов к отождествлению такого обыска с выемкой. Тем не менее, уголовно - процессуальное законодательство не содержит норм, которые сближали бы данные следственные действия на основании их добровольного осуществления. Как отмечает А.В. Костюк, «такое уравнение допустимо лишь условно, но никак не юридически» [4, с. 114].

Интересной позиции по этому вопросу придерживается С.Б. Россинский, излагая следующую мысль: «если обыск ограничивается добровольной выдачей искомых объектов при отсутствии оснований полагать о сокрытии каких - либо других (в порядке ч. 5 ст. 182 УПК РФ), то он de facto и становится той самой выемкой. И, наоборот, если в ходе проведения выемки следователь приходит к убежденности о сокрытии ряда объектов, имеющих значение для уголовного дела, то он вправе незамедлительно (прямо на месте) вынести соответствующее постановление и

произвести обыск, в том числе, в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ. К слову, для обыска и выемки традиционно предусмотрен даже единый, унифицированный, бланк протокола» [11, с. 44]. По мнению ученого, выемка абсолютно лишена как познавательного характера, так и процессуальной автономности, вследствие чего ее и вовсе необходимо исключить из системы следственных действий, поскольку изъять искомые объекты можно и в процессе обыска, даже если не требуются какие - либо поисковые мероприятия [11, с. 44].

Ряд ученых настаивает на том, чтобы законодательно была закреплена новая категория – добровольная сдача лицом предмета органам следствия и дознания, которая не носила бы процессуальный характер и оформлялась явкой лица, сдающим предметы и актом приема - передачи. По мнению исследователей, «такая мера помогла бы избавить следователей от порочной практики квазипроцессуальных решений, когда документально оформляется пакет документов на выемку, обыск без проведения таковых, или случаев, когда следователь посещает места выемки или обыска исключительно для соблюдения формального порядка выполнения процессуального действия» [15, с. 103].

И обыск, и выемка в соответствии со ст. 157 УПК РФ являются неотложными следственными действиями, и, по общему правилу, могут быть произведены после возбуждения уголовного дела. Вместе с тем, ч. 5 ст. 165 УПК РФ устанавливает положение, в соответствии с которым обыск и выемка могут быть произведены и без решения суда в случаях, не терпящих отлагательств, что, в свою очередь, еще раз подчеркивает важность и неотложность этих следственных действий. Единственным исключением, когда постановление допускается не выносить, является проведение личного обыска «при наличии достаточных оснований полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производится обыск, скрывает при себе предметы или документы, которые могут иметь значение для уголовного дела» (ч. 2 ст. 184 УПК РФ). На наш взгляд, необходимо установить в законе право следователя на производство личного обыска при задержании лица до возбуждения уголовного дела, вследствие чего предлагаем внести следующие изменения:

– ч. 2 ст. 184 УПК РФ дополнить словами: «Личный обыск задержанного допускается до возбуждения уголовного дела»;

– ч. 1 ст. 144 УПК РФ дополнить словами: «…В случаях, указанных в настоящем Кодексе, до возбуждения уголовного дела возможны задержание лица и его личный обыск».

Важно отметить, что неотложность обыска и выемки приводят к тому, что на практике возникает проблема отграничения их от осмотра места происшествия. Так, В.Н. Карагодин по этому поводу пишет: «в обоснование своих доводов заявители ссылаются на то, что в действительности проводился не осмотр места происшествия, а обыск или выемка, производство которых до возбуждения уголовного дела не допускается. Судебная практика по разрешению таких жалоб неоднозначна, что в значительной степени обусловлено отсутствием в законе

четких критериев разграничения рассматриваемых следственных действий» [3, с. 128]. Такие правовые конфликты возникают чаще всего в ситуациях, когда именно после изъятия искомого можно будет принять решение о возбуждении уголовного дела.

А.И. Ротар подчеркивает, что «основной чертой, отличающей обыск и выемку от осмотра места происшествия и осмотра жилища помещения, является их принудительный характер» [12, с. 91]. А.С. Оловянникова и М.И. Клевцов также отмечают важную особенность: «при проведении выемки практически не применяется форма специальной операции, в то время как для обыска она является типичным явлением: различные структурные подразделения правоохранительных органов действуют совместно, координируя свою деятельность» [5, с. 25].

Таким образом, обыск и выемка направлены на проверку и получение доказательств (прежде всего, вещественных) по уголовному делу, обладают принудительным и неотложным характером, имеют своей целью изъятие и схожи в порядке их производства. Вместе с тем, как уже было отмечено ранее, они являются самостоятельными и различными следственными действиями. Так, ключевое различие между обыском и выемкой заключается в степени достоверности информации о локации интересующих следователя объектов. Кроме того, обыск требует более тщательного следственного планирования и подготовки.

Особый интерес представляют правовые аспекты обыска и выемки в зарубежных странах. Так, например, в Бельгии обыски могут проводиться как в общественных местах, так и на частной территории. При этом, обыск и выемка в общественных местах не требуют решения суда. Что касается обыска на частной территории, то он требует обязательного приказа следственного судьи, за исключением случаев, когда лицо было задержано на месте преступления. Если обыскиваемое лицо обладает профессиональной тайной, то нельзя обойтись без личного присутствия следственного судьи. Также, при производстве обыска, перечень искомого может быть расширен, если очевидно совершение и других преступлений, наряду с расследуемым. Важно отметить, что при обыске не допускается изъятие, которые охраняются лицом, в связи сохранением им профессиональной тайны [2, с. 77].

В праве Соединенных Штатов Америки имеет место предварительный обыск, который понимается как внешний осмотр одежды подозреваемого, а также, осмотр территории, которая находится под его контролем. Любое лицо, которое ведет себя подозрительно, по мнению сотрудника полиции, может быть задержано и подвержено предварительному обыску, который не требует весомых оснований. В случае, если необходимо производство обыска жилища, обязательно получение на это ордера судьи. При нарушении установленных правил, доказательства, полученные в ходе производства обыска, признаются недопустимыми, аналогично российскому законодательству [2, с. 77].

Таким образом, при производстве обыска и выемки в зарубежных странах возникают проблемы, схожие с теми, что существуют в ходе уголовного судопроизводства Российской Федерации.

Далее детально рассмотрим соотношение обыска и следственного осмотра.

По мнению С.Ю. Чуракова следственный осмотр «является средством собирания фактических данных о характере произошедшего события и его участниках, которые при проведении других следственных действий не могут быть получены» [16, с. 294].

Следователь при проведении осмотра может только выдвигать гипотезы относительно того, какие именно доказательства будут найдены в процессе данного процессуального мероприятия, опираясь при этом на имеющуюся информацию о криминальном событии, собственную практику и профессиональные знания. Это существенно отличает его от обыска и выемки, когда должностное лицо располагает конкретными данными о разыскиваемых объектах. Процедура же осмотра, регламентированная ч. 2 ст. 176 УПК РФ, призвана способствовать выявлению криминалистически значимых следов и установлению иных фактов, существенных для расследования уголовного дела.

И при обыске, и при осмотре ключевым способом получения информации выступает наблюдение, что подтверждается положениями ст. 177 УПК РФ. Объединяет их и общая цель – обнаружение материальных объектов, которые потенциально могут иметь значение для расследования уголовного дела.

Выбирая между проведением того или иного процессуального действия, следователь прежде всего обязан оценить, существует ли риск утаивания объектов, представляющих для него интерес. Помимо этого, важно учитывать задачу, которую призвано решить планируемое мероприятие. Следственный осмотр и обыск характеризуются применением принуждения. Однако степень принудительности у них различна: обыск назначается при наличии угрозы того, что разыскиваемые вещественные доказательства могут быть сокрыты, тогда как следственный осмотр предполагает меньший уровень принудительного воздействия, что позволяет осуществлять его на стадии, предшествующей возбуждению дела, согласно положениям ч. 2 ст. 176 УПК РФ.

Если для производства обыска следователю необходимо вынести постановление о его производстве, то при осмотре (за исключением осмотра жилища в случае несогласия лиц, проживающих в нем) оно не требуется. Не требуется и судебное решение в случае, если осмотр проводится вне жилого помещения.

Как и при производстве обыска, при следственном осмотре необходимо участие понятых. Вместе с тем, уголовно - процессуальный закон допускает при осмотре замену понятых на видеосъемку, что недопустимо при обыске. При этом, п. 9.1 ст. 186 УПК РФ устанавливает обязательное участии специалиста при изъятии электронных носителей информации, чего также нет при осмотре.

Таким образом, в обоих случаях в качестве основного метода обыска и осмотра выступает наблюдение. Оба следственных действия направлены, как правило, на

получение доказательств по уголовном делу. Однако, если при планировании обыска следователь имеет представление об искомом, то в случае с осмотром он может только предполагать, что именно может быть обнаружено. Помимо этого, производство осмотра разрешено и до возбуждения уголовного дела; не требуется ни постановление о его производстве, ни судебное решение (если осмотр производится не в жилом помещении). Понятые при осмотре могут быть заменены на видеосъемку. Не обязательно и участие специалиста при осмотре электронных носителей.

Подводя итог, обыск имеет как общие, так и отличительные признаки, позволяющие отграничить его от других следственных действий. В связи с этим, представляется недопустимой подмена обыска иными следственными действиями, поскольку это сужает сферу применения обыска как легитимного способа получения доказательств.

Для того чтобы понимать реальную ситуацию исследуемого вопроса, обратимся к судебной практике. Рассмотрим уголовное дело по статье 286 УК РФ (превышение должностных полномочий), где обвинение было предъявлено сотруднику полиции в том, что он превысил полномочия, подменив осмотр обыском. Так, «*Подсудимый в период с 09 часов 30 минут до 18 часов 00 минут 07.04.2015 в ходе производства осмотра кабинетов организации юридического лица, явно выходя за пределы предоставленных ему полномочий и в нарушение ст. 164, 165, 177 УПК РФ стал производить обыскные и поисковые мероприятия, осуществляя проникновение в недоступные для общего обозрения хранилища шкафов, ящиков столов, сейфов, а также производил вскрытие запорных устройств дверей, осматриваемых кабинетов организации. Кроме того, убедившись в том, что помещения кабинета юридического отдела, кабинета директора и серверной юридического лица заперты, и получив отказ от представителей организации добровольно обеспечить доступ в запертые помещения, действуя умышленно, достоверно зная, что основания в ходе осмотра помещения для проникновения в запертые помещения у него отсутствуют, принял решение о проникновении в указанные кабинеты путём повреждения запорных устройств дверей. В результате преступных действий подсудимого были нарушены положения статей 164, 165, 182 УПК РФ, так как он фактически подменил осмотр места происшествия на обыскные мероприятия, тем самым дискредитировал авторитет правоохранительных органов, как системы органов исполнительной власти, призванных соблюдать законность, защищать права и свободы граждан, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств» [9].*

Следовательно, полномочия на целенаправленный поиск вещественных доказательств и принудительное вскрытие запертых помещений отсутствовали у полицейского в ходе проведения осмотра места происшествия. Однако остается неразрешенной проблема, не получившая четкого ответа ни в законодательных нормах, ни в практике судебных органов, ни в научных правовых исследованиях: каковы границы между «я осматриваю» и «я ищу следы деяния»?

Сотрудник полиции в итоге избежал уголовной ответственности. Верховный Суд Российской Федерации в апелляционном определении от 17 января 2017 года, рассматривая жалобу, где центральным аргументом выступала ссылка суда на доказательства, добытые при осмотре дома и признанные недопустимыми, однозначно постановил: «принудительное открытие крышки подполья, сопровождающееся распилом полов для более удобного извлечения оттуда содержимого, не противоречит нормам статьи 177 УПК РФ о порядке производства осмотра и обыском не является» [9].

В другом уголовном деле имеется протокол осмотра места происшествия, в котором зафиксировано, что «была обнаружена сумка - холодильник с находящимся внутри металлическим сейфом, в котором находились два пакета из полимерного материала с порошкообразным веществом» [10]. Обвиняемый получил оправдательный приговор. Суд признал недопустимыми протокол осмотра места происшествия и доказательства, вытекающие из него, поскольку они были получены с нарушением норм уголовно - процессуального законодательства. Судебная инстанция пришла к заключению, что в действительности следователи провели обыск, а не осмотр места происшествия. Доступ к содержимому сейфа правоохранительные органы получили, открыв его ключом, который непосредственно перед этим был изъят у задержанного. Однако апелляционным определением от 22 июня 2016 года данное решение было отменено, и Ленинградский областной суд отправил уголовное дело на новое судебное разбирательство, согласившись с доводом государственного обвинителя: «Осмотр произведен в соответствии с требованиями ст. 177 УПК РФ. Оснований для признания данного доказательства недопустимым, в соответствии с требованиями ст. 75 УПК РФ, у суда не имелось» [1]. Собственно, такая формулировка стала стандартным ответом на подмену одного.

Итак, судебная практика показывает, что разграничение осмотра и обыска остается нерешенной проблемой: суды либо признают доказательства недопустимыми, либо, напротив, отменяют такие решения, ссылаясь на формальное соответствие проведенного действия ст. 177 УПК РФ. При этом, как показал анализ приведенных примеров, подмена осмотра обыском – не единственная форма обхода установленных законом процедур. Еще более проблемной выглядит ситуация, когда для получения значимой информации используется не следственное действие, а оперативно - розыскное мероприятие – обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, предусмотренное п. 8 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно - розыскной деятельности». В отличие от обыска, такое обследование не требует судебного решения, не оформляется протоколом следственного действия и не связано с процессуальными гарантиями прав граждан. Именно поэтому в тех случаях, когда уголовное дело еще не возбуждено, а потребность в поиске доказательств уже возникла, правоприменитель все чаще предпочитает именно этот путь – в обход как осмотра, так и обыска.

Дальнейшее совершенствование института следственных действий должно идти по пути законодательного закрепления четких критериев разграничения обыска, выемки и осмотра, устраняющих существующую правовую неопределенность. Это предполагает: во - первых, нормативное закрепление в ст. 176 УПК РФ основания производства осмотра, позволяющего отграничить его от обыска по степени определенности информации об искомом; во - вторых, установление в ч. 5 ст. 165 УПК РФ обязательного последующего судебного контроля за действиями, ограничивающими конституционные права граждан сверх объема, предусмотренного ст. 177 УПК РФ; в - третьих, закрепление в ч. 1 ст. 144 УПК РФ исчерпывающего перечня процессуальных действий, допустимых до возбуждения уголовного дела, с исключением из него всех принудительных поисковых действий. Именно такой путь – от доктринальной неопределенности к законодательной формализации – обеспечит реальные процессуальные гарантии и исключит возможность подмены следственных действий иными формами получения доказательственной информации.

Список использованных источников:

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского областного суда от 22 июня 2016 года по делу № 22 - 1175 / 2016 // Ленинградский областной суд: [официальный сайт]. – URL: https: // actofact.ru / case - 47OS0000 - 22 - 1175 - 2016 - 2016 - 05 - 10 - 2 - 1 / (дата обращения: 15.09.2026).

2. Бутенко, О.В. Правовые аспекты обыска и выемки в зарубежных странах / О.В. Бутенко // Вестник науки и образования. – 2017. – № 6 (30). – С. 75 - 79.

3. Карагодин, В.Н. Осмотр места происшествия, обыск или выемка? / В.Н. Карагодин // Российский юридический журнал. – 2012. – № 5. – С. 128 - 132.

4. Костюк, А.В. Выемка как процессуальное действие в уголовном судопроизводстве / А.В. Костюк // Гуманитарные, социально - экономические и общественные науки. – 2020. – № 4. – С. 112 - 115.

5. Оловянникова, А.С. Некоторые вопросы проведения обыска и выемки / А.С. Оловянникова, М.И. Клевцов // Международный научно - исследовательский журнал. – 2021. – № 11 (113). – С. 24 - 26.

6. О полиции: Федеральный закон Российской Федерации от 07 февраля 2011 № 3 - ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

7. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01 июня 2017 № 19 // Российская газета. – 2017. – № 125.

8. Об оперативно - розыскной деятельности: Федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 № 144 - ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

9. Решение по уголовному делу № 1 - 17 / 2017 (1 - 527 / 2016) // Советский районный суд г. Омска: [официальный сайт]. – URL: https: // sovetsky - - oms.sudrf.ru / modules.php?name=sud _ delo&srv _ num=1&name _ op=doc&number=153641638&delo _ id=1540006&new=0&text _ number=1 (дата обращения: 15.09.2026).

10. Решение по уголовному делу № 22 - 1175 / 2016 // Ленинградский областной суд: [официальный сайт]. – URL: https: // actofact.ru / case - 47OS0000 - 22 - 1175 - 2016 - 2016 - 05 - 10 - 2 - 1 / (дата обращения: 15.09.2026).

11. Россинский, С.Б. Размышления о сущности выемки как объекта уголовно - процессуального регулирования / С.Б. Россинский // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 1. – С. 42 - 45.

12. Ротар, А.И. Обыск и выемка как виды следственных действий / А.И. Ротар // Советник юриста. – 2016. – № 4. – С. 37 - 42.

13. Ротар, А.И. Обыск и выемка: сравнительно - правовой анализ норм УПК РФ / А.И. Ротар // Вестник Северо - Восточного государственного университета. – 2016. – № 25. – С. 91–94.

14. Уголовно - процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174 - ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (часть I). – Ст. 4921.

15. Хаметова, А.Р. Актуальные вопросы производства обыска и выемки / А.Р. Хаметова // Юридическая наука. – 2022. – № 3. – С. 101 - 106.

16. Чураков, С.Ю. Сравнение процессуальной регламентации осмотра и обыска / С.Ю. Чураков // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – № 4. – С. 293 - 295.

© Беликова Я.С., 2026

Гераськин А.В.
магистрант 1 курса СибЮУ,
г. Омск, РФ
Научный руководитель:
Тимошенко С.Е.,
доцент кафедры, кандидат юридических наук,
доцент СибЮУ, г. Омск, РФ

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Аннотация: Рассматриваются проблемные вопросы производства неотложных следственных действий в исправительных учреждениях. Выявлены факторы, осложняющие процесс: закрытый характер территории, противодействие

криминальной субкультуры, отдалённость от следственных органов. Проанализированы типичные нарушения: подмена следственных действий режимными мероприятиями, нарушение процедуры привлечения понятых, недостаточное применение технических средств фиксации, нарушение права на защиту. Обоснована необходимость закрепления процессуального статуса сотрудника УИС и разработки методических рекомендаций.

Ключевые слова: неотложные следственные действия, исправительные учреждения, уголовно - исполнительная система, орган дознания, доказательства, процессуальный статус, пенитенциарные преступления.

Введение

Институт неотложных следственных действий (далее - НСД) - ключевой механизм обнаружения и закрепления доказательств на начальном этапе расследования. В условиях исправительных учреждений (далее - ИУ) реализация данного института осложняется закрытым характером территории, концентрацией осуждённых, отдалённостью от следственных органов и противодействием со стороны криминальной субкультуры.

Отдельные аспекты темы затрагивались в трудах А. А. Крымова [7, с. 22 - 26], Е. Р. Пудакова [8, с. 12 - 14], Загорьян С. Г., Мисник И. В. [9, с. 198 - 204], однако комплексного анализа процессуальных, тактических и организационных проблем производства НСД в ИУ недостаточно. В том числе, данная тема затрагивается в трудах Дулуш С. Э. [3], но несмотря на это, цифровизация и изменение практики требуют нового осмысления проблемы.

Сохраняются дискуссии о перечне применимых действий, допустимости подмены следственных действий режимными мероприятиями, гарантиях прав подозреваемых из числа спецконтингента.

Цель исследования - выявить и систематизировать проблемные вопросы производства НСД в пенитенциарных учреждениях, определить их причины и предложить направления совершенствования правового обеспечения.

Методы: анализ нормативных актов (УПК РФ, УИК РФ), изучение научной литературы, контент - анализ опубликованных данных о практике расследования пенитенциарных преступлений, синтез и обобщение результатов. Эмпирическая база - 136 уголовных дел из архивов СК РФ и органов дознания УИС по Сибирскому ФО: Омская, Новосибирская, Кемеровская, Томская области, Красноярский и Алтайский края; учреждения - колонии общего / строгого / особого режимов, СИЗО, воспитательные колонии, колонии - поселения.

Факторы, осложняющие производство НСД в исправительных учреждениях. Потребность в процессуальной деятельности сотрудников УИС возникает, когда следователь не может оперативно прибыть в учреждение, а промедление чревато утратой следов [3, с. 57].

К факторам, осложняющим производство НСД, относятся: закрытость ИУ и ограниченность доступа посторонних лиц; компактное размещение большого числа осуждённых; отдалённость учреждений от следственных органов; осведомлённость

осуждённых о процессуальном порядке расследования; противодействие криминальной субкультуры, где сотрудничество со следствием нарушает неофициальные нормы [7, с. 24].

Типичные процессуальные и тактические проблемы

Анализ практики позволил выявить пять основных групп проблем.

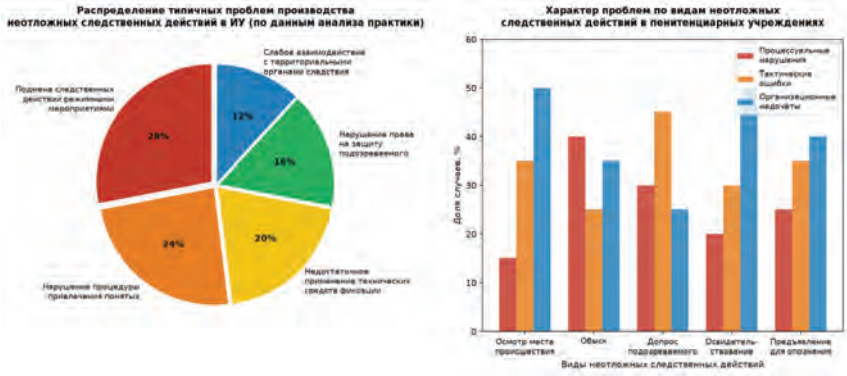

Рисунок 1 - Распределение типичных проблем производства НСД в пенитенциарных учреждениях (по обобщённым данным анализа практики)

1. Подмена следственных действий режимными или оперативно - розыскными мероприятиями. Сотрудники ИУ нередко проводят обыск как режимное мероприятие (ст. 82 УИК РФ), а не как следственное действие (ст. 182 УПК РФ). Принципиальное различие: при процессуальном обыске понятые наблюдают сам процесс поиска, а не приглашаются после обнаружения предметов [1, с. 75]. Аналогичная подмена происходит при допросе - вместо процессуального действия проводится неформальная «беседа», нередко с предварительным помещением осуждённого в ШИЗО, что приводит к признанию показаний недопустимыми [4, с. 141][7, с. 25].

2. В условиях исправительных учреждений (ИУ) при проведении процессуальных мероприятий привлечение понятых нередко целесообразно заменять видеофиксацией. Однако на практике данный подход сопровождается рядом типичных нарушений, которые можно разделить на две группы. Первая группа - нарушения хронологической последовательности и неполная фиксация ключевых этапов процессуального действия (вскрытие упаковки, изъятие предмета и т. п.). Данные ошибки, как правило, обусловлены дефицитом времени, отводимого на проведение фиксации, а также недостаточным уровнем профессиональной подготовки лица, осуществляющего видеозапись. Вторая группа - неохват значимых ракурсов, наличие «слепых зон» в кадре, отсутствие общего плана места проведения мероприятия. Указанные недостатки вызваны как отсутствием

специальных навыков и умений у фиксирующего лица, так и объективными ограничениями пространства на территории ИУ. Несмотря на причины возникновения, перечисленные нарушения противоречат требованиям ст. 166 и 170 УПК РФ и снижают доказательственную ценность полученных материалов.

3. Недостаточное применение технических средств фиксации. Закон (ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ) допускает компенсацию отсутствия понятых видеозаписью, однако на практике она часто фрагментарна или отсутствует [4, с. 142].

4. Нарушение права на защиту. Отдалённость учреждений и несвоевременное прибытие адвоката приводят к допросу без защитника, результаты которого признаются недопустимыми доказательствами[5, с. 20].

5. Проблема взаимодействия с внешним следствием: следователи плохо знают специфику ИУ (режим, порядок вывода осуждённых), а сотрудники УИС несвоевременно передают оперативную информацию и нередко подменяют процессуальные действия собственными «отработками». Из-за этого теряются следы, материалы признают непроцессуальными, а преступления остаются нераскрытыми [6, с. 169–170]

Как отмечает Е. Р. Пудаков, уголовно - процессуальная деятельность УИС фактически сведена к регистрации сообщений, производству НСД и выполнению ОРМ, тогда как дознание как таковое в пенитенциарной системе отсутствует. Сотрудники, знающие специфику пенитенциарной преступности, не имеют достаточного опыта процессуальных действий, а методическое обеспечение не разработано [4, с. 142].

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во - первых, наиболее распространёнными проблемами являются подмена следственных действий режимными мероприятиями, нарушение процедуры привлечения понятых, недостаточное применение технических средств фиксации, нарушение права на защиту и слабое взаимодействие со следственными органами. Каждая из них способна привести к признанию доказательств недопустимыми.

Во - вторых, ключевая причина - отсутствие чёткого процессуального статуса сотрудника УИС, фактически производящего НСД, и недостаточное методическое обеспечение.

Предлагаются следующие направления совершенствования: 1) нормативное закрепление процессуального статуса сотрудника УИС, производящего НСД; 2) разработка методических рекомендаций по производству НСД в условиях ИУ; 3) расширение применения технических средств фиксации для компенсации отсутствия понятых; 4) совершенствование взаимодействия между следователями и оперативными сотрудниками ИУ через создание постоянных следственно - оперативных групп.

Результаты исследования могут быть применены в нормотворческой деятельности, практической работе УИС и учебном процессе.

Список литературы

1. Аверкин С. Д. Особенности реализации норм уголовно - процессуального законодательства при проведении обыска - следственного действия в исправительном учреждении // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. - 2020. - С. 74–78.
2. Аверкин С. Д. Факторы, влияющие на расследование пенитенциарных преступлений // Вопросы современной науки и практики. - 2020. - № 2 (3). - С. 2–7.
3. Дулуш С. Э. Производство неотложных следственных действий сотрудниками оперативных подразделений уголовно - исполнительной системы: дис. канд. юрид. наук. - Томск, 2019.
4. Ивенский А. И., Отрощенко К. Д. О производстве неотложных следственных действий в условиях учреждений, осуществляющих изоляцию от общества // Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. - 2022. - Вып. 10. - С. 140–143.
5. Казаринова Л. В. Обеспечение безопасности осужденных при производстве неотложных следственных действий в ходе расследования преступлений, совершенных в исправительных учреждениях УИС // Ведомости уголовно - исполнительной системы. - 2014. - № 2. - С. 19–22.
6. Ковалев О. Г., Щербаков Н. А. Процессуальные и оперативно - розыскные аспекты расследования преступлений в исправительных учреждениях // Столыпинский вестник. - 2021. - Т. 3, № 2. - С. 167–173.
7. Крымов А. А. Уголовно - процессуальная деятельность органов и учреждений УИС России // Вестник Кузбасского института. - 2019. - № 1 (19). - С. 22–26.
8. Пудаков Е. Р. Уголовно - процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно - исполнительной системы России: автореф. дис. канд. юрид. наук. — Владимир, 2008. — 21 с.
9. Загорьян С. Г., Мисник И. В. Неотложные следственные действия: проблемы теории и практики // Вестник Восточно - Сибирского института МВД России. 2024. № 1. С. 196–208.

© Гераськин А. В., 2026

Дембовский С.П.
Студент
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
Минск, Республика Беларусь

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация

В статье изучен правовой статус общего собрания акционерных обществ в Беларуси. Рассмотрены вопросы его исключительной и гибкой компетенции. Автор

анализирует юридическую природу решений собрания, проблемы их оспаривания и предлагает пути внедрения цифровых технологий.

Ключевые слова

Акционерное общество, общее собрание, корпоративное управление, компетенция органов, цифровизация решений

Организация эффективной системы корпоративного управления в акционерном обществе выступает ключевым условием обеспечения баланса интересов всех участников гражданского оборота [1, с. 200]. Акционерное общество как классическое капиталистическое объединение капиталов требует создания специализированных органов, уполномоченных формировать и выражать волю юридического лица вовне, поскольку его участники полностью освобождены от обязанности личного непосредственного ведения бизнеса. Высшим коллегиальным волеобразующим органом согласно ч. 2 ст. 33 Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» от 9 декабря 1992 г. N 2020 - XII (далее – Закон о хозяйственных обществах) признается общее собрание акционеров, чья главная цель заключается в легитимации стратегических векторов развития корпорации и превентивном контроле работы исполнительного руководства [2, с. 3].

Согласно ст. 34 Закона о хозяйственных обществах, общее собрание наделяется исключительной компетенцией, к которой относятся важные вопросы жизни корпорации, включая изменение устава, определение размера уставного фонда, утверждение годовых отчетов, распределение прибыли, а также принятие решений о реорганизации или ликвидации общества. Особенность правового режима исключительной компетенции согласно ч. 3 этой же статьи заключается в том, что данные вопросы ни при каких условиях не могут быть переданы на решение директору или наблюдательному совету (совету директоров), причем даже если само собрание добровольно решит делегировать часть своих полномочий менеджменту, такое диспозитивное решение будет признано ничтожным. Жесткое закрепление уставных полномочий в законе выступает важнейшей гарантией защиты прав миноритарных акционеров и внешних кредиторов от неконтролируемого изменения капитала со стороны исполнительных органов, что коренным образом отличает континентальный подход от более гибкой англо - американской модели, где совет директоров часто наделен правом самостоятельно менять размер капитала без согласия акционеров, ущемляя интересы мелких вкладчиков.

Вместе с тем белорусский законодатель не ограничивается исключительно императивным методом регулирования компетенции органов управления хозяйственного общества. Логическим продолжением и проявлением диспозитивных начал в корпоративном праве выступает ст. 35 Закона о хозяйственных обществах. В отличие от жестко фиксированных рамок ст. 34, рассматриваемая норма закрепляет так называемую передаваемую компетенцию высшего органа управления.

Анализ положений ст. 35 позволяет утверждать, что перечень закрепленных в ней вопросов (в частности, определение условий оплаты труда членов исполнительных органов, утверждение оценки неденежных вкладов, принятие

решений о предоставлении безвозмездной помощи) по общему правилу относится к ведению общего собрания, однако «не носит характера абсолютного запрета». Законодатель прямо предусматривает правовую возможность делегирования данных полномочий совету директоров (наблюдательному совету) либо исполнительному органу общества при условии соответствующего закрепления в уставе.

Подобная правовая конструкция гибкой компетенции выполняет важную экономическую функцию – она позволяет оптимизировать хозяйственную деятельность в крупных акционерных обществах. Передача менее значимых (по сравнению со ст. 34) вопросов на уровень совета директоров минимизирует транзакционные издержки и исключает необходимость созыва дорогостоящих внеочередных общих собраний, что в полной мере отвечает потребностям современного гражданского оборота. Дуализм ст. 34 и 35 Закона о хозяйственных обществах отражает необходимый баланс между императивной защитой прав участников (через незыблемость исключительной компетенции) и диспозитивной свободой адаптации структуры управления под конкретные бизнес - модели

Таким образом, правовое регулирование общего собрания в Республике Беларусь успешно сочетает императивную защиту миноритариев с диспозитивной гибкостью его компетенции. Однако для повышения стабильности оборота требуется законодательное внедрение систем цифрового голосования на базе блокчейна, что позволит минимизировать процедурные фальсификации и модернизировать волеобразующие процессы.

Список использованной литературы:

1. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. – М.: Статут, 2014. – 456 с.

2. Телешинин А. А. Решение общего собрания участников хозяйственных обществ в российском праве: автореф. дис.... канд. юрид. наук: 5.1.3. – М., 2023. – 33 с.

© Дембовский С.П., 2026

Кожевников А.К.
юрист юридической компании «Не призовут!»
г. Челябинск, РФ

ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ЕДИНЫХ ПУНКТОВ ПРИЗЫВА В ГОРОДАХ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА МОСКВЫ): ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПРИЗЫВНИКОВ

Аннотация

В статье рассматривается проблема отсутствия специализированного нормативно - правового регулирования деятельности единых пунктов призыва

(ЕПП), созданного в г. Москва в рамках распоряжения Мэра Москвы от 06.03.2024 № 103 - РМ. Анализируется правовой статус ЕПП, выявляются пробелы в законодательстве, порождающие произвольное применение мер призывного характера. На основе судебной практики и докладов правозащитных организаций обосновывается необходимость принятия специализированного нормативного правового акта, устанавливающего процедурные гарантии для призывников.

Ключевые слова

Воинская обязанность, призыв на военную службу, единый пункт призыва, призывная комиссия, правовая неопределенность, обжалование, прокурорский надзор.

Kozhevnikov A.K.
Lawyer at the law firm "Ne prizovut!"
Chelyabinsk, Russia

LEGAL UNCERTAINTY IN THE OPERATION OF UNIFIED DRAFT OFFICES IN CITIES OF FEDERAL SIGNIFICANCE (USING THE CITY OF MOSCOW AS AN EXAMPLE): PROBLEMS WITH REGULATORY FRAMEWORKS AND MECHANISMS FOR PROTECTING THE RIGHTS OF CONSCRIPTS

Annotation

This article examines the issue of the lack of specialized legal regulation governing the activities of the unified conscription centers established in Moscow pursuant to Moscow Mayor's Order No. 103 - RM dated March 6, 2024. It analyzes the legal status of these centers and identifies gaps in the legislation that lead to the arbitrary application of conscription measures. Based on case law and reports from human rights organizations, the article argues for the need to adopt a specialized regulatory legal act establishing procedural safeguards for conscripts.

Keywords

Military service, conscription, unified conscription office, draft board, legal uncertainty, appeal, prosecutorial oversight.

Реформирование системы призыва на военную службу в России в 2023–2025 годах сопровождалось созданием принципиально новых организационных структур – единых пунктов призыва (ЕПП), призванных обеспечить «одно окно» для прохождения всех призывных процедур. В Москве такой пункт был создан на основании распоряжения Мэра Москвы от 06.03.2024 № 103 - РМ «Об объединенной муниципальной призывной комиссии города Москвы» [8]. С 1 апреля 2024 года ЕПП начал работу по адресу: улица Яблочкова, дом 5, строение 5. Тем не менее, создание ЕПП породило парадоксальную правовую ситуацию: новый орган, наделенный существенными властными полномочиями в сфере реализации конституционной обязанности по защите Отечества, оказался

фактически вне системы специализированного нормативного регулирования. Отдельный приказ, устав или иной нормативный правовой акт, регламентирующий внутреннюю процедуру деятельности ЕПП, порядок принятия решений, права и обязанности должностных лиц и призывников, до настоящего времени не принят.

Федеральный закон от 28 марта 1998 года № 53 - ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» является основным нормативным правовым актом, регулирующим призывные правоотношения. В соответствии с ч. 7 ст. 28 указанного закона «решение призывной комиссии может быть обжаловано гражданином в призывную комиссию соответствующего субъекта РФ или в суд» [7]. Постановление Правительства РФ от 11.11.2006 № 663 утверждает Положение о призыве на военную службу [10]. Постановление Правительства РФ от 04.07.2013 № 565 утверждает Положения о военно - врачебной экспертизе [9]. Вместе с тем ни Федеральный закон, ни Постановления, ни иные федеральные акты не содержат норм, регулирующих статус и деятельность ЕПП как самостоятельного организационного образования. Распоряжение Мэра Москвы № 103 - РМ, являясь актом регионального уровня, устанавливает лишь общие рамки создания объединенной муниципальной призывной комиссии, но не определяет процедурные аспекты функционирования ЕПП.

Проведенный анализ показывает, что деятельность ЕПП регулируется фрагментарно. Распоряжение № 103 - РМ определяет состав объединенной муниципальной призывной комиссии и общие принципы ее работы, но не содержит положений, касающихся: порядка допуска призывников и их законных представителей на территорию ЕПП; правил видео - и аудиофиксации призывных мероприятий; процедуры обжалования действий сотрудников ЕПП в досудебном порядке; сроков и порядка рассмотрения обращений призывников должностными лицами ЕПП; ответственности должностных лиц ЕПП за нарушения прав призывников. Отсутствие указанных норм создает ситуацию правовой неопределенности, при которой должностные лица ЕПП действуют по собственному усмотрению, не связанному конкретными процедурными требованиями.

Доклад Правозащитного совета Санкт - Петербурга за 2024 год содержит прямое указание на то, что в ЕПП Москвы «у призывников и их близких нет никаких возможностей даже фиксировать нарушения (запрет на использование любой записывающей техники, запрет на доступ доверенных лиц и законных представителей на территорию единого пункта призыва)» [4]. Аналогичные ограничения, по данным доклада, вводятся и в других субъектах РФ, что свидетельствует о формировании устойчивой негативной практики, распространяющейся за пределы Москвы. Показательно, что попытки обжалования указанных нарушений в надзорных структурах – военной прокуратуре, командовании военным округом, военном комиссариате города «не приводят к принятию мер, обеспечивающих соблюдение законных прав граждан». Более того, надзорные органы все чаще прибегают к формулировкам о том, что

требования граждан являются «злоупотреблением правом» и «прямо не предусмотрены действующим законодательством». Такая позиция, как справедливо отмечается в докладе, «создает у должностных лиц ощущение полной безнаказанности, что порождает следующие более серьезные нарушения закона».

Анализ судебных практики показывает, что призывники активно используют право на судебное обжалование решений, принятых с участием ЕПП. Так, в деле № 2а - 258 / 2025, рассмотренном Головинским районным судом г. Москвы, административный истец оспаривал действия начальника Единого центра призыва г. Москвы по выдаче повестки для отправки к месту прохождения военной службы и бездействие по непроведению повторного медицинского освидетельствования. Производство по делу было прекращено в связи с тем, что решением Объединенной муниципальной призывной комиссии г. Москвы от 04.04.2025 истец был освобожден от призыва [11].

В деле № 2а - 210 / 2025 Солнцевского районного суда г. Москвы призывник оспаривал решение Объединенной муниципальной призывной комиссии г. Москвы от 12.05.2025 о призыве на военную службу, а также вручение сотрудниками ЕПП повестки для отправки к месту прохождения службы. Заявитель ссылался на нарушение права на объективную оценку состояния здоровья [13].

В деле № 33а - 1631 / 2025 Московский городской суд рассматривал апелляционную жалобу на решение Кузьминского районного суда г. Москвы по иску А.А. Бирюкова к Объединенной муниципальной призывной комиссии г. Москвы, Единому пункту призыва г. Москвы о признании решения незаконным. Истец указывал, что решение о призыве принято неуполномоченным субъектом, а выданная повестка датирована периодом, когда решение призывной комиссии утрачивает силу. Суд апелляционной инстанции оставил решение суда первой инстанции без изменения [1].

Приведенная практика демонстрирует, что, несмотря на формальное наличие механизмов судебного обжалования, эффективность защиты прав призывников остается низкой. Суды зачастую отказывают в удовлетворении требований, ссылаясь на соответствие действий должностных лиц действующему законодательству, которое, однако, не содержит специализированных норм о ЕПП. Как отмечает НА. Архипов, в России на сегодняшний день действительно существуют правовые проблемы, связанные с призывом на военную службу [2, с. 91]. С данной проблемой так же согласны и И.В. Панова, А.В. Кузянов [12, с. 102].

Федеральным законом № 53 - ФЗ установлено, что решение о призыве, не исполненное в период проведения призыва, подлежит исполнению в следующие периоды осуществления призыва в течение одного года со дня его принятия. При этом закон предоставляет гражданину право сообщить в военный комиссариат об изменении обстоятельств, являющихся основанием для принятия иного решения. Однако, как справедливо отмечается в докладе Правозащитного совета, процедура отмены ранее принятого и действующего решения о призыве «никак не

регулируется, что создает неопределенность в статусе призывника: они призваны, но не отправлены, или они подлежат призыву, а значит, могут заново входить в призывные процедуры». Такая неопределенность «создает высокие риски нарушений прав граждан, вплоть до насильственной отправки, при любом посещении им военного комиссариата, сборного пункта или ЕПП».

Действующее законодательство предусматривает два основных механизма защиты прав призывников: судебное обжалование и прокурорский надзор. Судебное обжалование осуществляется в порядке, предусмотренном Кодексом административного судопроизводства РФ. Согласно ч. 1. ст. 218 КАС РФ, «гражданин вправе обратиться в суд с требованиями об оспаривании решений, действий (бездействия) органа государственной власти, органа местного самоуправления, иного органа, организации, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями» [6]. Решение призывной комиссии может быть обжаловано в призывную комиссию соответствующего субъекта РФ или в суд в течение трех месяцев со дня его принятия.

Прокурорский надзор осуществляется военной прокуратурой и прокуратурой субъекта РФ. Верховный Суд РФ в кассационном определении от 10.07.2024 № 45 - КАДПР24 - 4 - К7 рассмотрел заявление первого заместителя прокурора Свердловской области к призывной комиссии по мобилизации граждан о признании решения незаконным, что свидетельствует о потенциальной возможности прокурорского реагирования на нарушения в сфере призыва [5]. Вместе с тем, как показывает практика, эффективность прокурорского надзора в отношении ЕПП остается крайне низкой. Отсутствие специализированного нормативного правового акта, устанавливающего требования к деятельности ЕПП, фактически лишает прокуратуру возможности выявлять нарушения, поскольку проверка проводится на соответствие законодательству, которое не содержит соответствующих норм.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие ключевые выводы.

Во - первых, деятельность ЕПП в г. Москве осуществляется в условиях правовой неопределенности, обусловленной отсутствием специализированного нормативного правового акта, регулирующего их статус, процедуры и полномочия. Распоряжение Мэра Москвы № 103 - РМ, являясь актом регионального уровня, не восполняет указанный пробел.

Во - вторых, отсутствие процедурных норм создает условия для произвольного применения мер призывного характера, включая ограничение права на фиксацию нарушений, запрет доступа законных представителей и доверенных лиц, а также отказ в предоставлении копий оспариваемых решений.

В - третьих, существующие механизмы судебного и прокурорского реагирования демонстрируют низкую эффективность в условиях правовой неопределенности. Суды, рассматривая дела об оспаривании решений ЕПП, вынуждены оценивать действия должностных лиц на соответствие законодательству, которое не

содержит специализированных норм, что приводит к отказам в удовлетворении требований.

В - четвертых, неопределенность статуса призывника, в отношении которого принято решение о призыве, но не осуществлена отправка к месту службы, создает повышенные риски нарушения прав при любом взаимодействии с ЕПП.

Таким образом, правовая неопределенность в функционировании ЕПП представляет собой системную проблему, требующую законодательного разрешения. Представляется необходимым принятие специализированного нормативного правового акта – федерального закона или постановления Правительства РФ, устанавливающего:

1. Правовой статус ЕПП как организационных структур, обеспечивающих проведение призывных мероприятий;

2. Процедурные гарантии для призывников, включая право на видео - и аудиофиксацию, право на доступ законных представителей и доверенных лиц, право на получение копий принимаемых решений;

3. Сроки и порядок рассмотрения обращений и жалоб призывников должностными лицами ЕПП;

4. Ответственность должностных лиц ЕПП за нарушения прав призывников;

5. Механизм досудебного обжалования действий сотрудников ЕПП.

До принятия указанного нормативного правового акта эффективная защита прав призывников остается затруднительной, а практика функционирования ЕПП – потенциально конфликтогенной. Дальнейшее распространение московской модели на другие субъекты РФ, о котором сообщается в открытых источниках [3], без предварительного нормативного урегулирования способно привести к тиражированию выявленных нарушений в общероссийском масштабе.

Список использованной литературы:

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Московского городского суда по делу № 33а - 1631 / 2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // mos - gorsud.ru / mgs / services / cases / appeal - admin / details / d46de600 - f2b1 - 11ef - bdb5 - 8d4e56c6305d, свободный. – (дата обращения: 01.10.2026).

2. Архипов Н.А. Правовые проблемы призыва на военную службу в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14, № 9 - 1. С. 87 - 92.

3. Белоусов: 47 регионов РФ хотят перенять опыт Москвы по Единому центру призыва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // tass.ru / armiya - i - opk / 27028885?utm _ referrer=https % 3a % 2f % 2fyandex.ru % 2f, свободный. – (дата обращения: 01.10.2026).

4. Доклад о положении дел с правами человека в Санкт - Петербурге в 2024 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // hrcspb.org / wp - content / uploads / 2025 / 12 / Doklad _ Pravozashhitnogo _ Soveta _ 2024.pdf#40 % 2322, свободный. – (дата обращения: 01.10.2026).

5. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.07.2024 № 45 - КАДПР24 - 4 - К7. Доступ из справ. - правовой системы «Консультант - Плюс».Источник: https: //

www.consultant.ru / cons / cgi / online.cgi?req=doc&base=ARB& n=820435# MGatlWVw3YInV0Uv

6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федер. закон [принят Гос. Думой 20. 02.2015] // Собрание законодательств РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

7. О воинской обязанности и военной службе: Федер. закон [принят Гос. Думой 6. 03.1998] // Собрание законодательств РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

8. Об объединенной муниципальной призывной комиссии города Москвы: Распоряжение Мэра Москвы от 06.03.2024 № 103 - РМ // Доступ из официального сайта Мэра Москвы.Источник: https: // www.mos.ru / drbez / documents / normativno - pravovye - akty / view / 302192220 /

9. Об утверждении Положения о военно - врачебной экспертизе: постановление Правительства Рос. Федерации от 04.07.2013 № 565 // Собрание законодательств РФ. 2013. № 28. Ст. 3831.

10. Об утверждении Положения о призыве на военную службу граждан Российской Федерации: постановление Правительства Рос. Федерации от 11.11.2006 № 663 // Собрание законодательств РФ. 2006. № 47. Ст. 4894.

11. Определение Головинского районного суда г. Москвы по Делу № 02а - 0258 / 2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // mos - gorsud.ru / rs / golovinskij / services / cases / kas / details / c546d341 - 0e49 - 11f0 - 8964 - d761577f65c0, свободный. – (дата обращения: 01.10.2026).

12. Панова И.В., Кузянов А.В. Актуальные вопросы призыва граждан на военную службу в Российской Федерации // Государство и право. 2015. № 1. С. 98 - 102.

13. Решение Солнцевского районного суда г. Москвы по делу № 2а - 210 / 2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // mos - gorsud.ru / rs / solncevskij / services / cases / kas / details / c1595c71 - 50e4 - 11f0 - 82db - 31a7248adbdf, свободный. – (дата обращения: 01.10.2026).

© Кожевников А.К., 2026

Курманова А.Р.
ЧОУ ВО «Сибирский юридический университет»
г. Омск, Россия

ОЦЕНКА РАСХОЖДЕНИЙ МЕЖДУ ПРОТОКОЛОМ И АУДИОЗАПИСЬЮ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ОТМЕНЫ ИЛИ ИЗМЕНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Аннотация.

В статье исследуется проблема расхождений между письменным протоколом и аудиозаписью судебного заседания как инструмента при выявлении оснований отмены или изменений приговора. Анализируется судебная практика, выявляются критерии существенности таких расхождений. Обосновывается вывод о том, что не

любое несоответствие влечет отмену приговора, а лишь то, которое свидетельствует о нарушении прав участников процесса или искажении фактических обстоятельств дела.

Ключевые слова: протокол судебного заседания, аудиопротоколирование, расхождения, отмена приговора, существенное нарушение, замечания на протокол, уголовный процесс.

С 1 сентября 2019 года в уголовном судопроизводстве РФ введено обязательное аудиопротоколирование судебных заседаний. Законодатель возлагал на аудиозапись вспомогательную роль — обеспечить точность и полноту письменного протокола. Однако на практике всё чаще возникают ситуации, когда письменный протокол и аудиозапись существенно расходятся. Возникает вопрос: влечет ли такое расхождение отмену приговора? Актуальность темы обусловлена необходимостью выработки четких критериев разграничения существенных и несущественных расхождений, что имеет практическое значение для защиты прав участников процесса и обеспечения законности судебных решений.

Согласно ст. 259 УПК РФ, в ходе судебного заседания составляется протокол в письменной форме и ведется протоколирование с использованием средств аудиозаписи. Однако, закон не требует полного (дословного) соответствия протокола судебного заседания его аудиозаписи. [2] Письменный протокол — это основной процессуальный документ, а аудиозапись выполняет вспомогательную функцию: она позволяет восстановить фактическое содержание хода заседания в тех случаях, когда изложение в письменном протоколе было неполным.

Анализ судебной практики позволяет выделить существенные и несущественные расхождения, возникающие между письменным протоколом судебного заседания и аудиопротоколом.

Несущественные нарушения включают в себя неполноту стенографирования, неотражение в протоколе обязательных процедурных действий, вопросов и ответов участников процесса, которые фактически зафиксированы в аудиопротоколе. Согласно позиции Верховного суда РФ отсутствие в письменном тексте протокола судебного заседания указания на предоставленную возможность выступить в прениях сторон, при наличии такого указания, содержащегося в аудиозаписи к данному протоколу, что указывает на фактическую сторону реализации права подсудимого на защиту, не является тем основанием для отмены приговора.[3] Отличие в аудиозаписи и в письменном протоколе судебного заседания ряда вопросов, заданных эксперту и свидетелям, а также их ответы, не влияющие на доказанность вины и квалификацию действий лица, нельзя признать существенными нарушениями закона, повлиявшими на исход дела.[4]

Отсутствие в письменном протоколе указаний на фактически имевшие место оглашение показаний осужденного, неявившихся свидетелей и исследование доказательств, положенных в основу обвинительного приговора, не является существенным нарушением процессуального закона в связи с подтверждением

соответствия хода судебного разбирательства по делу требованиям закона аудиозаписью судебного заседания. [5]

При выявлении указанного рода расхождений, в случае если аудиозапись подтверждает фактическое отсутствие нарушений, оснований для отмены приговора нет.

Среди существенных расхождений можно выделить процессуальную фальсификацию, выражающуюся в отсутствии на аудиозаписи ключевых стадий процесса, ходатайств или возражений, фиктивно внесенных в текст. Так, судом апелляционной инстанции при проверке доводов осужденного о его неизвещении о дате рассмотрения дела в суде первой инстанции, были установлены расхождения в протоколе, в котором было отражена, высказанная им позиция о готовности к судебному заседанию и достаточности времени для подготовки, и аудиопротоколом, который таких заявлений осужденного не содержал, в связи с чем приговор был отменен. [6]

Также можно выделить материально - процессуальное искажение фактического объема исследованных судом доказательств, например, прямое противоречие между устной речью допрашиваемого лица на аудиозаписи и ее текстовой фиксацией, оглашение показаний, которое фактически не осуществлялось. Судом апелляционной инстанции из приговора суда первой инстанции было исключено указание на протокол очной ставки, приведенный в качестве доказательства виновности осужденных, т.к. согласно аудиопротоколу данный протокол очной ставки в судебном заседании исследован не был.[7]

Следующий случай можно отнести к обоим видам описанных существенных расхождений. Так, суд до удаления в совещательную комнату высказал свою позицию о виновности подсудимого, что было зафиксировано на аудиозаписи. Предрешив вопрос о виновности и квалификации действий подсудимого до удаления в совещательную комнату, суд в последующем, изложил данные выводы в приговоре, что являлось недопустимым. Письменный протокол не содержал сведений о разъяснении подсудимому последствий выбора особого порядка судебного разбирательства, хотя на аудиозаписи эти разъяснения были. Кроме того, согласно протоколу, подсудимый отказался от последнего слова, однако из аудиозаписи следовало, что он реализовал это право, указав на то, что не совершил бы преступление, если бы не выпил. Несмотря на это, суд при признании в качестве отягчающего наказание обстоятельства совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения, учел сказанное подсудимым в последнем слове. Выявленные судом кассационной инстанции существенные нарушения закона, явились основанием для отмены указанного приговора.[8]

Участники процесса вправе подать замечания на протокол и аудиозапись судебного заседания. Однако суды нередко их отклоняют, и тогда единственным способом защиты остается обжалование в вышестоящую инстанцию. Сам по себе факт расхождений между письменным протоколом и аудиозаписью не являются

основанием для отмены приговора, однако сопоставление данных аудиопротоколирования и письменного текста становится инструментом выявления процессуальных нарушений. Судебная практика исходит из того, что отмена возможна лишь тогда, когда расхождение свидетельствует о существенном нарушении прав участников процесса или искажении фактических обстоятельств дела, повлиявшем на исход дела. Для повышения гарантий законности судопроизводства целесообразно законодательно закрепить критерии существенности расхождений и обязательность сверки замечаний на протокол с аудиозаписью.

Список использованной литературы:

1. Уголовно - процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174 - ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

2. Апелляционное постановление Орловского областного суда № 22 - 701 / 2024 от 10.06.2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // sudact.ru / regular / doc / yoMhQIkgQ65x / (дата обращения: 26.09.2026).

3. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.11.2020 N 16 - УД20 - 10 - К4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // legalacts.ru / sud / opredelenie - sudebnoi - kollegii - po - ugolovnym - delam - verkhovnogo - suda - rossiiskoi - federatsii - ot - 24112020 - n - 16 - ud20 - 10 - k4 / (дата обращения: 26.09.2026).

4. Апелляционное постановление Челябинского областного суда № 10 - 2384 / 2025 от 22.05.2025 № 1 - 273 / 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // sudact.ru / regular / doc / ijTCyrR7ApJJ / (дата обращения: 26.09.2026).

5. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Северная Осетия – Алания № 22 - 1099 / 2025 22 - 47 / 2026 от 23.02.2026 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // sudact.ru / regular / doc / ZszgafIE7gQu / (дата обращения: 26.09.2026).

6. Апелляционное постановление Московского областного суда № 22 - 7237 / 2025 от 13.08.2025 № 4 / 8 - 24 / 2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // sudact.ru / regular / doc / xWk33a17zP6w / (дата обращения: 26.09.2026).

7. Апелляционное постановление Московского областного суда № 22 - 1155 / 2025 от 18.03.2025 № 1 - 640 / 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // sudact.ru / regular / doc / 3SsM6GwATOxs / (дата обращения: 26.09.2026).

8. Кассационное постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 27.01.2025 N 77 - 69 / 2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https: // www.consultant.ru / cons / cgi / online.cgi? req=doc& base=KSOJ009& n=79309#pIRVLWVQIFnAo57n (дата обращения: 26.09.2026).

© Курманова А.Р., 2026

Лемачко А. В.
Студентка 4 курса БрГУ им. А. С. Пушкина
г. Брест, Республика Беларусь
Научный руководитель: Заранка И. А.,
Старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
БрГУ им. А. С. Пушкина
г. Брест, Республика Беларусь

УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТА ВЫПОЛНЕНИЯ РУКОПИСИ НАМЕРЕННО ИЗМЕНЕННЫМ ПОЧЕРКОМ

Аннотация

В статье рассматриваются основные признаки намеренного изменения почерка как одного из способов маскировки личности лица, выполнившее рукописный текст. Анализируются наиболее распространённые способы искажения почерка, а также особенности их выявления при проведении судебно - почерковедческого исследования. Особое внимание уделяется снижению темпа письма, нарушению координации движений, изменению наклона, размера, разгона и связности почерка. Рассматривается значение устойчивых признаков почерка для последующей идентификации исполнителя.

Ключевые слова

Криминалистика, почерковедение, почерковедческая экспертиза, почерк, намеренное изменение почерка, маскировка почерка, идентификация, диагностические признаки.

Рукописные тексты и подписи относятся к числу объектов криминалистического исследования. Их значение обусловлено тем, что процесс письма связан с реализацией сформированного у человека письменно - двигательного навыка, в котором отражается совокупность индивидуальных особенностей выполнения письменных движений. Именно поэтому почерк обладает идентификационной ценностью и может использоваться для установления лица, выполнявшее рукопись или подписи [1].

Вместе с тем лицо, заинтересованное в сокрытии своей причастности к созданию документа, может сознательно изменить привычную манеру письма. Такое изменение в судебном почерковедении рассматривается как намеренное изменение почерка, то есть выполнение рукописи с установкой исказить собственный почерк в целях его маскировки [2].

Актуальность изучения данного вопроса обусловлена тем, что намеренное изменение почерка усложняет исследование эксперта. При этом полностью устранить индивидуальные особенности письменно - двигательного навыка, как правило, невозможно, поэтому в изменённой рукописи могут сохраняться признаки, имеющие идентификационное значение [3].

Почерк характеризуется индивидуальностью и динамической устойчивостью. Последняя проявляется в воспроизводимости признаков почерка в различных рукописях одного и того же лица при отсутствии обстоятельств, нарушающих процесс письма [2]. Именно это свойство имеет принципиальное значение при выявлении попытки маскировки.

В литературе намеренное изменение почерка рассматривается как разновидность изменений почерка, осуществляемых сознательно самим лицом. В отличие от естественных изменений, которые могут быть обусловлены возрастом, состоянием здоровья, необычными условиями письма, усталостью и другими факторами, намеренное изменение имеет определённую цель, а именно затруднить или сделать невозможной идентификацию лица [3].

К наиболее распространённым способам намеренного изменения почерка относятся:

- скорописная маскировка;
- изменение привычного наклона почерка;
- изменение размера и разгона букв;
- снижение степени выработанности почерка;
- уменьшение связности движений;
- выполнение рукописи непривычной рукой;
- написание букв по типу печатных знаков;
- подражание почерку другого лица [3].

Для криминалистического исследования важно учитывать, что указанные способы могут применяться как отдельно, так и одновременно. Например, лицо может одновременно изменить наклон почерка, уменьшить размер букв и замедлить темп письма.

Одним из наиболее значимых признаков необычности выполнения рукописи является снижение темпа письма. При попытке сознательно изменить привычную манеру письма человеку приходится контролировать движения, которые в обычных условиях выполняются автоматически. Это приводит к замедлению процесса письма, появлению пауз и нарушению плавности движений [3].

Другим характерным признаком является нарушение координации движений. Оно может проявляться в неустойчивости наклона букв, неодинаковой протяжённости элементов по вертикали и горизонтали, извилистости линий, отдельных изломах и других отклонениях от привычной манеры письма [3].

Особое значение имеет изменение наклона. Например, при наличии у лица устойчивого правого наклона оно может сознательно стремиться писать вертикально или с левым наклоном. Однако такое изменение обычно не является абсолютно последовательным, а именно в отдельных элементах или фрагментах рукописи может проявляться привычный наклон. Подобная непоследовательность может иметь диагностическое значение [3].

Также при маскировке изменяется размер письменных знаков. Лицо может намеренно увеличивать или уменьшать буквы по сравнению с обычным почерком.

При этом изменение размера нередко сопровождается изменением разгона и пропорций букв.

Характерным является и уменьшение связности почерка. При попытке контролировать отдельные движения человек чаще отрывает пишущий прибор от бумаги, вследствие чего количество безотрывных соединений между буквами может уменьшаться [3].

Следует отметить, что изменение отдельных признаков не должно автоматически рассматриваться как доказательство намеренной маскировки. Например, изменение темпа или наклона может быть связано не с желанием скрыть почерк, а с объективными условиями выполнения рукописи. В связи с этим признаки необходимо оценивать в совокупности.

Выявление факта намеренного изменения почерка является задачей судебно - почерковедческой экспертизы. При её решении эксперт исследует не отдельный признак, а совокупность признаков, характеризующих процесс выполнения рукописи [4].

На первом этапе проводится предварительное изучение исследуемого объекта и представленных сравнительных материалов. Определяются объём и характер рукописи, особенности её выполнения, наличие признаков необычности письма. Одновременно оценивается качество и сопоставимость образцов почерка.

Особое значение имеют свободные и экспериментальные образцы почерка. Сравнение исследуемой рукописи с образцами позволяет установить, какие особенности являются устойчивыми для предполагаемого лица, а какие могли возникнуть вследствие изменения условий или сознательной маскировки [2].

При исследовании изменённого почерка эксперт должен разграничивать две группы признаков: диагностические признаки, указывающие на необычность выполнения рукописи, и идентификационные признаки, позволяющие установить конкретного лица [3].

Такое разграничение имеет принципиальное значение. Сам по себе факт обнаружения замедленного темпа письма, изменения наклона или нарушения координации ещё не позволяет сделать вывод о личности исполнителя. Необходимо установить, каким образом эти признаки соотносятся с устойчивыми особенностями почерка предполагаемого лица.

Важную роль играет анализ тех фрагментов рукописи, в которых влияние маскировки проявилось в меньшей степени. Как отмечается в специальной литературе, при намеренном изменении почерка часть собственных признаков лица может сохраняться, поскольку полностью перестроить сформированный письменно - двигательный навык достаточно сложно [3].

Именно поэтому даже при наличии попытки маскировки эксперт может использовать сохранившиеся частные признаки почерка. Их значение определяется не изолированно, а с учётом совокупности совпадающих и различающихся признаков.

Выявление намеренного изменения почерка предполагает последовательное исследование его общих и частных признаков, установление характера их проявления и сопоставление полученных результатов с образцами почерка предполагаемого исполнителя.

Одной из основных проблем является необходимость разграничения намеренного изменения почерка и изменений, вызванных естественными либо ситуационными факторами.

Так, замедление темпа письма может наблюдаться при выполнении рукописи в непривычной позе, при физическом утомлении или в иных необычных условиях. Нарушение координации также не обязательно свидетельствует о попытке маскировки. Поэтому эксперт должен учитывать обстоятельства выполнения рукописи и имеющиеся материалы дела [3].

Кроме того, признаки намеренного изменения почерка могут быть сходны с признаками письма непривычной рукой или недостаточно сформированного почерка. Поэтому оценка одного или нескольких признаков без анализа всей системы почерковых особенностей может привести к ошибочному выводу [3].

Важное значение приобретает качество сравнительного материала. Если образцы существенно отличаются от исследуемой рукописи по условиям выполнения, времени создания, содержанию или другим существенным параметрам, возможности идентификационного исследования могут снижаться. Современные стандарты в области судебно - почерковедческой экспертизы отдельно выделяют понятие несопоставимости объектов, связанное с различием состояния письменно - двигательного функционально - динамического комплекса навыков пишущего лица [2].

Таким образом, намеренное изменение почерка представляет собой один из сложных объектов судебно - почерковедческого исследования. Его сущность заключается в сознательной попытке лица изменить привычные особенности письма с целью затруднить последующую идентификацию.

К основным признакам, которые могут свидетельствовать о намеренном изменении почерка, относятся снижение темпа письма, нарушение координации движений, изменение наклона, размера, разгона и связности письменных знаков, а также появление нехарактерных для лица вариантов выполнения отдельных элементов.

Однако ни один из указанных признаков сам по себе не является достаточным для вывода о наличии маскировки. Их необходимо оценивать в совокупности, принимая во внимание возможное воздействие естественных и ситуационных факторов.

Ключевое значение при исследовании изменённого почерка имеет разграничение диагностических и идентификационных признаков. Даже при попытке маскировки часть индивидуальных особенностей письменно - двигательного навыка может сохраняться. Поэтому задача эксперта состоит не

только в выявлении признаков необычности выполнения рукописи, но и в установлении устойчивых признаков, пригодных для идентификации исполнителя.

Развитие методик исследования намеренно изменённого почерка имеет практическое значение для расследования преступлений, связанных с изготовлением и использованием поддельных документов, мошенничеством и иными действиями, при которых рукописный текст или подпись могут иметь доказательственное значение.

Список использованных источников:

1. Анищенко, И. А. Почерковедение и почерковедческая экспертиза: рабочая тетрадь: учебно - методическое пособие для обучающихся учреждений высшего образования Министерства внутренних дел Республики Беларусь по специальностям 1 - 93 01 02 «Судебная экспертиза», 1 - 99 02 01 «Судебные криминалистические экспертизы» / И. А. Анищенко, А. Ф. Величкевич; под общ. ред. И. А. Анищенко. - Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2017. - 81 с.

2. ГОСТ 34938 - 2023. Межгосударственный стандарт. Судебно - почерковедческая экспертиза. Термины и определения. - Введ. 2024 - 01 - 01.

3. Почерковедение и почерковедческая экспертиза: подготовка к промежуточной аттестации. Часть 2: учебное пособие / Т. И. Исматова, С. В. Симонова, К. А. Новакова, Л. В. Самуйленко, С. О. Севостьянова, Д. Н. Сидоренко. - Волгоград: ВА МВД России, 2024. - 76 с.

4. Почерковедческое исследование // Судебно - экспертная коллегия. – Режим доступа: https: // www.sudexpert.by / kriminalisticheskie - issledovaniya / pocherkovedcheskoe - issledovanie.html (дата обращения: 19.09.2026).

© Лемачко А. В. 2026.

Моисеенко Е.А.
Должность: Юрист - эксперт
Место работы: ООО «Легалтэк»
г. Омск, Россия

«СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТАТЬИ «ЗАХВАТ ЗАЛОЖНИКА» В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН»

Аннотация

Статья посвящена сопоставлению норм об ответственности за захват заложника, действующих в России, Германии, Франции, США и Казахстане. Показано, что расхождения касаются не деталей санкций, а выбора охраняемого блага: российский законодатель отнёс состав к посягательствам на общественную

безопасность, тогда как европейские кодексы сохраняют его среди преступлений против свободы личности. Выявлены расхождения с Конвенцией 1979 года в круге адресатов требования, описании угрозы и основаниях освобождения от ответственности; сформулированы предложения по уточнению статьи 206 УК РФ.

Ключевые слова

захват заложника, статья 206 УК РФ, общественная безопасность, свобода личности, Конвенция 1979 года, сравнительное правоведение, похищение человека, деятельное раскаяние.

Захват заложника принадлежит к числу составов, пришедших в национальное право извне. До второй половины 1980 - х годов советское законодательство подобной нормы не знало. Ответственность впервые ввели в 1987 году статьёй 126.1 УК РСФСР, но первоначальная редакция воспроизводила ограничительное правило статьи 13 Конвенции 1979 года и потому не применялась к внутригосударственным ситуациям. Примечание исключили Законом Российской Федерации от 18 февраля 1993 года № 4512 - I, после чего число регистрируемых случаев резко выросло[13].

Отсюда главная особенность отечественной нормы: она формировалась как способ исполнить международное обязательство. Российский законодатель поместил состав в главу 24 УК РФ, тогда как большинство европейских кодексов сохранили его среди посягательств на личную свободу. Различие в размещении влечёт различия в объекте, моменте окончания и конкуренции со смежными составами, а значит, влияет на выдачу и правовую помощь по конкретным делам.

Конвенция о борьбе с захватом заложников принята в Нью - Йорке 17 декабря 1979 года и вступила в силу 3 июня 1983 года; СССР присоединился к ней Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1987 года № 6941 - XI[14]. Деяние описано через захват или удержание лица в сочетании с угрозой убить, нанести повреждение либо продолжать удерживать его, чтобы заставить третью сторону — государство, международную организацию, физическое или юридическое лицо, группу лиц — совершить действие или воздержаться от него как условие освобождения. Соучастие образует самостоятельное преступление, а наказания должны устанавливаться с учётом тяжкого характера посягательства

Деяние описано через захват или удержание лица в сочетании с угрозой убить, нанести повреждение либо продолжать удерживать его, чтобы заставить третью сторону — государство, международную организацию, физическое или юридическое лицо, группу лиц - совершить действие или воздержаться от него как

[13] Киселев Э. П. Возникновение и развитие уголовно - правовой нормы «захват заложника» в отечественном законодательстве // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 4 (36). С. 19 - 23. URL: https: // jurnauka - vipe.ru / media / filer _ public / 80 / f3 / 80f3dd69 - 2cca - 4967 - a701 - a801340d2fab / zhurnal _ 36 _ 19 - 23.pdf (дата обращения: 22.09.2026).

[14] Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (Нью - Йорк, 17 декабря 1979 г.). URL: https: // www.un.org / ru / documents / decl _ conv / conventions / hostages.shtml (дата обращения: 23.09.2026).

условие освобождения. Соучастие, в данном случае образует самостоятельное преступление, а наказания должны устанавливаться с учётом тяжкого характера посягательства.

Особого внимания заслуживает статья 13, исключающая применение Конвенции к сугубо внутренним ситуациям, когда преступление совершено в пределах одного государства, заложник и виновный — его граждане, а виновный находится на его территории. Данное правило, в большей степени адресовано механизму сотрудничества в рамках законодательства на международном уровне, а не национальному законодателю, однако в 1987 году его буквально перенесли в примечание к статье 126.1 УК РСФСР и тем самым ограничили реализацию нормы внутри страны.

Стоит отметить, что уголовное законодательство зарубежных стран по—разному регламентирует ответственность за захват заложника. Данная разнородность обусловлена различными факторами, например: культурными, историческими, политическими и социальными факторами, а также различиями в понимании категории «заложник» и связанных с ней преступных деяний. В большинстве стран мира захват заложника рассматривается как тяжкое преступление, что находит отражение в уголовных кодексах.

Уголовный кодекс ФРГ помещает захват заложника в раздел о преступлениях против личной свободы. Параграф 239b StGB предусматривает санкцию, в виде лишения свободы на срок не менее пяти лет того, кто похищает человека или завладевает им, чтобы угрозой смерти, тяжкого вреда здоровью либо лишения свободы свыше одной недели принудить самого потерпевшего или третье лицо к действию, терпению или бездействию, а равно того, кто использует созданное им положение для такого принуждения[15]. Отличий от российской нормы три: принуждаемым может быть сам потерпевший; угроза конкретизирована, прямо используется указание на заранее созданную обстановку, что снимает вопрос о моменте приготовления и окончания.

Французский кодекс не содержит статьи прямо регулирующей захват заложника, а идет через состав задержания, похищения или незаконного удержания, который закреплён статьёй 224.1 и наказывается двадцатью годами уголовного заключения, а при добровольном освобождении потерпевшего до истечения седьмого дня - пятью годами тюремного заключения и штрафом[16]. Статья 224.4 увеличивает наказание до тридцати лет лишения свободы, если лицо удерживалось именно в качестве заложника, с целью подготовки или облегчения преступления, для содействия бегству либо для получения исполнения приказа или условия, в том числе выкупа. Освобождение до седьмого дня без исполнения условия влечёт десять лет тюремного заключения.

[15] Strafgesetzbuch (StGB). § 239b Geiselnahme. URL: https: // www.gesetze - im - internet.de / stgb / _ _ 239b.html (дата обращения: 23.09.2026)
[16] Code pénal (France). Articles 224 - 1 - 224 - 4. URL: https: // www.legifrance.gouv.fr / codes / id / LEGIARTI000006417810 / (дата обращения: 23.09.2026).

Федеральное законодательство США помещает статью, регулирующую деяние по захвату заложника в параграф 1203 титула 18 Свода законов. Норма действует как внутри страны, так и за её пределами, охватывая захват или удержание лица, соединённое с угрозой убить, причинить вред либо продолжать удерживать, чтобы принудить третье лицо или правительственную организацию к действию или бездействию как условию освобождения; покушение и сговор наказываются наравне с оконченным деянием, санкция - лишение свободы на любой срок или пожизненно, а при наступлении смерти — смертная казнь либо пожизненное заключение. Данная статья, также закрепляет правила исключающие применение нормы к сугубо внутренним ситуациям[17].

Анализируя вышеуказанные нормы, можно выделить следующие расхождения:

Первое — адресат требования: законодательство ФРГ и американская нормы допускают принуждение самого потерпевшего либо описывают адресата широко, российская перечисляет его закрытым списком, оставляя открытым вопрос об иностранцах, лицах без гражданства и о требовании, обращённом к самому заложнику. Второе —поощрительная норма: российская норма наиболее радикальна, французское более взвешенно, а Германия и США обходятся общими институтами смягчения наказания, приближенными к международным стандартам.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что анализ вышеуказанных норм подтверждает, тот факт, что российская норма приближена к международному стандарту лишь отчасти. Состав нормы по захвату заложника построен на альтернативных действиях и специальной цели,имеет примечания в виде поощрительной нормы, однако в тоже время не содержит указания на угрозу, тогда как Конвенция 1979 года описывает деяние через взаимосвязь удержания и угрозы.

Расхождения с германским, французским и американским законодательством касаются трёх аспектов:прежде всего круга принуждаемых лиц, наличия угрозы среди признаков состава преступления и условий освобождения от ответственности.Модель статьи в законодательстве ФРГ более точно описывает объективную сторону, французское законодательство четко выстраивает поощрительную норму по смягчению наказания, американская норма отделяет состав и правила о юрисдикции.

В целях совершенствования нормы российского законодательства, регулирующие действия по захвата заложника, считаем практически целесообразным включить в статью 206 УК РФ признака угрозы, а также конкретизировать обусловливание примечания неисполненностью требования. Указанные изменения, могут помочь правоприменителям более точно квалифицировать деяния по указанной статье, а также разграничивать захват заложника со смежными составами УК РФ.

[17] 18 U.S. Code § 1203. Hostage taking. URL: https: // www.law.cornell.edu / uscode / text / 18 / 1203 (дата обращения: 23.09.2026).

Список использованной литературы:

1. Киселев Э. П. Возникновение и развитие уголовно - правовой нормы «захват заложника» в отечественном законодательстве // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 4 (36). С. 19 - 23. URL: https: // jurnauka - vipe.ru / media / filer _ public / 80 / f3 / 80f3dd69 - 2cca - 4967 - a701 - a801340d2fab / zhurnal _ 36 _ 19 - 23.pdf (дата обращения: 22.09.2026).

1. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (Нью - Йорк, 17 декабря 1979 г.). URL: https: // www.un.org / ru / documents / decl _ conv / conventions / hostages.shtml (дата обращения: 23.09.2026).

2. Strafgesetzbuch (StGB). § 239b Geiselnahme. URL: https: // www.gesetze - im - internet.de / stgb / _ _ 239b.html (дата обращения: 23.09.2026).

3. Code pénal (France). Articles 224 - 1 - 224 - 4. URL: https: // www.legifrance.gouv.fr / codes / id / LEGIARTI000006417810 / (дата обращения: 23.09.2026).

4. 18 U.S. Code § 1203. Hostage taking. URL: https: // www.law.cornell.edu / uscode / text / 18 / 1203 (дата обращения: 23.09.2026).

© Моисеенко Е.А. 2026 г.

Новак Ю.А.
ЧОУ ВО «Сибирский юридический университет»
г. Омск, Россия

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ ПОД ВИДОМ ТРУДОУСТРОЙСТВА В МОДЕЛЬНОМ БИЗНЕСЕ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО - ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация.
В статье исследуется проблема торговли людьми, маскируемой под трудоустройство в модельном бизнесе. Анализируются криминологические детерминанты (экономическая уязвимость, цифровизация вербовки) и уголовно - правовые аспекты квалификации по ст. 127.1 УК РФ. Выявляются сложности разграничения с вовлечением в занятие проституцией. Предлагаются направления совершенствования правоприменительной практики.

Ключевые слова: торговля людьми, модельный бизнес, вербовка, сексуальная эксплуатация, ст. 127.1 УК РФ, криминологическая характеристика, квалификация преступлений.

Модельный бизнес исторически остается одной из наиболее уязвимых сфер для торговли людьми. В 2026 году чешская прокуратура предъявила обвинения девяти лицам, связанным с порностудией: объявления о работе моделями скрывали

истинную цель набора, пострадавшими могли оказаться сотни женщин, обвиняемым грозит до 12 лет лишения свободы. [4] В Казахстане судят директора модельного агентства, отправлявшего девушек в сексуальное рабство в ОАЭ и Бахрейн под предлогом показов мод и фотосессий. [5] В России в 2017 году было возбуждено уголовное дело против жителя Москвы, который под видом кастинга в модельное агентство пытался продать трех женщин за 250 тысяч рублей.[3] Эти примеры демонстрируют устойчивость преступной схемы. Актуальность темы обусловлена необходимостью выработки эффективных уголовно - правовых и криминологических мер противодействия, а также сложностями квалификации, возникающими при маскировке торговли людьми под законную трудовую деятельность.

Модельный бизнес обладает рядом характеристик, делающих его идеальным прикрытием для торговли людьми. Во - первых, это высокая привлекательность для молодых женщин, мечтающих о карьере модели. Обещания показов мод, фотосессий, работы за границей создают мощный мотивационный эффект, снижающий критичность восприятия предложений. Как следует из официального доклада Государственного департамента США о торговле людьми (Trafficking in Persons Report): в модельной индустрии иностранные и американские гражданки могут быть «обманным путем завербованы с преувеличенными предложениями о работе и фальшивыми иммиграционными льготами», а торговцами выступают «рекрутеры и руководители модельных агентств». Во - вторых, асимметрия информации. Жертва не обладает достоверными сведениями о будущем работодателе, условиях труда и реальном характере деятельности. Российские правозащитные организации отмечают, что преступники маскируют свой бизнес под вывеской модельных, туристических, брачных агентств. В - третьих, транснациональный характер. Модельная карьера часто предполагает работу за рубежом, что позволяет преступникам использовать миграционные каналы и правовую неопределенность в стране назначения. В Санкт - Петербурге была пресечена деятельность группы, которая под видом модельного агентства отправляла девушек (включая несовершеннолетних) в Турцию, Дубай, Минск и Ниццу для оказания интим - услуг. Организаторы подделывали паспорта, изменяя возраст девушек для обхода уголовной ответственности клиентов.[6] В - четвертых, цифровизация вербовки. Социальные сети и онлайн - платформы позволяют преступникам массово размещать фальшивые объявления о наборе моделей, обеспечивая анонимность и широкий охват аудитории. Общественная организация «Взаимодействие» в 2024 году отмечала: социальные сети все чаще становятся инструментом для вербовки жертв через «фальшивые модели и кастинги».[7] В - пятых, экономическая уязвимость жертв. В условиях ограниченного доступа к достойной работе предложение «работы моделью» воспринимается как реальный социальный лифт. В ходе операции «Нелегал - 2009» на территории России было проверено более 35 тыс. мест компактного проживания иностранных граждан, 107 брачных и модельных агентств,

оказывающих посреднические услуги. Это свидетельствует о масштабах использования легальных организационных форм для прикрытия преступной деятельности.[8]

Основным составом, применяемым для квалификации рассматриваемых деяний, является торговля людьми (ст. 127.1 УК РФ). Диспозиция нормы охватывает куплю - продажу человека, иные сделки в отношении человека, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение. Ключевым элементом является цель эксплуатации, под которой понимаются использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, а также использование рабского труда и подневольного состояния. Однако правоприменение сталкивается с рядом проблем.

Первая проблема — доказывание цели эксплуатации. Торговля людьми считается оконченным преступлением с момента совершения действий, указанных в диспозиции, если они совершены в целях эксплуатации. Если вербовка осуществлялась под видом законного трудоустройства, но цель эксплуатации не может быть доказана прямыми доказательствами (жертва не была продана, не была принуждена к проституции), квалификация может быть затруднена. В деле 2017 года против жителя Москвы следователи установили цель продажи трех женщин за 250 тысяч рублей, однако сделка была прервана на стадии покушения. В таких случаях требуется совокупность доказательств: содержание переписки, показания свидетелей, характер договоров.[3]

Вторая проблема — разграничение с вовлечением в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ). Если вербовщик не продает женщину, а лишь склоняет ее к занятию проституцией через модельное агентство, возможна квалификация по ст. 240 УК РФ. Разграничение проводится по признаку наличия сделки в отношении человека или цели его эксплуатации как «товара». В деле Анастасии Якушевой (Санкт - Петербург, 2025) суд квалифицировал действия как организацию занятий проституцией и вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, а не как торговлю людьми, поскольку отсутствовала сделка купли - продажи как таковая.[6]

Третья проблема — несовершеннолетние жертвы. Если жертвой является несовершеннолетний, применяется квалифицированный состав (п. «б» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ). Однако на практике несовершеннолетние часто становятся объектом иных составов — вовлечения в занятие проституцией (ст. 240.1 УК РФ). В деле группы Якушевой несовершеннолетние девушки (15–17 лет) проходили медосмотр и размещались в интернете с поддельными документами о совершеннолетии, что требует комплексной уголовно - правовой оценки по совокупности преступлений.

Четвертая проблема — использование легальных агентств как прикрытия. Наличие зарегистрированного модельного агентства, лицензии на трудоустройство за рубежом и формально законных договоров создает видимость правомерной деятельности. В ходе проверок 2009 года деятельность, связанная с трудоустройством граждан РФ за пределами страны, подлежала лицензированию,

и лицензионный контроль осуществляла ФМС России. Однако специальных положений, касающихся защиты женщин и девушек от агентств по трудоустройству, занимающихся торговлей людьми, в законодательстве недостаточно.[8]

Пятая проблема — цифровые доказательства. Вербовка через социальные сети и мессенджеры требует сбора и процессуального закрепления электронных доказательств (переписка, объявления, данные геолокации). Это технически сложно и требует специальных познаний. Американские исследователи разработали ИИ - инструмент для выявления объявлений о работе, связанных с торговлей людьми, что подтверждает признание проблемы на международном уровне.

Торговля людьми под видом трудоустройства в модельном бизнесе представляет собой устойчивую криминальную схему, использующую привлекательность модельной карьеры, асимметрию информации и транснациональные миграционные потоки. Криминологические детерминанты включают экономическую уязвимость жертв, цифровизацию вербовки и использование легальных агентств как прикрытия. Уголовно - правовая квалификация по ст. 127.1 УК РФ сопряжена с проблемами доказывания цели эксплуатации, разграничения со смежными составами и оценки действий в отношении несовершеннолетних. Для повышения эффективности противодействия представляется необходимым: во - первых, усилить лицензионный контроль за деятельностью модельных агентств, оказывающих услуги по трудоустройству за рубежом; во - вторых, разработать методические рекомендации для следователей по доказыванию цели эксплуатации при вербовке под видом трудоустройства; в - третьих, обеспечить подготовку сотрудников правоохранительных органов в сфере работы с цифровыми доказательствами; в - четвертых, рассмотреть вопрос о дополнении ст. 127.1 УК РФ квалифицирующим признаком совершения преступления с использованием сети Интернет.

Список использованной литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63 - ФЗ (ред. от 2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Уголовно - процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174 - ФЗ (ред. от 2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

3. Следственный комитет Российской Федерации. В Москве следователи предъявили жителю столицы обвинение в торговле людьми [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // sledcom.ru / news / item / 1157495 / (дата обращения: 26.09.2026).

4. Чехия: сотрудники порностудии предстанут перед судом за торговлю женщинами [Электронный ресурс] // Euronews. – 2026. – 30 июня. – Режим

доступа: https: // ru.euronews.com / my - europe / 2026 / 06 / 30 / pered - sudom - za - torgovlyu - zhenshchinami (дата обращения: 26.09.2026).

5. Казахстан: Директора модельного агентства судят за отправку девушек в сексуальное рабство [Электронный ресурс] // Business and Human Rights Centre. – Режим доступа: https: // www.business - humanrights.org / ru / (дата обращения: 26.09.2026).

6. Российское «модельное агентство» отправляло несовершеннолетних девушек VIP - клиентам [Электронный ресурс] // kp.ru – 2025. – 3 марта. – Режим доступа: https: // www.kp.ru / online / news / 6259146 / (дата обращения: 26.09.2026).

7. Торговля людьми. Вербовка через социальные сети [Электронный ресурс] // Общественная организация «Взаимодействие». – 2024. – 20 ноября. – Режим доступа: https: // ngointeraction.org / (дата обращения: 26.09.2026).

8. Ответы Российской Федерации на перечень тем и вопросов в связи с рассмотрением объединенного шестого и седьмого периодических докладов: док. ООН CEDAW / C / USR / Q / 7 / Add.1 / Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Предсессионная рабочая группа, 46 - я сессия, 12–30 июля 2010 г. — Нью - Йорк: ООН, 2009. — URL: https: // fgbu - ac.ru / international _ obligations / 5 / 3 / 5 _ 171.N1027813.pdf#39#6 (дата обращения: 26.09.2026).

© Новак Ю.А., 2026

Новикова А.О.
магистрант ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ,
г. Красноярск, Россия
Научный руководитель: Сторожева А.Н.
кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ,
г. Красноярск, Россия

ИНСТИТУТ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ГРАЖДАН НА ЖИЛЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация

В статье сравнивается опыт отдельных государств в регулировании института права собственности граждан на жилые помещения. Особое внимание уделено изучению европейского администрирования жилого фонда. По результатам проведенного анализа выявлены пробелы в российском праве и сформулированы предложения по развитию в РФ института профессионального управления многоквартирными домами.

Ключевые слова

Право собственности, жилое помещение, зарубежное право, жилищное законодательство, сравнительный анализ, частная собственность.

В настоящее время все большую актуальность приобретает сравнительный анализ института права собственности граждан на жилые помещения, поскольку он позволяет ученым не только познать национальные особенности через изучение альтернативных правовых систем и обнаружить скрытые пробелы в отечественном законодательстве, но и обобщить передовой зарубежный опыт для формирования эффективных рекомендаций по его совершенствованию. Реализация перечисленных целей наглядно иллюстрируется конкретными примерами из мировой практики:

1. Осмысление национальных особенностей через изучение специфики функционирования альтернативных правовых систем. К примеру, в отличие от российской системы права, где владение жилым помещением носит абсолютный и бессрочный характер, англосаксонское право базируется на совершенно ином подходе. Здесь отсутствует так называемая концепция «единой собственности», а право на жилище расщеплено на титулы держателя и пользователя. Покупка жилого дома в Лондоне (Великобритания) означает не приобретение дома в бессрочное владение, а приобретение права на проживание в нем на фиксированный законом срок. В этом случае гражданин оформляет с собственником земельного участка договор долгосрочной аренды сроком на 99 или 999 лет. На данном примере становится понятно за счет каких уникальных механизмов другие мировые державы решают те проблемы, которые в РФ четко урегулированы нормами ГК и ЖК РФ.

2. Выявление пробелов в отечественном законодательстве. Проиллюстрировать процесс реализации данной цели можно на примере работы члена Научно - консультативного совета при Верховном суде РФ В.В. Долинской. Автор обосновывает важность проведения сравнительного анализа понятия жилого помещения как объекта жилищных и гражданских прав по законодательству РФ и стран СНГ. Доктор юридических наук, указывая на существующие дефекты ч. 2 ст. 15 ЖК РФ [1], выраженные в размытости формулировки критериев жилья, предлагает использовать зарубежные законодательные подходы для их устранения. По мнению автора, одним из удачных по большинству параметров для сопоставления является определение данное в п. 14 ст. 1 ЖК Республики Беларусь, где под жилым помещением понимается «помещение, предназначенное для проживания граждан, отапливаемое, имеющее естественное освещение и соответствующее санитарным нормам, правилам и гигиеническим нормативам, и иным техническим требованиям, предъявляемым к жилым помещениям» [2; 3 с. 131 - 132]. Цитируемая норма наглядно демонстрирует пример успешного преодоления тех законодательных дефектов, об устранении которых говорит В.В. Долинская. Заимствование физических критериев жилого помещения (отопление, освещение, гигиенические нормативы) из п. 14 ст. 1 ЖК РБ позволило бы усовершенствовать

содержание ч. 2 ст. 15 ЖК РФ, исключив необходимость расширительного толкования анализируемой нормы.

3. Обобщение передового зарубежного опыта для формирования эффективных рекомендаций по совершенствованию национального законодательства. Так, например, исторический опыт России и США предопределил совершенно разное отношение двух стран к вопросам управления и содержания жилым фондом [9]. Тем не менее на основе анализа и обобщения американского опыта организации кондоминиумов (форма совместного владения недвижимым имуществом, при которой управлением ведают сами собственники жилых помещений), российский законодатель закрепил в ст. 135 ЖК РФ институт товарищества собственников жилья [7].

Считаем, что сравнительный анализ института права собственности граждан на жилые помещения должен опираться на изучение правовых моделей развитых стран. Это позволит автору обобщить прогрессивный зарубежный опыт и разработать на его основе рекомендации по совершенствованию российского законодательства в исследуемой сфере. В этом случае необходимым видится привести актуальные данные об уровне владения частным жильем. Так, согласно информации, опубликованной на Международной экономической платформе «Trading Economics», в 2025 г. лидерами по уровню владения собственным жильем стали (доля населения указана в процентном соотношении): 1 место: Словацкая Республика – 93.8 %; 2 место: Румыния – 93.2 %; 3 место: Российская Федерация – 91.6 % [6]. Представленные данные свидетельствуют, что в мире институт собственности получил наибольшее развитие в правовых системах Словакии и Румынии, в связи с этим изучение законодательства именно этих государств представляет наибольший интерес для настоящего исследования.

Следует указать, что общность исторического генезиса института права собственности на жилье в Словакии, Румынии, РФ обусловлена масштабной приватизацией государственного сектора в 1990 - х гг. Данный процесс предопределил современную структуру рынка недвижимости, выведя указанные государства в число мировых лидеров по удельному весу частного жилого фонда (свыше 90 %). Необходимо отметить, что в указанных странах сформирован не только высокий уровень защиты прав граждан на жилье, но и минимальная доля социального найма с сложившимся приоритетом личного владения над арендной. Однако, из - за интеграции европейских стандартов (после 1990 - х гг.) институты владения жильем в Словакии и Румынии стали развиваться по отличным от России направлениям. Исследование этих особенностей открывает новые возможности для усовершенствования российского права, в связи, с чем специфика и

ключевые инструменты правового регулирования института данных государств обобщены в Рисунке 1:

Критерий сравнения	Словацкая Республика [4]	Румыния [5]
1) Правовое регулирование института права собственности на жилые помещения	1. Гражданский кодекс (только в части регулирования вопросов аренды жилых помещений). 2. Закон Словацкой Республики № 182/1993 «О собственности квартир и нежилых помещений». Основные положения: условия приобретения прав собственности на жилые помещения, фонд ремонта и содержания, управление многоквартирным домом.	1. Новый Гражданский кодекс (вст. в силу в 2011 г.). гласит, что любая передача прав на жилое помещение требует строгого нотариального удостоверения и регистрации в Поземельной книге. 2. Закон Румынии № 114/1996 «О жилье». Основные положения: порядок заключения, изменения и расторжения договоров найма жилья, права и обязанности собственников и жильцов; установление минимальных технических, санитарных требований и т.д.
2) Определение права собственности на жилые помещения	§ 1-2 Закона № 182/1993 предусмотрено абсолютное право на жилую единицу (квартира, дом, комната), неразрывно связанное с долей в общем имуществе дома и земельном участке. Собственник имеет полные и исключительные права на внутреннее изолированное пространство жилого помещения. Индивидуальное владение квартирой неразрывно связано с долей в общем имуществе здания. Владелец квартиры одновременно является совладельцем.	Ст. 555 ГК определяет содержание права частной собственности как исключительное, абсолютное и постоянное право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом. Ст. 885 ГК закрепляет ключевой принцип: право собственности на недвижимость юридически возникает только с момента его регистрации в Поземельной книге, а не в день подписания договора у нотариуса.
3) Регистрационная система и возникновение прав на жилые помещения	Согласно ГК возникновение, изменение или прекращение права собственности на жилые помещения происходит в момент внесения записи (вклада) в Кадастр недвижимости, а не в момент подписания договора. Запись имеет правообразующее значение.	Согласно ГК, право собственности на жилое помещение возникает строго с момента его внесения в электронный реестр Поземельную книгу. Запись имеет правоустанавливающий характер. Действует абсолютный принцип публичности реестра.
4) Статус общего имущества в многоквартирном доме	Закон № 182/1993. Общее имущество и неделимый земельный участок строго привязаны к площади квартиры. Отчуждаются только совместно. Приобретая квартиру в собственность, владелец получает её в единоличную собственность и одновременно приобретаете неотделимую долю в праве общей долевой собственности на общее имущество здания и прилегающий земельный участок.	Закон № 114/1996. Приобретая квартиру в собственность, владелец получает не только изолированное жилье, но и обязательную неделимую долю в праве общей долевой собственности на все здание и прилегающий земельный участок. Общее имущество выступает в качестве вспомогательного элемента по отношению к жилым помещениям и не может быть отчуждено отдельно от них.
5) Управление общим имуществом в многоквартирном доме	Решения по управлению, ремонту и использованию общего имущества принимаются на общем собрании собственников простым или квалифицированным большинством голосов, либо через создание товарищества, либо путем назначения профессионального управляющего. Управляющий нанимается по контракту для технического обслуживания, сбора денежных средств и ведения бухгалтерии. Обязан иметь профессиональный сертификат.	Деятельностью дома и контролем общего имущества занимается ассоциация собственников и нанимаемый управляющих. Управляющий нанимается по контракту для технического обслуживания, сбора денежных средств и ведения бухгалтерии. Обязан иметь профессиональный сертификат.
6) Ограничения прав и изъятие жилого помещения	Принудительное изъятие или ограничение прав на жилое помещение допускается исключительно в крайних случаях, строго в публичных интересах, с выплатой справедливой компенсации.	Принудительное изъятие или ограничение прав на жилое помещение строго под контролем Конституционного суда только для общественных нужд с обязательной справедливой выплатой компенсации.

Рисунок 1. Сравнительный анализ законодательного регулирования института собственности на жилые помещения в Словацкой Республике и Румынии
Источник: разработано автором

Из представленного анализа следует, что в Словакии и Румынии защита прав собственности имеет схожие черты. В названных странах регистрация прав на недвижимость осуществляется на основе внутренних государственных реестров. Это обеспечивает законность и прозрачность сделок, существенно снижая риски для добросовестных приобретателей. Дополнительной особенностью рассматриваемых европейских стран является достаточно развитый институт сертифицированных управляющих. Вектор правового регулирования здесь смещен в сторону самоорганизации собственников, чьи интересы представляет специальный субъект права – профессиональный управляющий, несущий юридическую и финансовую ответственность. Так, в Словакии и Румынии управлять домом может физическое лицо, получившее государственный сертификат. Для этого кандидат в несколько этапов сдает экзамен на знание технического регламента жилых зданий, бухгалтерского учета, ЖКХ и норм права. Институт профессиональной ответственности обязывает управляющего обеспечивать страховое покрытие своей деятельности. В случае причинения материального ущерба объекту недвижимости вследствие профессиональной небрежности (например, деформации несущих конструкций здания), финансовое

возмещение осуществляется за счет индивидуального страхового полиса управляющего, что исключает обращение взыскания на активы жильцов. Данная модель базируется на строгом функциональном разделении: управляющий выступает в роли квалифицированного менеджера, нанимаемого собственниками. В обязанности субъекта не входит непосредственное выполнение технических работ, функция заключается в конкурсном отборе профильных подрядных организаций, операционном контроле их деятельности и обеспечении абсолютной финансовой прозрачности перед собственниками квартир.

В отличие от европейской практики, российская система демонстрирует совершенно иной подход, где институт самоорганизации собственников жилья развит слабо, а управление фондом смещено в сторону управляющих компаний, деятельность которых отягощена рядом структурных проблем. Напомним, что сегодня в России лицензированию подлежит юридическое лицо (управляющая организация) и при формировании задолженности перед ресурсоснабжающими организациями такое лицо инициирует процедуру несостоятельности (банкротства), что неизбежно влечет за собой правовые и финансовые риски для собственников жилых помещений. В данном случае, опыт Словакии и Румынии указывает на целесообразность реформирования элементов ЖК РФ в части управления многоквартирными домами. В качестве оптимального направления реформирования управления в жилищной сфере выступает нормативное закрепление и развитие института сертифицированных профессиональных управляющих многоквартирным домом. Реализация данной модели в жилищном праве России требует проведения комплексной работы, включая внесение изменений в действующий ЖК РФ, а именно **необходимо**:

1. Дополнить ч. 2 ст. 161 ЖК РФ положением, относящимся к перечню способов управления МКД, зафиксировав в норме п. 4 «управление сертифицированным профессиональным управляющим» в качестве одного из обязательных к выбору вариантов.

2. Дополнить ЖК РФ отдельной главой «Статус и ответственность сертифицированного управляющего многоквартирным домом», включив в главу перечень статей, в частности:

2.1. Понятие и правовой статус сертифицированного профессионального управляющего.

2.2. Основания возникновения отношений по управлению многоквартирным домом.

2.3. Права и обязанности сертифицированного профессионального управляющего.

2.4. Финансовая и юридическая ответственность сертифицированного профессионального управляющего.

2.5. Саморегулирование и контроль в сфере профессионального управления.

Считаем, что разработанный автором комплекс мер (на примере зарубежного опыта) способствует стабилизации системы управления многоквартирными домами

и усилению гарантий правовой защиты собственников жилых помещений. В таких условиях именно развитие института сертифицированных профессиональных управляющих становится главным инструментом обеспечения баланса интересов всех участников жилищных правоотношений.

Список использованной литературы:

1. «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 188 - ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Справочно - правовая система «Консультант Плюс».

2. «Жилищный кодекс Республики Беларусь» от 28.08.2012 № 428 - З (принят Палатой представителей 31.05.2012 г. Одобрен Советом Республики 22.06.2012). URL: https: // pravo.by / document / ?guid=3871&p0=hk1200428 (дата обращения: 24.08.2026).

3. Долинская, В.В. Сущностные характеристики жилых помещений в законодательстве стран СНГ / В.В. Долинская // «Вектор юридической науки». Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 2. С. 131 - 138.

4. Адвокатская контора «AKMV»: «Договор о покупке жилого или нежилого помещения в Словакии», 20.12.2021. URL: https: // www.akmv.sk / ru / (дата обращения: 24.08.2026).

5. Юридическая фирма «Ветров и партнеры»: «Румыния. Право собственности, аренды, найма недвижимости». 2026. URL: https: // vitvet.com / articles / strany / romania / pravo _ sobstvennosti _ i _ arendy _ nedvizhimosti (дата обращения: 24.08.2026).

6. «Trading Economics»: «Таблица с фактическими значениями уровня владения жильем». 2026. URL: https: // ru.tradingeconomics.com / country - list / home - ownership - rate?continent=europe (дата обращения: 24.08.2026).

7. Косарева, Н.Б. Обобщение зарубежного опыта создания кондоминиумов / Н.Б. Косарева // Фонд «Институт экономики города». URL: https: // www.urbaneconomics.ru / en / node / 4520 (дата обращения: 24.08.2026).

© Новикова А.О., 2026

Попова У.А.
Магистрант Юридического института,
Иркутского государственного университета, г. Иркутска
Научный руководитель:
к.ю.н, доцент Юридического института,
Иркутского государственного университета, г. Иркутска Кузнецов Е.В.,

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЗАКАЗНЫХ УБИЙСТВ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности расследования заказных убийств как одной из наиболее сложных категорий преступлений, характеризующихся высокой степенью латентности, организованности и многоуровневой структурой взаимодействия участников. Раскрываются ключевые

элементы криминалистической характеристики заказных убийств, включая специфику мотивации, способы совершения, особенности личности исполнителей и потерпевших, а также типичные формы сокрытия следов. Анализируются тактические аспекты первоначального и последующего этапов расследования, в том числе значение осмотра места происшествия, реконструкции образа жизни потерпевшего, выявления посредников и использования оперативно - розыскных мероприятий. Особое внимание уделяется роли цифровых следов, межведомственного взаимодействия и построению доказательственной базы для установления причастности заказчика.

Ключевые слова: заказные убийства, расследование преступлений, криминалистическая характеристика, тактика расследования, оперативно - розыскные мероприятия, цифровые следы, посредники.

Заказные убийства относятся к числу наиболее опасных преступлений против жизни. Повышенная общественная опасность данной категории деяний сочетается с высокой латентностью, которая обусловлена предварительным планированием, целенаправленным сокрытием следов, распределением ролей между несколькими участниками и использованием профессиональных способов исполнения. Для подобных преступлений характерна сложная организационная структура, включающая заказчика, посредников и исполнителя, причём взаимодействие между указанными звеньями нередко строится по принципу максимального разобщения. Практика расследования показывает, что раскрытие таких деяний связано с существенными трудностями, поскольку организаторы заранее принимают меры к сокрытию как самого механизма преступления, так и связей между участниками.

Современное состояние правоохранительной практики требует рассматривать расследование заказных убийств как сферу, в которой одних традиционных следственных действий недостаточно. Эффективное раскрытие таких преступлений предполагает сочетание криминалистических средств, оперативно - розыскных мероприятий, межведомственного взаимодействия и учёта межрегиональных связей участников. В ряде случаев под преступлением, внешне сходным с бытовым либо эмоционально обусловленным лишением жизни, скрывается заранее подготовленное деяние, направленное на устранение лица, занимающего значимое положение в экономической, политической либо криминальной среде. Дополнительную сложность создают установление подлинного мотива и выявление лица, инициировавшего преступление, поскольку связь между непосредственным исполнителем и заказчиком обычно имеет опосредованный характер и проходит через цепочку посредников[18].

Настоящее исследование ориентировано на комплексный анализ особенностей раскрытия и расследования заказных убийств. В центре внимания находятся два

[18] Глазырин В. Ф. Особенности раскрытия заказных убийств на первоначальном этапе // Уголовное право и процесс. 2020. № 3 (45). С. 122.

взаимосвязанных направления. Первое связано с криминалистической характеристикой данной категории преступлений, включая особенности их структуры, типичные способы совершения и данные о личности заказчиков и исполнителей. Второе направление охватывает тактические аспекты расследования: проведение отдельных следственных действий в условиях дефицита исходной информации, использование оперативных данных при формировании доказательственной базы и установление роли каждого участника в многоуровневой преступной конструкции.

Криминалистическая характеристика заказных убийств представляет собой систему устойчивых признаков, позволяющих выявить особенности механизма преступления, типичные свойства участников, специфику следственной ситуации и наиболее распространённые способы сокрытия следов. Самостоятельное криминалистическое значение данной категории обусловлено наличием предварительной договорённости между участниками и чётким распределением функций. Указанные обстоятельства предопределяют высокий уровень организованности и одновременно снижают объём прямых следов, доступных для немедленного процессуального использования. Для следствия такое сочетание означает необходимость опоры на совокупность косвенных данных и аналитических связей между отдельными фактами.

По мнению отдельных исследователей, криминалистические данные о личности жертв заказных убийств, специфике самих преступников, типичных местах, приемах и орудиях их совершения дает возможность практическим сотрудникам более эффективно обеспечивать не только раскрытие подобных противоправных деяний, но и их предупреждение[19].

Анализ мотивационной основы заказных убийств показывает, что для них типична прагматическая направленность. Как справедливо отмечает Нечепаев В. В., доминирующим фактором в подобных случаях выступает стремление к получению конкретной выгоды, чаще экономической, реже политической либо криминальной[20]. Лишение жизни в данном случае используется как средство устранения препятствия, а не как реакция на внезапный конфликт. По этой причине для исполнителя обычно нехарактерна личная эмоциональная вовлечённость в отношения с потерпевшим. Подобная отчуждённость затрудняет установление связи между участниками преступления и требует от следствия обращения к непрямым способам выявления мотива и интересанта.

Андреев С. Т. обращает внимание на одну из ключевых особенностей расследования заказных убийств — институциональную изоляцию заказчика от непосредственного исполнения преступления. Лицо, инициировавшее

[19] Кузнецов Е. В. Пресечение убийств по найму как одна из форм профилактики данных преступлений / Е. В. Кузнецов, Д. В. Купин, В. А. Самсонов // Евразийский юридический журнал. 2019. № 3(130). С. 301.

[20] Нечепаев В. В. Пространственно - временные факторы при расследовании заказных убийств // Вопросы юриспруденции. 2021. № 6 (53). С. 319.

преступление, может не участвовать ни в подготовительных действиях, ни в самом факте лишения жизни, сохраняя контроль над процессом через посредников и дистанционные формы связи[21]. Такая структура воспроизводит признаки организованной преступной деятельности с выраженным распределением ролей и ограничением объёма информации, доступной каждому участнику. Для расследования указанное обстоятельство имеет принципиальное значение, поскольку прямой выход на заказчика в большинстве случаев отсутствует, а доказательственная работа строится через установление промежуточных звеньев.

Существенным элементом криминалистической характеристики выступает способ совершения преступления. Доровин С. А. указывает на устойчивую тенденцию к использованию огнестрельного оружия, в том числе оснащённого устройствами, снижающими звук выстрела, а также на выбор места совершения преступления вблизи места жительства потерпевшего либо на маршруте его регулярного передвижения[22]. Для действий исполнителя характерны кратковременность контакта с жертвой, высокая скорость реализации преступного умысла и немедленное сокрытие. Нередко применяются средства маскировки: поддельные регистрационные знаки, специальная одежда, предметы, препятствующие идентификации по биологическим и визуальным следам. Указанные признаки свидетельствуют о предварительной разведке, подготовке маршрутов отхода и стремлении максимально сократить следовую картину.

Важное место в криминалистическом анализе занимает личность потерпевшего. Во многих случаях объектом преступного посягательства становится лицо, обладающее значимым социальным, экономическим либо криминальным статусом. Кангезов М. Р. отмечает, что к числу типичных потерпевших относятся представители бизнеса, политики, журналистики и криминальной среды, чья деятельность связана с конкуренцией, конфликтом интересов либо риском разглашения значимой информации[23]. Изучение биографии потерпевшего, его профессиональных и личных связей, имущественных интересов, текущих конфликтов и долговременных противоречий позволяет выстроить версию о мотиве преступления и приблизиться к установлению заказчика. В делах данной категории анализ фигуры потерпевшего часто становится одним из основных направлений первоначальной следственной работы.

Типовая характеристика исполнителя также обладает рядом устойчивых признаков. Как правило, речь идёт о лице, имеющем криминальный опыт, нередко судимом, способном действовать последовательно, дисциплинированно и с высоким уровнем самоконтроля. Для такого субъекта характерны расчётливость,

[21] Андреев С. Т. Заказные убийства: проблемы расследования и предупреждения // Актуальные проблемы уголовного права. 2024. № 3 (70). С. 546.
[22] Доровин С. А. Особенности раскрытия и доказывания при расследовании убийств по найму // Уголовно - правовые исследования. 2023. № 7 (61). С. 201.
[23] Кангезов М. Р. Методика расследования убийств, совершённых по найму // Вестник криминалистики. 2021. № 5 (58). С. 294.

психологическая дистанцированность и точное следование заранее сформированному плану. Подобные свойства указывают на предварительную подготовку, возможную отработку отдельных действий и готовность действовать в условиях ограниченного времени. Для следствия данные особенности важны постольку, поскольку позволяют связывать способ совершения преступления с профессиональными навыками и прежним опытом исполнителя.

Механизм заказного убийства обычно носит системный и целенаправленный характер. В него входят наблюдение за потерпевшим, изучение его распорядка дня, определение наиболее уязвимых точек маршрута, выбор времени и места с минимальным уровнем контроля и ограниченным числом свидетелей. Совокупность таких действий свидетельствует о высокой степени планирования и о стремлении минимизировать влияние случайных обстоятельств. Именно плановый характер подготовки отличает заказное убийство от иных форм умышленного лишения жизни, возникающих в конфликтной либо ситуативной обстановке. Для криминалистической оценки данное различие имеет существенное значение, поскольку позволяет выстраивать следственные версии с учётом заранее организованного характера посягательства.

Первоначальная следственная ситуация по делам рассматриваемой категории обычно отличается выраженным дефицитом информации. После обнаружения преступления нередко отсутствуют очевидный мотив, непосредственные подозреваемые и надёжные свидетели, способные сразу указать на круг причастных лиц. Преступление совершается внезапно, без явной конфликтной предыстории, а связь между потерпевшим и исполнителем чаще всего отсутствует либо не прослеживается на поверхностном уровне. В таких условиях установление фигурантов невозможно без привлечения сложных аналитических, технических и оперативных средств[24]. Для следствия подобная ситуация требует быстрого формирования и проверки нескольких параллельных версий.

Тактические особенности расследования заказных убийств определяются высокой латентностью данной категории преступлений, сложной структурой соучастия и разобщённостью участников преступной деятельности. Для подобных дел характерны многоуровневая организация, распределение функций между заказчиком, посредниками и исполнителем, а также ограниченный объём информации, доступной каждому из них. Указанные обстоятельства существенно осложняют установление полной картины произошедшего и требуют от следствия сочетания процессуальных средств доказывания с оперативно - розыскным обеспечением, осуществляемым в установленном законом порядке. Расследование в таких условиях строится на последовательном накоплении разрозненных

[24] Кузнецов, Е. В. Оперативно - разыскные ситуации, возникающие при поступлении сообщения о покушении на убийство по найму, и действия сотрудников органов, осуществляющих оперативно - разыскную деятельность, по установлению соучастников данного преступления / Е. В. Кузнецов, Д. В. Купин // Алтайский юридический вестник. 2019. № 4(28). С. 116.

сведений, их аналитическом сопоставлении и проверке нескольких следственных версий[25].

Начальный этап расследования обычно проходит в условиях значительного дефицита информации. Во многих случаях отсутствуют очевидный мотив, достоверные сведения о круге причастных лиц и надёжная свидетельская база. По указанной причине первостепенное значение приобретает незамедлительная фиксация обстановки места происшествия, изъятие и исследование следов, а также своевременное получение данных с технических средств фиксации, расположенных вблизи места совершения преступления[26]. Особое значение имеют полнота осмотра, выявление нетипичных элементов обстановки и сохранение материальных, биологических и цифровых следов, пригодных для последующей идентификации участников преступления.

Одним из основных направлений первоначальной работы выступает изучение личности потерпевшего. Следствие устанавливает профессиональные, имущественные, деловые и личные связи, наличие конфликтов, участие в судебных спорах, долговых отношениях, а также факты возможного давления, угроз и иных форм воздействия, предшествовавших преступлению. Анализ образа жизни потерпевшего позволяет выявить круг лиц, объективно заинтересованных в его устранении, и определить вероятные мотивы преступления. В делах данной категории именно сведения о потерпевшем нередко становятся исходной основой для построения версии о заказном характере убийства.

Существенное значение имеет установление промежуточных звеньев между организатором и непосредственным исполнителем. Практика показывает, что именно посредники, курьеры, лица, обеспечивавшие связь, транспорт либо иные вспомогательные действия, могут обладать фрагментарной, но значимой информацией о преступной схеме. Для следствия такие фигуранты представляют интерес как источник сведений о характере взаимодействия между участниками, о времени подготовки преступления, о способах передачи указаний и о движении денежных средств. По этой причине работа по выявлению и процессуальной проверке роли промежуточных участников занимает важное место в структуре доказывания[27].

Отдельного внимания требуют допросы лиц из ближайшего окружения потерпевшего. Проведение таких следственных действий связано с необходимостью учитывать психологическое состояние допрашиваемых, их опасения за личную безопасность, а также возможную осведомлённость о конфликтной ситуации, лежащей в основе преступления. Получение достоверных

[25] Яковлев Д. Ю., Башенхаева С. П. Проблемы расследования заказных убийств в современной России // Российский юридический журнал. 2022. № 4 (71). С. 231.

[26] Белых М. М. Криминалистическая методика расследования убийств по найму // Журнал права и правоприменения. 2023. № 2 (66). С. 87.

[27] Булаева О. В. Специфика расследования убийств, совершённых по заказу // Криминалистика: теория и практика. 2020. № 1 (39). С. 74.

показаний в подобных условиях требует последовательной тактики допроса, ориентированной на уточнение фактических обстоятельств, проверку источников осведомлённости и сопоставление сообщаемых сведений с иными доказательствами. Для расследования важно не только содержание отдельных показаний, но и их согласованность с общей доказательственной картиной.

В современных условиях значительную роль играет анализ цифровой информации, имеющей значение для установления обстоятельств преступления и связей между его участниками[28]. К числу таких данных относятся сведения о телефонных соединениях, перемещениях, использовании электронных устройств, цифровых носителей и иных источников информации, получение и исследование которых осуществляются в рамках закона. Своевременность работы с такими данными имеет принципиальное значение, поскольку промедление способно повлечь утрату части доказательственной информации. Вместе с тем использование цифровых следов требует строгого соблюдения процессуального порядка их получения, фиксации и оценки.

В ряде случаев важное доказательственное значение приобретают сведения, полученные от лиц, располагающих информацией о криминальных связях, финансировании преступления либо порядке передачи указаний между участниками. Работа с подобными источниками требует строгого соблюдения требований закона, поскольку любые нарушения при фиксации и проверке полученных данных могут повлечь признание соответствующей информации недопустимой. Для суда значение имеет не сам факт сообщения определённых сведений, а их подтверждение совокупностью иных доказательств, полученных в предусмотренном законом порядке.

Таким образом, наибольшую сложность в делах о заказных убийствах представляет доказывание роли заказчика. Отсутствие его непосредственного участия в исполнении преступления и нередко полное отсутствие прямого контакта с потерпевшим обусловливают особый характер доказательственной деятельности. В подобных случаях обвинение, как правило, строится на совокупности косвенных, но взаимосвязанных данных: показаниях соучастников и посредников, сведениях о финансовых отношениях, материалах, подтверждающих заинтересованность в устранении потерпевшего, а также иных фактах, согласующихся между собой по времени, содержанию и направленности. Только системное соединение таких доказательств позволяет сформировать логически непротиворечивую конструкцию, достаточную для процессуального вывода о виновности организатора.

Следовательно, расследование заказных убийств относится к числу наиболее сложных направлений уголовно - процессуальной деятельности. Сложность обусловлена сочетанием высокой латентности, продуманного распределения ролей, ограниченного объёма первичной информации и целенаправленного

[28] Петросян М. А. Тактические особенности начального этапа расследования заказных убийств // Журнал современной юриспруденции. 2024. № 2 (80). С. 457.

сокрытия следов преступления. Эффективность расследования в подобных случаях зависит от полноты первоначальных следственных действий, качества анализа личности потерпевшего, своевременного выявления связей между участниками, надлежащего использования цифровой информации и последовательного построения доказательственной системы. При таком подходе раскрытие заказного убийства становится результатом не одного следственного действия, а длительной и методически выверенной работы по установлению всех элементов преступной организации и роли каждого её участника.

Список литературы

1. Андреев С.Т. Заказные убийства: проблемы расследования и предупреждения / С.Т. Андреев // Актуальные проблемы уголовного права. – 2024. – № 3 (70). – С. 544 - 549.

2. Белых М.М. Криминалистическая методика расследования убийств по найму / М.М. Белых // Журнал права и правоприменения. – 2023. – № 2 (66). – С. 84 - 89.

3. Булаева О.В. Специфика расследования убийств, совершённых по заказу / О.В. Булаева // Криминалистика: теория и практика. – 2020. – № 1 (39). – С. 74 - 78.

4. Глазырин В.Ф. Особенности раскрытия заказных убийств на первоначальном этапе / В.Ф. Глазырин // Уголовное право и процесс. – 2020. – № 3 (45). – С. 120 - 124.

5. Доровец А.П. Особенности расследования заказных убийств / А.П. Доровец // Аллея науки. – 2022. – № 6 (59). – С. 381 - 385.

6. Доровин С.А. Особенности раскрытия и доказывания при расследовании убийств по найму / С.А. Доровин // Уголовно - правовые исследования. – 2023. – № 7 (61). – С. 199 - 203.

7. Кангезов М.Р. Методика расследования убийств, совершённых по найму / М.Р. Кангезов // Вестник криминалистики. – 2021. – № 5 (58). – С. 293 - 297.

8. Кузнецов Е.В. Пресечение убийств по найму как одна из форм профилактики данных преступлений / Е. В. Кузнецов, Д. В. Купин, В. А. Самсонов // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 3(130). – С. 300 - 302.

9. Кузнецов Е. В. Оперативно - разыскные ситуации, возникающие при поступлении сообщения о покушении на убийство по найму, и действия сотрудников органов, осуществляющих оперативно - разыскную деятельность, по установлению соучастников данного преступления / Е. В. Кузнецов, Д. В. Купин // Алтайский юридический вестник. – 2019. – № 4(28). – С. 114 - 119.

10. Нечепаев В.В. Пространственно - временные факторы при расследовании заказных убийств / В.В. Нечепаев // Вопросы юриспруденции. – 2021. – № 6 (53). – С. 319 - 323.

11. Петросян М.А. Тактические особенности начального этапа расследования заказных убийств / М.А. Петросян // Журнал современной юриспруденции. – 2024. – № 2 (80). – С. 454 - 461.

12. Яковлев Д.Ю. Проблемы расследования заказных убийств в современной России / Д.Ю. Яковлев, С.П. Башенхаева // Российский юридический журнал. – 2022. – № 4 (71). – С. 231 - 235.

© Попова У.А., 2026

Рябокон О.С.
Воронеж, Россия

РАЗГЛАШЕНИЕ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ ЧЕРЕЗ ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИИ: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Аннотация: В статье рассматривается проблема квалификации передачи конфиденциальных сведений в сервисы генеративного искусственного интеллекта как разглашения коммерческой тайны. Автор анализирует подходы российской и зарубежной судебной практики, выявляя общие тенденции и национальные особенности. На основе проведенного исследования формулируются предложения по совершенствованию отечественного законодательства.

Ключевые слова: разглашение коммерческой тайны, искусственный интеллект, конфиденциальные данные, ответственность работника, сравнительный анализ.

Стремительное внедрение генеративных моделей искусственного интеллекта (далее – ИИ) в повседневную деловую практику породило новую категорию правовых споров, связанных с защитой конфиденциальной информации. Под генеративным искусственным интеллектом следует понимать системы, способные создавать новый текст, код, изображения или иной контент на основе анализа больших массивов данных.

Сотрудники, стремясь повысить эффективность выполнения рабочих задач, все чаще прибегают к помощи сторонних ИИ - сервисов. При этом многие не осознают, что сам факт загрузки корпоративных данных в такие системы может быть квалифицирован как разглашение охраняемой законом тайны. Масштаб проблемы подтверждается статистикой. Так, по данным IBM Cost of a Data Breach Report 2025, каждая пятая организация, столкнувшаяся с утечкой данных, связывает инцидент с теневым использованием ИИ [13]. Под теневым использованием понимается применение сотрудниками ИИ - сервисов без ведома и одобрения работодателя.

По данным отчета IBM «Cost of a Data Breach Report 2025», среднемировой размер ущерба от утечки данных составляет 4,44 млн долларов США. В организациях с высоким уровнем теневого использования ИИ (несанкционированного применения сотрудниками сторонних ИИ - сервисов) средние расходы на 670 тыс. долларов США превышают аналогичный показатель

организаций с низким или нулевым уровнем такого использования. Приблизительно 42 % соответствующих инцидентов приходится на веб - интерфейсы нейросетей [13].

А.О. Кулажина обращает внимание на то, что только 5,8 % приложений на базе больших языковых моделей явно раскрывают свои методы сбора данных, при этом некоторые собирают даже такую конфиденциальную информацию, как пароли [4, с. 198].

Ключевым для отечественной практики стало решение Бабушкинского районного суда города Москвы по делу № 02 - 1545 / 2026 [9]. Директор по продажам ООО «ГК ЭнергоПроф» была уволена по подп. «в» п. 6 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации [11] за разглашение коммерческой тайны. Суд отказал в признании увольнения незаконным, оставив его в силе.

В качестве одного из эпизодов суд рассматривал выгрузку внутренних отчетов из защищенной системы Power BI в чат - бот DeepSeek. Суд установил, что работник не имел производственной необходимости извлекать охраняемые сведения из внутренних ресурсов работодателя и передавать их на внешний, неконтролируемый ресурс. При этом суд прямо сослался на правовую позицию Конституционного Суда РФ, сформулированную в Постановлении от 26 октября 2017 года № 25 - П [8], согласно которой отправка информации с контролируемого работодателем адреса на внешний ресурс создает условия для ее неконтролируемого распространения. Сам обладатель информации утрачивает возможность в полной мере определять условия и порядок доступа к ней. Для квалификации действий работника как разглашения не требуется доказывать, что конкретное третье лицо фактически ознакомилось с переданной информацией. Достаточно установить, что информация вышла из - под контроля ее обладателя.

Как подчеркивает Е.А. Бойко, во время использования искусственного интеллекта и «кормления» его данными существует риск того, что часть этой информации может сохраниться на серверах ИИ и попасть в руки конкурентов или стать общедоступной [1, с. 241]. Именно этот подход был применен Бабушкинским судом к загрузке данных в сервис искусственного интеллекта.

Российский подход отличается решительностью. Так, суд не исследует, была ли фактическая утечка, а констатирует, что информация вышла из - под контроля обладателя. Это создает правовую определенность: для привлечения работника к ответственности достаточно самого факта загрузки данных в публичный ИИ - сервис, доказывать дальнейшее распространение информации не требуется. Работник, подписавший обязательство о неразглашении и ознакомленный с Положением о коммерческой тайне, несет ответственность за свои действия независимо от того, осознавал ли он техническую специфику ИИ - сервисов (ст. 10 Федерального закона от 29 июля 2004 № 98 - ФЗ «О коммерческой тайне» [7]). Незнание внутренних правил и непонимание рисков не освобождает от дисциплинарной ответственности, поскольку работник обязан соблюдать установленный работодателем режим конфиденциальности.

Насколько такой подход соотносится с зарубежной практикой? В США суды в 2025–2026 годах также начали формировать практику по аналогичным спорам, однако их подход характеризуется существенной фрагментацией.

Так, в деле Trinidad v. OpenAI федеральный суд Северного округа Калифорнии указал, что добровольная передача сведений в публичный ИИ - сервис, условия использования которого не предусматривают обязательств по сохранению конфиденциальности, лишает информацию статуса коммерческой тайны. Суд исходил из того, что истец, разрабатывая свои «протоколы и фреймворки» с помощью ChatGPT, добровольно раскрыла их OpenAI, не приняв разумных мер к сохранению их секретности. Авторы Troutman Pepper Locke прямо формулируют этот вывод: «сам акт использования ИИ - инструмента для создания чего - либо ценного может подорвать вашу способность защитить это от публичного раскрытия» [16, с. 1].

Аналогичный подход был применен в деле United States v. Heppner, где суд отметил, что коммуникации через платформу Claude не могут считаться конфиденциальными, поскольку политика конфиденциальности Anthropic предусматривает сбор данных пользовательских запросов и возможность их передачи третьим лицам. Как подчеркивает E. Elving, применение той же логики к коммерческой тайне позволяет признать, что компания, вводящая охраняемые сведения в публичный ИИ - инструмент, фактически раскрывает информацию внешней стороне и не предпринимает разумных усилий для сохранения ее секретности [14, с. 2].

Вместе с тем американская практика не является единообразной. В деле Warner v. Gilbarco (E.D. Mich. 2026) суд указал, что ChatGPT является «инструментом, а не лицом», и отказался признавать автоматический отказ от защиты. Аналогичным образом в деле Morgan v. V2X (D. Colo. 2026) суд отметил, что простая маршрутизация информации через стороннюю систему не лишает всех ожиданий приватности [16, с. 4 - 5].

Наконец, в деле West Technology Group v. Sundstrom (D. Conn. 2024) компания подала иск против бывшего сотрудника, который использовал ИИ - инструмент Otter для транскрипции конфиденциальных совещаний. Otter – это сервис автоматической расшифровки аудио в текст. Поскольку все записи сохранялись не во внутренней системе компании, а на сторонней платформе Otter, бывший сотрудник и после увольнения сохранил к ним доступ через свой личный аккаунт [15, с. 6]. Этот кейс демонстрирует второй вектор угрозы: ИИ - сервисы не только «принимают» данные, но и хранят их, создавая длительную утечку.

Таким образом, американская практика демонстрирует раскол. Одни суды признают использование публичного ИИ актом раскрытия (Trinidad, Heppner), другие – использованием инструмента (Warner, Morgan). Для работодателя это означает непредсказуемость: нельзя заранее определить, будет ли загрузка данных в ИИ признана разглашением.

Е.А. Нестеренко справедливо отмечает, что законодательство о коммерческой тайне недостаточно адаптировано к реалиям цифровой среды [6, с. 99]. В США этот пробел приводит к расколу в судебной практике. В России же суд выработал единый критерий – выход информации из - под контроля обладателя, что делает подход более предсказуемым. Тем не менее неопределенность сохраняется и в России. Практика пока единична, и нельзя исключать, что другие суды займут иную позицию. Кроме того, пока это судебное толкование, а не норма закона, что оставляет пространство для разночтений.

Техническая специфика ИИ - угроз заслуживает отдельного внимания. В отличие от классических каналов утечки, таких как личная электронная почта или съемный носитель, загрузка данных в ИИ - сервис часто не воспринимается сотрудником как нарушение. Классические средства защиты информации в этом случае оказываются бессильны: домен легитимный, TLS - соединение работает, вредоносной сигнатуры нет – но конфиденциальный документ уже ушел во внешний сервис [13]. Как отмечают М.Э. Егоров и Д.Е. Намиот, без эффективных методов автоматического обнаружения и классификации конфиденциальных данных организации рискуют столкнуться с утечками информации или несоответствием требованиям законодательства, поэтому технические и правовые меры должны применяться в комплексе [2, с. 113].

Показательным в этом контексте является и кейс Samsung, описанный в работах А.О. Кулажиной и Е.А. Бойко. В 2023 году инженеры компании загрузили в ChatGPT исходный код и протоколы внутренних совещаний, после чего компания была вынуждена запретить использование внешних ИИ - сервисов сотрудниками [1, с. 242; 4, с. 199]. Как отмечает О.В. Кравченко, подобные инциденты демонстрируют, что ошибки ИИ могут приводить к прямым убыткам и долгосрочному репутационному ущербу [3, с. 204]. Более того, статистика показывает, что проблема носит системный характер: почти у трети компаний, использующих ИИ, находят хотя бы один API - ключ или секрет в небезопасном месте – в конфигурациях, тестовых скриптах, рабочих станциях и Git - репозиториях [13]. API - ключ – это цифровой код доступа к сервису, фактически пароль для программы. Git - репозиторий – это хранилище исходного кода проекта с историей изменений.

Представляется, что назрела необходимость внесения точечных изменений в действующее законодательство. Правовой статус искусственного интеллекта в российском законодательстве до сих пор не определен, хотя на государственном уровне уже обозначена дефиниция ИИ в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [5]. Э.А. Устьян подчеркивает, что закрепленное в Национальной стратегии определение является крайне спорным и неоднозначным в силу недостаточной проработанности вопроса в научно - правовой среде [12, с. 105].

В этой связи статью 3 Федерального закона от 29 июля 2004 года № 98 - ФЗ «О коммерческой тайне» целесообразно дополнить следующим определением, прямо

указывающим на передачу сведений в сторонние информационные системы, включая сервисы генеративного искусственного интеллекта, как на одну из форм разглашения. Предлагается следующая формулировка: «Разглашение информации, составляющей коммерческую тайну – действие или бездействие, в результате которых информация, составляющая коммерческую тайну, в любой возможной форме (устной, письменной, иной форме, в том числе с использованием технических средств) становится известной третьим лицам без согласия обладателя такой информации либо вопреки трудовому или гражданско - правовому договору, в том числе передача, загрузка или обработка охраняемых сведений в сторонних информационных системах, не обеспечивающих конфиденциальность переданных сведений, включая публичные сервисы генеративного искусственного интеллекта, без письменного разрешения обладателя информации».

Такая формулировка, во - первых, прямо называет ИИ - сервисы каналом разглашения, во - вторых, не требует доказывать фактическую передачу третьим лицам, в - третьих, устанавливает обязанность работника получить разрешение работодателя перед загрузкой данных в сторонний сервис. При этом использование корпоративных версий ИИ, обеспечивающих конфиденциальность, не образует разглашения. Подобное уточнение не потребует создания нового правового института, однако следует признать, что рано или поздно формирование комплексного правового регулирования искусственного интеллекта станет неизбежным.

Таким образом, российская судебная практика демонстрирует более строгий и предсказуемый подход к квалификации загрузки данных в ИИ как разглашения коммерческой тайны: достаточно самого факта выхода информации из - под контроля обладателя. Американская практика, напротив, характеризуется расколом, что создает неопределенность для работодателей. Вместе с тем и в России сохраняется правовая неопределенность: практика пока единична, и нельзя исключать, что другие суды займут иную позицию. Кроме того, пока это судебное толкование, а не норма закона, что оставляет пространство для разночтений. В этой связи точечное дополнение ст. 3 Федерального закона «О коммерческой тайне» позволило бы устранить существующую неопределенность и обеспечило бы единообразное применение норм о дисциплинарной ответственности за разглашение коммерческой тайны.

Список использованных источников:

1. Бойко Е.А. Коммерческая тайна и искусственный интеллект: основные риски и их минимизация / Е.А. Бойко // Традиции и новации в системе современного российского права: материалы Международного конгресса молодых ученых. В 3 - х томах, Москва, 05–06 апреля 2024 года. Том 2. Гражданско - правовое направление. – Москва: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. – С. 241 - 243.

2. Егоров М.Э. Автоматизированное обнаружение и классификация конфиденциальных данных в облачных средах / М.Э. Егоров, Д.Е. Намиот // International Journal of Open Information Technologies. – 2025. – Т. 13. – № 11. – С. 112 - 125.

3. Кравченко О.В. Генеративный искусственный интеллект: правовые риски для бизнеса / О.В. Кравченко // Юридическая наука. – 2025. – № 11. – С. 201 - 206.

4. Кулажина А.О. Проблемы конфиденциальности данных в экосистеме GPT / А.О. Кулажина // Проблемы обеспечения верховенства закона: история и современность (Хвостовские чтения): сборник научных трудов по итогам IV Международной научно - практической конференции. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова - Тян - Шанского, 2025. – С. 198 - 200.

5. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.

6. Нестеренко Е.А. Защита коммерческой тайны в условиях цифровизации: проблемы правового регулирования и перспективы развития / Е.А. Нестеренко // Экономика и право. XXI век. – 2026. – № 1. – С. 97 - 100.

7. О коммерческой тайне: Федеральный закон Российской Федерации от 29 июля 2004 г. № 98 - ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. – 2004. – 5 августа. – № 166.

8. По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А.И. Сушкова: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2017 г. № 25 - П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2017. – № 6.

9. Решение Бубашкинского районного суда города Москвы от 14 августа 2026 по гражданскому делу № 02 - 1545 / 2026 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы: [сайт]. – URL: https: // mos - gorsud.ru / rs / babushkinskij / services / cases / civil / details / 734bd771 - a5b1 - 11f0 - 8575 - f172347ae468?caseNumber=№+02 - 1545 / 2026 (дата обращения: 25.09.2026).

10. Суд признал законным увольнение за загрузку коммерческих данных в DeepSeek // РАПСИ: [сайт]. – URL: https: // rapsinews.ru / moscourts _ news / 20260727 / 312063726.html (дата обращения: 25.09.2026).

11. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197 - ФЗ (ред. от 25.05.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 3.

12. Устьян Э.А. Понятие «искусственный интеллект»: от теории к правовому регулированию / Э.А. Устьян // Правовое регулирование экономической деятельности. ПРЭД. – 2023. – № 2. – С. 103 - 111.

13. Каждая пятая утечка уже связана с теневым использованием ИИ // Anti - Malware.ru: [сайт]. – URL: https: // www.anti - malware.ru / news / 2026 - 07 - 17 - 111332 / 50737 (дата обращения: 25.09.2026).

14. Elving E. Trade Secrets and Generative AI – Employers Should Remain Mindful of the Risks / E. Elving // Reinhart Boerner Van Deuren S.C. – 2026. – P. 1 - 3.

15. Hrdy C. A. AI Encyclopedia Entry: Trade Secrets / C. A. Hrdy // Elgar Concise Encyclopedia of Artificial Intelligence and the Law. – 2026. – P. 1 - 7.

16. Kramer J. Is Your AI Tool Quietly Destroying Your Trade Secrets? / J. Kramer, A. Lancey // Troutman Pepper Locke. – 2026. – P. 1 - 2.

© Рябокон О.С., 2026

Сакута В.М.
Студентка 4 курса БрГУ им. А. С. Пушкина
г. Брест, Республика Беларусь
Научный руководитель: Заранка И.А.
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
БрГУ им. А. С. Пушкина
г. Брест, Республика Беларусь

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ И ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация

В статье рассматриваются основные направления совершенствования методики расследования преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности. Анализируются особенности первоначального этапа расследования, выявления и фиксации следов преступления, проведения следственных действий, взаимодействия следственных и оперативных подразделений, а также использования современных информационных и криминалистических технологий.

Ключевые слова

Криминалистика, методика расследования, преступления против половой свободы, половая неприкосновенность, следственные действия, цифровые следы, криминалистическая техника.

Расследование преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности представляет собой одно из направлений криминалистической методики. Эффективность расследования во многом зависит от своевременности первоначальных следственных действий, правильного

определения обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию, а также взаимодействия различных субъектов расследования.

В процессе расследования необходимо установить факт совершения преступления, его место и время, данные о потерпевшем и предполагаемом преступнике, свидетелях, последствиях преступления и иных обстоятельствах. На первоначальном этапе особое значение имеют допрос потерпевшего, осмотр места происшествия, освидетельствование, изъятие предметов и одежды, содержащих возможные следы преступления, а также назначение необходимых экспертиз [4].

Особое внимание следует уделять обнаружению и фиксации материальных и идеальных следов преступления. К материальным следам могут относиться повреждения на теле и одежде потерпевшего, следы крови, биологических выделений, волос, повреждения предметов обстановки и другие объекты. Идеальные следы связаны с информацией, сохранившейся в памяти потерпевших и свидетелей. При осмотре места происшествия необходимо фиксировать даже незначительные обстоятельства, которые впоследствии могут иметь доказательственное значение [2; 3].

Важное значение имеет правильное разграничение следственного освидетельствования, медицинского освидетельствования и судебной экспертизы. Каждое из указанных процессуальных действий имеет собственное назначение и порядок проведения. Выбор конкретного действия должен определяться обстоятельствами расследуемого преступления и необходимостью получения соответствующей доказательственной информации [5].

При расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних необходимо учитывать возрастные и психологические особенности потерпевшего. Проведение следственных действий с участием ребенка требует особой тактичности и осторожности. В необходимых случаях целесообразно привлечение специалистов, в том числе врача и психолога, способных обеспечить эффективный контакт с несовершеннолетним и получение достоверной информации [1; 6].

Существенное значение имеет организация взаимодействия следственных и оперативных подразделений. Одной из эффективных форм такого взаимодействия является следственно - оперативная группа, в состав которой могут входить следователь, оперативный сотрудник и специалисты соответствующего профиля [7; 8]. Совместное планирование следственных действий и оперативно - розыскных мероприятий позволяет повысить эффективность расследования и сократить временные потери.

Особенно важным является своевременное проведение первоначальных следственных действий.

Задержка с осмотром места происшествия, изъятием одежды, проведением обыска или иных мероприятий может привести к утрате либо изменению доказательственной информации. Поэтому организация первоначального этапа

расследования должна основываться на принципах оперативности, последовательности и согласованности действий участников расследования [1; 8].

Современные условия требуют учитывать использование информационных технологий при совершении преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности. Социальные сети, мессенджеры и иные цифровые средства коммуникации могут использоваться для установления контакта с потерпевшими, в том числе несовершеннолетними. В связи с этим особое доказательственное значение приобретают цифровые следы, позволяющие устанавливать обстоятельства совершения преступления и данные о причастных лицах [2; 9].

Совершенствование методики расследования предполагает более широкое применение современных достижений криминалистической техники. К ним относятся средства обнаружения и фиксации следов, исследование ДНК - профиля, криминалистическая одорология, современные аппаратно - программные комплексы и иные специальные средства [1; 6]. Использование подобных технологий способствует повышению полноты и объективности расследования.

Одним из перспективных направлений является совершенствование криминалистического учета. Создание специализированных информационных баз позволяет сопоставлять имеющиеся сведения и устанавливать лиц, причастных к совершению преступлений, в том числе спустя значительный промежуток времени [6].

Таким образом, совершенствование методики расследования преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности должно осуществляться по нескольким взаимосвязанным направлениям:

- повышение эффективности первоначального этапа расследования;
- совершенствование тактики следственных действий;
- обеспечение взаимодействия следственных и оперативных подразделений;
- использование специальных знаний и современных криминалистических технологий;
- учет специфики цифровых следов.

Список использованной литературы:

1. Багмет, А. М., Бычков, В. В., Сажаев, А. М. Расследование изнасилования и иных насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних и (или) несовершеннолетними в составе группы. М.: ЮНИТИ - ДАНА, 2017. – 287 с.

2. Дубина, В. М. Проблемные вопросы правовой квалификации изнасилования // Борьба с преступностью: теория и практика. Могилев, 2014. – С. 26–28.

3. Зорин, Г. А. Тактический потенциал следственного действия: учебное пособие. Минск: БГУ, 1989. – 294 с.

4. Красненко, Е. В. Некоторые особенности расследования преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Вестник Национального Екатерининского института. 2016. № 2 (34). – С. 133–137.

5. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. Изд. 3 - е, перераб. и доп. М.: Юрист, 2004. – 734 с.

6. Ломакина, А. А. Методика расследования преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних: направления дальнейшей детализации // Вестник Краснодарского университета МВД Российской Федерации. 2019. № 4 (46). – С. 64–69.

7. Плеханов, А. В. Следственно - оперативная группа как одна из организационных форм взаимодействия органов следствия и дознания // Актуальные вопросы юридических наук. Челябинск, 2012. – С. 82–86.

8. Примаков, А. Н. Организация взаимодействия правоохранительных органов при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Известия Тульского гос. ун - та. Экономические и юридические науки. 2023. Вып. 3. – С. 105–112.

9. Стальбовский, В. В. Профилактика преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних в сети Интернет // Вестник Академии МВД Респ. Белар. 2016. № 2. – С. 89–92.

© Сакута В. М., 2026

Шелудкова Е.А.
студент, Сибирский юридический
университет (СибЮУ), г. Омск, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РУССКОМ ПРАВЕ: СО ВРЕМЁН ДРЕВНЕЙ РУСИ ДО АРТИКУЛА ВОИНСКОГО 1715 ГОДА

Аннотация

В статье исследуется эволюция института уголовной ответственности за должностные преступления с момента становления Древнерусского государства до реформ Петра I. На основе анализа ключевых памятников права (Русской Правды, Судебников 1497, 1550, 1589, 1606 гг., Соборного уложения 1649 года, Артикула Воинского 1715 года) прослеживается трансформация юридической мысли от частноправовой модели «кормлений» к публично - правовой модели государства. Исследование доказывает, что принятие Артикула Воинского 1715 года стало рубежным событием, ознаменовавшим окончательный отказ от системы «кормлений». Отдельно анализируется переход от возмещения частного ущерба к защите государственного интереса.

Ключевые слова

Должностные преступления, злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, Русская Правда, Судебник 1497 года,

Судебник 1550 года, Судебник 1589 года, Судебник 1606 года, Соборное уложение 1649 года, Артикул Воинский 1715 года.

THE EVOLUTION OF CRIMINAL LIABILITY FOR OFFICIAL CRIMES IN RUSSIAN LAW: FROM THE TIMES OF ANCIENT RUS' TO THE MILITARY ARTICLES OF 1715

Annotation

The article examines the evolution of the institution of criminal responsibility for official offenses from the formation of the Ancient Russian state to the reforms of Peter I. Based on the analysis of key legal monuments (Russian Truth, the Judicial Codes of 1497, 1550, 1589, 1606, the Cathedral Code of 1649, the Military Article of 1715), the transformation of legal thought from the private - law model of "feeding" to the public - law model of the regular state is traced. The study proves that the adoption of the Military Articles of 1715 was a turning point that marked the final abandonment of the "feeding" system. The transition from compensating for private damage to protecting the state interest is analysed separately.

Keywords

Official crimes, abuse of official powers, exceeding official powers, Russkaya Pravda, the Sudebnik of 1497, the Sudebnik of 1550, the Sudebnik of 1589, the Sudebnik of 1606, the Sobornoye Ulozhenie of 1649, the Military Articles of 1715.

Институты злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий выступают ключевыми антикоррупционными барьерами, чья историческая эволюция отражает генезис российской государственности.

Не смотря на то, что как самостоятельные составы преступлений злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий появляются лишь в Уголовном кодексе РСФСР в 1922 году, формирование института ответственности должностных лиц началось на ранних этапах российской государственности. Данным институтом пройден путь от отсутствия четких правовых границ властных полномочий до их строгой юридической формализации.

Не приходится говорить о злоупотреблении властью, анализируя время, когда люди жили общинно - родовым строем, что определяется обособленным укладом жизни племён и их совместной трудовой деятельностью. Поскольку община жила совместно и занималась коллективной трудовой деятельностью, обогащение одного за счет обнищания других привело бы к гибели всей группы. В тоже время, лидер группы не обладал публичными функциями, он всего лишь был первым среди равных. Кроме того, источником права в общинно - родовом строе выступали обычаи, которые являлись выражением воли самой общины, за нарушением этих обычаев следовало нарушение интересов своего рода.

По мнению Н.В. Просандеевой, уникальность родоплеменных отношений объясняется тем, что родовая община была местом особой символической работы, где за свой высокий статус племенных вождей нужно было «расплачиваться собой» и своими ресурсами. Обязанностью (вождей) было защищать интересы бедняков и клиентов, преподносить им дары при традиционных сборах пожертвований, по праздникам посылать им угощение, оказывать помощь вдовам, женить и выдавать замуж сирот и т. д. [12, с. 50].

В процессе консолидации и интеграции различных племенных союзов и территориальных образований формировались объективные предпосылки для становления государственности. При этом феномен злоупотребления властными полномочиями и проявления административного произвола обнаруживали себя в зачаточных формах еще на догосударственном этапе развития общества.

Институт дани являлся фундаментом ранней государственности восточных славян. Изначально выполнявший функцию контрибуции или добровольного дара вождю, с развитием аппарата принуждения он трансформировался в обязательный публичный налог. Однако отсутствие чёткой фиксации размеров податей создавало широкие возможности для злоупотребления властью со стороны княжеской администрации.

Советский историк С.В. Юшаков рассматривал раннюю дань не просто как налог, а как форму организованного насилия со стороны формирующегося класса феодалов.

Сбор дани вместе с так называемыми «примучиваниями» был ничем иным, как легализованным государственным аппаратом грабежом сельского населения. По мнению С.В. Юшкова, полюдье – это форма внеэкономического принуждения. Князь и дружина воспринимали подвластные территории исключительно как ресурс для кормления. Произвол заключался в отсутствии фиксированных норм: объём изъятия зависел от алчности конкретного сборщика («кормленщика») и его способности подавить сопротивление общины силой [16, ч. 2].

По мнению А.Е. Голикова, в Древней Руси дань была не просто налогом, а инструментом власти и управления. Подвластные князья и вожди путем оплаты дани великому князю Киевскому «откупались» от набегов, а также оплачивали свои более благоприятные условия жизни по сравнению с иными княжествами и племенами [7, с. 10].

События 945 года, связанные с жестокой казнью киевского князя Игоря древлянами вследствие его попытки повторного сбора дани, стали поворотным моментом в истории становления российской государственности. Данный инцидент обнажил системный кризис управления и неспособность архаичной системы «полюдья» обеспечить баланс между интересами центральной власти и выживанием общин. «Повесть временных лет» прямо указывает, что причиной восстания стало решение Игоря взять дань сверх положенного по настоянию своей дружины, завидовавшей богатству воеводы Свенельда: «…И послушал их Игорь – пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили

насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, – поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и похожу еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малой частью дружины вернулся, желая большего богатства…» [11].

Таким образом, специфика сбора дани делала её идеальным инструментом для злоупотребления полномочиями. Дань становилась средством злоупотребления властью, потому что она сочетала в себе неограниченное право на насилие и отсутствие финансовой отчетности.

Вдовствующая после смерти Игоря княгиня Ольга, провела первую в истории Руси административно - финансовую реформу, целью которой было не только упорядочивание государственной казны, но и пресечение должностного произвола.

Произошел отказ от устаревшей практики «полюдья» в пользу стационарной модели налогообложения. Был введен фиксированный размер дани – «урок». Распределение финансовых потоков было строго регламентировано: две части дани направлялись в великокняжескую казну (Киев), а третья часть в горд Ольги – Вышгород. Сбор налогов был обеспечен созданием сети опорных пунктов – «погостов» [15, с. 14]. Погосты функционировали не только как места складирования дани, а становились опорными пунктами княжеской администрации. Там находились тиуны (управляющие), которые принимали оброк. Это лишало местных племенных вождей возможности присваивать часть налога и оказывать давление на процесс сбора.

В период XII–XV веков на территории Древнерусского государства функционировал специфический административный институт, известный как «кормление». Данный механизм предполагал делегирование представителям княжеской власти (наместникам, волостям) ряда фискальных и судебных полномочий на местах. Финансирование деятельности этих должностных лиц осуществлялось не за счет казны, а посредством прямого содержания местным населением. Изначально задуманный как механизм материального обеспечения княжеских администраторов на местах, он объективно содержал предпосылки для трансформации в инструмент узаконенного произвола.

С.В. Юшков в своих научных трудах указывал, что система кормлений была не просто формой вознаграждения дружинников, а являлась ранним проявлением феодальной ренты, взимаемой с подвластного населения. Князь наделял своих представителей правом сбора налогов («полюдья») и осуществления суда. Местное население обязано было обеспечивать наместника («кормленщика») всем необходимым. Русская Правда фиксировала конкретные виды довольствия, например, вирник получал, кроме денег, солод, туши бараньи или говяжьи, сыр, хлеб, пшено, кур, рыбу, овес для лошадей [21, с. 286 - 288].

Таким образом, власть администратора на месте была неразрывно связана с его экономическим обеспечением за счет общины, что создавало прямую зависимость благосостояния чиновника от интенсивности поборов.

Проблема системы кормления заключалась в отсутствии четких временных рамок и механизмов контроля. Изначально предполагалось, что право на «корм» носит временный характер и связано исключительно с исполнением конкретных поручений князя.

Вместе с тем, кормленщики стремились продлить свое пребывание на территории, фактически оседая там. Это превращало их из временных управленцев в местных феодалов, эксплуатирующих доверенную им землю и людей.

Летописные источники и правовые памятники свидетельствуют о том, что представители власти часто брали значительно больше положенного, произвол становился нормой.

В целях предупреждения произвола Русской Правдой устанавливались точные размеры содержания представителей князя. Например, «вирнику взять 7 ведер солода на неделю, а также барана или полтуши говядины, или 2 ногаты; а в среду куна или сыр, в пятницу столько же, две куры ему на день, а хлебов 7 на неделю, а пшена 7 уборков, а гороха 7 уборков, а соли 7 голважень» [6, т. 4].

Размеры кормов и поборов наместника, тиуна и доводчика также были предусмотрены статьёй 2 Белозерской уставной грамоты 1488 г., статьёй 5 которой были предусмотрены сроки смены тиуна и доводчика: «а наместники тиунов и доводчиков до году не переменяют» [5, с. 59].

Анализ института кормления позволяет сделать вывод, что данная система, будучи экономически эффективной для раннего периода раздробленности, по своей сути являлась легализованной формой злоупотребления властью. Она создавала условия для бесконтрольной эксплуатации населения местными элитами, подрывала основы общинного самоуправления и тормозила развитие централизованного государства. В период функционирования системы кормления нарастала социальная напряженность, вызванная системными злоупотреблениями должностных лиц, которые использовали свои полномочия для личного обогащения в ущерб, как населению, так и казне. Осознавая неэффективность прямого контроля, великокняжеская администрация предпринимала попытку ограничить произвол - Иван III начал выдавать уставные и кормленные грамоты, которые законодательно фиксировали размеры поборов. Однако данные меры не привели к искоренению коррупции. Наиболее ярко неэффективность этих мер описана у В.О. Ключевского, который в своих трудах указывает, что защита населения от произвола через суд превращалась в бесконечную тяжбу: «…Установившийся способ защиты управляемых обществ от произвола управителей служил источником бесконечного сутяжничеств… наместники и волостели своими злокозненными делами опустошали много городов…» [8, ч. 2, лекц. XXXIX].

Изложенное доказывает, что даже при наличии норм в грамотах, судебный процесс против чиновников был настолько сложен и коррумпирован, что злоупотребления продолжались.

Институт уголовной ответственности за превышение должностных полномочий в отечественном праве берет свои истоки в период становления централизованного государства, а именно в Судебниках конца XV - XVI веков.

Первый кодифицированный акт общерусского значения – Судебник 1497 года, изданный при Иване III, заложил фундамент единой правовой системы. Данный документ преимущественно регламентировал сферу уголовного и уголовно - процессуального права, устанавливая единые правила для деятельности судебных инстанций. Именно в этом акте впервые была закреплена ответственность представителей власти за нарушение установленного порядка судопроизводства.

Центральным понятием, определяющим корыстный мотив должностного лица, выступал «посул». Согласно статье 1 Судебника судьям категорически запрещалось брать тайные вознаграждения («посулы») от сторон за выполнение своих функций или вынесение решения. Для представителей власти запрет брать взятки был предусмотрен статья 33, 34 Судебника [18].

Запрет посула означал отказ государства от легализации неофициальных судебных сборов. Если ранее получение «мзды» могло рассматриваться как часть дохода чиновника, то теперь это квалифицировалось как правонарушение против интересов государевой службы.

Несмотря на категорический запрет самого деяния, Судебник 1497 года еще не содержал четко прописанных уголовных санкций непосредственно для представителей власти за факт получения вознаграждения (взятки). Основной упор делался на процессуальную недействительность действий.

Согласно статье 19 Судебника («О неправом суде»), если судья выносил решение с нарушением установленных правил судебного разбирательства, такое судебное решение являлось недействительным, всё полученное на основании такого решения необходимо было вернуть, при этом судья и дьяк ответственности не несли [18].

Отсутствие личного наказания для представителей власти свидетельствует о том, что на данном этапе развития права государство больше заботилось о восстановлении справедливости между частными лицами, чем о публичном наказании представителя власти.

Дальнейшее развитие рассматриваемого института получило в Судебнике 1550 года времен Ивана IV Грозного, который систематизировал нормы о преступлениях против интересов службы, расширив перечень наказуемых деяний.

Во вводных положениях документа впервые дается определение субъекта преступления – «должностного лица». В терминологии того времени это были приказные люди. К данной категории относился широкий круг служилых людей, наделенных судебными прерогативами: бояре, окольничьи, дворецкие, казначеи и дьяки. Судебник представлял собой систему казуистичных предписаний, детально перечислявших конкретные виды правонарушений. Судебник устанавливал перечень преступных деяний против интересов службы, к которым относились: получение взятки («посула»), вынесение несправедливого или неправового

решения, халатное отношение к рассмотрению дела («некачественное рассмотрение»), фальсификация процессуальных документов (подделка списков и судебных протоколов). Санкции носили персонифицированный характер. Основной формой ответственности были имущественные взыскания в пользу истца, эквивалентные сумме иска. Мера наказания непосредственно за получение взятки оставлялась на единоличное усмотрение Государя [17].

В статье 1 Судебника 1550 года содержался для судей запрет брать за производство суда и ходатайств взятки, а также решать дело несправедливо из - за мести или дружбы со стороной. Если боярин, окольничий, дворецкий, казначей или дьяк примет решение без надлежащего разбора дела в суде, или выдаст правую грамоту, решение признается недействительным. При этом судьи ответственности не несут (статья 2 Судебника). Если боярин, окольничий, дворецкий, или дьяк получат взятку и вынесут неправовое решение и это подтвердится, вся тяжесть ответственности ложится на указанных судей и они уплачивают истцу всю сумму иска и возвращают в тройном размере все судебные издержки, понесенные истцом. Наказание взяточникам по усмотрению Государя (статья 3 Судебника). Статьей 4 Судебника была предусмотрена ответственность за подделку списка или записи дела не так, как было на суде за взятку. В таком случае на дьяка налагался штраф, удовлетворяющий истца, и он должен быть боярином посажен в тюрьму. Торговая казнь и битьё кнутом в качестве меры наказания были предусмотрены в случае неправильного подписания подьячим документа за взятку (статья 5 Судебника). Также в статье 7 Судебника был закреплён принцип обязательности рассмотрения жалоб, для чиновников, отказывающих в приеме жалобы или затягивающих её рассмотрение устанавливалась строгая ответственность в виде тюремного заключения. Если недельщик брал взятку для себя или для боярина, окольничего, дворецкого, казначея или дьяка, то за данное деяние было предусмотрено наказание в виде торговой казни, возврата взятки в тройном размере и увольнения из недельщиков (статья 32 Судебника) [19].

Таким образом, система санкций в Судебнике 1550 года стала более репрессивной по сравнению с актом 1497 года. Произошел переход от чисто компенсационного принципа (возмещение ущерба истцу) к публично - правовому (наказание виновного). Норма Судебника 1550 года превратили представителя власти из почти независимого феодала в подконтрольного государству чиновника, чья деятельность жестко ограничивалась процессуальными рамками и угрозой телесного наказания и лишения свободы.

Эволюция института уголовной ответственности за должностные правонарушения получила дальнейшее развитие в Судебнике 1589 года, принятом при Федоре Иоанновиче. Нормативный акт уделял приоритетное внимание регламентации деятельности ключевого сотрудника судебного аппарата того времени – надельщика. Законодатель выделил специфический перечень деяний, совершаемых данным лицом по службе и признаваемых преступными. К таким деяниям относились: неисполнение обязанностей по организации судебного

процесса; неправомерное задержание невиновных лиц; освобождение обвиняемого из - под стражи за взятку или без соответствующего судебного решения; халатность при исполнении обязанностей по аресту преступников. Система санкций, предусмотренная Судебником, носила комплексный характер. К надельщикам применялись следующие меры взыскания:

1) реституция – обязанность возместить истцу сумму заявленного иска;

2) штрафные санкции – возврат полученной взятки в трехкратном размере;

3) телесные наказания и лишение свободы – битьё кнутом и тюремное заключение [20, с. 186 - 196].

Важной особенностью правового регулирования того периода являлась концепция солидарной ответственности судебного персонала. Согласно нормам права судья в статусе боярина, дворецкого или земского судьи нес юридическую ответственность не только за законность и сроки вынесения собственного решения, но и за правомерность действий своих подчиненных – дьяков и подьячих (помощников судьи). В случае выявления нарушений со стороны помощника сумма иска делилась поровну: 50 % возмещал непосредственно судья из личных средств, а оставшуюся половину покрывал служащий – дьяк. Помимо материальной ответственности к непосредственному виновнику (дьяку, подьячему) применялись карательные меры в виде пожизненного лишения права занимать судебные должности и телесного наказания (битьё кнутом) [14].

Судебник 1606 года раскрывает новые виды правонарушений, что связано с усложнением структуры государственного и местного управления. Законодатель существенно расширил перечень противоправных деяний, совершаемых судебными служащими. К таким деяниям отнесены превышение судебными служащими полномочий в корыстных целях, незаконное получение пошлин, завышение сумм пошлин, взимание пошлин по тем делам, где они не предусмотрены. Особое внимание законодатель уделял противодействию коррупции именно в судебной системе [10, с. 172].

Соборное уложение 1649 года, принятое в правление царя Алексея Михайловича, является вершиной развития русского права допетровской эпохи. Это первый печатный свод законов, который систематизировал разрозненные указы и судебники. В условиях укрепления самодержавия и усложнения государственного аппарата Соборное уложение уделило особое внимание регламентации ответственности должностных лиц. В отличие от предыдущих кодификаций Соборное уложение выделило должностные преступления в самостоятельную категорию, распределив их по нескольким главам.

Анализ уголовно - правового статуса субъектов, осуществляющих правоохранительные функции в рамках Соборного уложения 1649 года позволяет констатировать высокую степень детализации составов должностных преступлений. Законодатель выделил представителей государственной службы в качестве специальных субъектов ответственности. Ключевое место занимала Глава VII «О службе всяких ратных людей», статья 22 которой содержала норму об

ответственности за превышение или злоупотребление должностными полномочиями. Значительный массив норм, касающихся злоупотреблений в сфере правосудия содержался в Главе X «О суде». Однако в тексте отсутствовал самостоятельный состав преступления «взятка». Отсутствие отдельной статьи о взятке не означает декриминализацию коррупции. Законодатель рассматривал получение вознаграждения не как самостоятельный деликт, а как способ (мотив) совершения иных должностных преступлений. Получение «посула» презюмировалоь как причина служебного подлога, вынесения неправосудного решения, волокиты по делу. Взяточничество выступало квалифицирующим признаком, усиливающим ответственность за основное деяние [9, с. 10].

Статья 6 Главы VII Соборного уложения 1649 года устанавливала ответственность ратных людей (военнослужащих), совершающих насильственные действия в отношении гражданского населения в период следования на государеву службу. Мера ответственности за данное деяние определялась судом дифференцировано, исходя из степени тяжести совершенного деяния («смотря по вине»). Помимо уголовного наказания, на виновного возлагалась гражданско - правовая обязанность по возмещению пострадавшей стороне причиненного материального ущерба в полном объеме. Статья 150 Главы X регламентировала ответственность высших должностных лиц (воевод, дьяков и приказных людей) за злоупотребление должностными полномочиями и причинение материального ущерба податному населению. В случае поступления жалобы (челобитной) от представителей любых сословий (городских или уездных жителей) на действия администрации в обязательном порядке проводилось официальное расследование («сыск») для подтверждения факта вымогательства («продаж») или насилия («насильства»). В случае доказанности вины («сыщется допряма»), все незаконно взысканные средства и компенсация нанесенного ущерба подлежали принудительному взысканию с чиновника в пользу пострадавшего лица. Помимо возмещения ущерба потерпевшему, с должностного лица взыскивался денежный штраф в пользу государственной казны («пеня») [13].

Норма статьи 150 Соборного уложения 1649 года демонстрирует зарождение принципа двойной ответственности должностного лица: перед пострадавшим лицом (возмещение вреда) и перед государством (штраф в казну).

Анализ положений Соборного уложения 1649 года позволяет прийти к выводу о том, что данный нормативный акт закрепил тенденцию к расширению системы должностных преступлений и впервые в истории создал системную и всеобъемлющую базу для борьбы с должностными преступлениями.

Эпоха Петра I характеризуется стремлением переломить традиционный уклад и модернизировать государственный аппарат. В условиях Северной войны и масштабных реформ борьба с должностными преступлениями приобрела характер государственной необходимости. Законодательство этого периода отличается беспрецедентной жестокостью и стремлением поставить интересы государства выше интересов личности.

В отличие от предыдущих эпох, где основным источником права были Судебники и Соборное уложение, Петр I инициировал создание специализированного военно - уголовного законодательства. Несмотря на то, что формально это был военно - уголовный кодекс, его нормы распространялись на все государственное управление, так как гражданское управление в России того времени строилось по военному образцу.

Первым кодифицированным актом, где были детально прописаны составы должностных преступлений, стал Артикул Воинский 1715 года. Основными видами преступлений против интересов службы стали следующие деяния.

Злоупотребление властью (Артикул 194) — использование служебных полномочий в корыстных целях. По данному Артикулу устанавливалась ответственность за хищение или нецелевое использование государственных средств. Состав деяния включал в себя присвоение (утаивание или кражу денег, находящихся в распоряжении должностного лица), растрату («к своей пользе употребит»); подлог в отчетности («в расходах меньше записано и сочтено будет, нежели он получил»). Ответственность несли лица, наделенные полномочиями по управлению государственными финансами («кто его величества или государственныя деньги в руках имея»). За злоупотребление властью для исполнителя предусматривалось суровое наказание в виде смертной казни через повешение («живота лишится и имеет быть повешенным»), смертная казнь в качестве наказания предусматривалась для лица, знавшего о преступлении, но не сообщившем о нем (укрывателя) [1], что демонстрирует крайнюю степень нетерпимости Петра I к расхищению казны.

Взяточничество (Артикул 184). Данное деяние заключалось в нарушении правил караульной службы, а именно самовольный пропуск лица через охраняемый пост («через караул») в места, где проход запрещен («где не надлежит пропускать»). Преступление совершалось путем использования должностным лицом своих властных полномочий вопреки интересам службы, преследуя корыстный мотив. В тексте корыстный мотив обозначен как получение «подарков, прибыли или пользы себе ради». За взяточничество предусматривалось наказание в виде смертной казни через повешение [2].

Подделка печатей, документов, фальшивомонетничество (Артикулы 199,201). Законодательство Петра I квалифицировало фальшивомонетничество как одном из тягчайших государственных преступлений. Смертная казнь путем сожжения полагалась за чеканку монет чужим штемпелем, примесь дешевых металлов в сплав или уменьшение веса монеты. Единственным исключением являлся «весовой подлог» (обрезание монет), за который полагалось лишение имущества и чести, но не смертная казнь. За подделку печатей, документов и финансовой отчетности наказание варьировалось от телесных наказаний и лишения чести до полной конфискации имущества и смертной казни. Мера наказания определялось судом в зависимости от тяжести обмана, размера причиненного ущерба [3].

Лжеприсяга (Артикул 196). Данное деяние рассматривалось в качестве тяжкого преступления против правосудия и интересов государственной службы. Предполагалось, что ложная клятва чиновника подрывала основы государственного правосудия. Лжеприсяга наказывалась отсечением двух пальцев и каторгой. Если же ложная клятва привела к казни или разорению невиновного, преступник карался смертью (Артикул 197) [4].

Анализ положений Артикула Воинского позволяет заключить, что для данного нормативного акта характерна исключительная жестокость наказания, преследующая цель общего и специального предупреждения. В Артикуле Воинском законодатель впервые в истории России предпринял попытку систематизировать должностные преступления, отделив их от общеуголовных.

Проведенный историко - правовой анализ эволюции института должностных преступлений в русском праве позволяет сделать вывод о поступательной трансформации правовой природы данных деяний. Эволюционный процесс характеризуется переходом от частноправовой модели (эпоха Древней Руси и феодальной раздробленности), где злоупотребление властью рассматривалось как частный деликт и нарушение интересов конкретного лица, к публично - правовой модели абсолютистского государства. Петр I ввел законодательное регулирование, где наказание за казнокрадство стало неотвратимым и демонстративно жестоким, что заложило основы современной антикоррупционной политики.

Список использованной литературы:

1. Артикул Воинский 1715 года. Артикул 194. URL: https: // constitution.garant.ru / history / act1600 - 1918 / 2008 / ?ysclid=munt79t9y5830155225 (дата обращения: 28.09.2026).

2. Артикул Воинский 1715 года. Артикул 184. URL: https: // constitution.garant.ru / history / act1600 - 1918 / 2008 / ?ysclid=munt79t9y5830155225 (дата обращения: 28.09.2026).

3. Артикул Воинский 1715 года. Артикулы 199, 201. URL: https: // constitution.garant.ru / history / act1600 - 1918 / 2008 / ?ysclid=munt79t9y5830155225 (дата обращения: 28.09.2026).

4. Артикул Воинский 1715 года. Артикулы 196, 197. URL: https: // constitution.garant.ru / history / act1600 - 1918 / 2008 / ?ysclid=munt79t9y5830155225 (дата обращения: 28.09.2026).

5. Белозерская уставная грамота 1488 года // «Российская юстиция». 2006 г. № 10. С. 59 - 60 Доступ из ЭПС «Система ГАРАНТ».

6. Библиотека литературы Древней Руси:учебное пособие / под. ред. Д. С. Лихачева. Санкт - Петербург: РАН. Институт русской литературы (Пушкинский дом), 1997. Т. 4. 685 с. URL: https: // azbyka.ru / otechnik / Istorija _ Tserkvi / biblioteka - literatury - drevnej - rusi - tom - 4 / 14#source (дата обращения 17.09.2026).

7. Голиков А. Е. Исторический опыт противодействия коррупции в военной организации государства: военно - правовой аспект // Военно - юридический журнал. 2014. № 2. С. 10 - 14.

8. Ключевский В. О. Русская история: полный курс лекций. Москва: АСТ; Минск: Харвест, 2002. Т. 2, 592 с. URL: https: // azbyka.ru / otechnik / Vasilij _ Klyuchevskij / kurs - russkoj - istorii - chast - 2 / 7#source (дата обращения: 17.09.2026).

9. Ларин В.Ю. Историческое развитие уголовно - правового статуса сотрудника органов внутренних дел с XI до XX века // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 9 - 13. // eLIBRARY.RU: научная электронная библиотека. URL: https: // elibrary.ru / item.asp?id=21853790&ysclid=mup8e2lv7m174265677 (дата обращения: 23.09.2026).

10. Однодворцева Е. А. История развития российского законодательства об ответственности за должностные преступления // Криминологический журнал. 2023. № 3. С. 171 - 175. // eLIBRARY.RU: научная электронная библиотека. URL: https: // elibrary.ru / item.asp?id=54774922&ysclid=mup892r6pl161400375 (дата обращения: 23.09.2026).

11. Повесть временных лет / Пер. Д. С. Лихачева. Санкт - Петербург: Вита Нова, 2012. 507 с. URL: https: // azbyka.ru / otechnik / Nestor _ Letopisets / povest - vremennyh - let / #source (дата обращения: 16.09.2026).

12. Просандеева Н. В. Противодействие коррупции: правовые системы в истории // История государства и права. 2014. № 2. С. 50 - 54.

13. Соборное уложение 1649 года: Комментарий / под ред. Г.В. Абрамовича. Ленинград: Наука: Ленингр. отделение, 1987. 448 с. URL: https: // azbyka.ru / otechnik / Istorija _ Tserkvi / sobornoe - ulozhenie - 1649 - goda / #source (дата обращения: 25.09.2026).

14. Судебник царя Фёдора Иоанновича 1589 г. URL: https: // ru.wikisource.org / wiki / Судебник _ царя _ Фёдора _ Ивановича _ 1589 _ г. / Текст _ Судебника?ysclid=mujwte5rfg136038448 (дата обращения: 23.09.2026).

15. Федорова М. Е., Сумникова Т. А. Хрестоматия по древнерусской литературе: учебное пособие. Москва: Высшая школа, 1974. 263 с.

16. Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI - X вв.): учебное пособие. Санкт - Петербург: Санкт - Петербургский государственный университет, 1996. 512 с. URL: https: // azbyka.ru / otechnik / Istorija _ Tserkvi / rabstvo - i - dannichestvo - u - vostochnyh - slavjan - 6 - 10 - vv / 2 (дата обращения: 16.09.2026).

17. Чистякова О. И. Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. Москва: Юридическая литература, 1985. 521 с. URL: https: // djvu.online / file / Ds2Zitd2uvMBk?ysclid=mup7datkq9700455717 (дата обращения: 21.09.2026)

18. Чистякова О. И. Судебник 1497 года, выверенный по изданию Российское законодательство X–XX вв. учебное пособие. Москва: Юридическая литература, 1984. URL: https: // nnov.hse.ru / ba / law / igpr / sudebnik1497? ysclid=mujfus8dwy 350286458 (дата обращение: 21.09.2026).

19. Чистякова О. И. Судебник 1550 года, выверенный по изданию Российское законодательство X–XX вв. Москва: Юридическая литература, 1984. URL: https: // nnov.hse.ru / ba / law / igpr / sudebnik1550?ysclid=mujv9h2s5a998318810 (дата обращения 21.09.2026).

20. Чупова М. Д. Забытые Судебники (1589 и 1606 / 07) // История государства и права. 2017 № 2. С. 184 - 207. // eLIBRARY.RU: научная электронная библиотека. URL: https: // elibrary.ru / item.asp?id=28943806 (дата обращения: 23.09.2026).

21. Юшков С. В. Общественно - политический строй и право Киевского государства: учебное пособие. Москва: Государственное издательство юридической литературы, 546 с. URL: https: // djvu.online / file / t7ijco4wgbnst?ysclid=mucs2dhbva998406208 (дата обращения: 16.09.2026).

© Шелудкова Е.А., 2026

СОДЕРЖАНИЕ

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

Рожков Г.О., Бобохонов Д.Х.
ИССЛЕДОВАНИЕ КАЧЕСТВА СНА
В ПЕРИОД ЭКЗАМЕНАЦИОННОЙ СЕССИИ 5

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Заречнов Ю.Н.
МОТИВАЦИЯ ПЕДАГОГОВ
К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ РАЗВИТИЮ
В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 15

Звягин А. И.
ИНТЕРАКТИВНЫЕ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ
ФОРМИРОВАНИЯ КИБЕРГИГИЕНЫ И ПРОФИЛАКТИКИ
ВОВЛЕЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ В ДЕСТРУКТИВНЫЕ СООБЩЕСТВА 25

Зеленков Н. И.
ПРИМЕНЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ
ТЕХНИКО - ТАКТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ В БАСКЕТБОЛЕ 27

Никитин А.В.
ОСОБЕННОСТИ КОНТРОЛЯ
СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ БАСКЕТБОЛИСТОВ В ЗАЩИТЕ 31

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Невенчанный С.В.
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ
СТРУКТУРНО - УРОВНЕВОЙ МОДЕЛИ
ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КРИТИЧНОСТИ МЫШЛЕНИЯ 39

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Митьковский Н. А.
ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ
ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРПАВ РЕБЕНКА
В КОНТЕКСТЕ БАЛАНСА С ПРАВАМИ РОДИТЕЛЕЙ 49

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ананьева П.А., Малышев Д.Д.
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФЕОДАЛИЗМА
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕРМАНИИ И РУСИ 59

Малышев Д.Д., Ананьева П.А.
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИСПАНСКОЙ РЕКОНКИСТЫ 66

ТЕХНИЧЕСКСИЕ НАУКИ

Тверская С.Ю.
АППАРАТНО - ПРОГРАММНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННО - ИЗМЕРИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ДЛЯ СИНХРОННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ЭЭГ И КОНТРОЛЯ ПАРАМЕТРАМИ АКУСТИЧЕСКОЙ СРЕДЫ 74

Цгоев Т.Ф.
КОМПЛЕКС МЕРОПРИЯТИЙ ПО МИНИМИЗАЦИИ ВЛИЯНИЯ НЕГАТИВНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ФАКТОРОВ И ОБЕСПЕЧЕНИЮ ВЫСОКОГО УРОВНЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 78

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Жэнь Хунюнь
КУЛЬТУРНАЯ САМОИДЕНТИЧНОСТЬ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ ЗА РУБЕЖОМ:СОЦИАЛЬНО - ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ 86

Стребков А. И.
КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА 90

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гоголев И.С., Бреусова Е. А.
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЦЕЛЕВЫХ ПРОГРАММ 95

Гомонова В.М., Бреусова Е.А.
СЛОЖНОСТИ В УПРАВЛЕНИИ МУНИЦИПАЛЬНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ 97

Камалова Д.Р.
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОВ ОПТИМИЗАЦИИ СТРУКТУРЫ КАПИТАЛА В ООО «АС ИНЖИНИРИНГ» 99

Кузьмина Е.А., Черкесова Э.Ю.
К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ 101

Мадатян А.М.
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АЛГОРИТМА ОЦЕНКИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В АО «ПИК ИНДУСТРИЯ» 104

Оразалина А.Ф.
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИКИ УПРАВЛЕНИЯ ДЕНЕЖНЫМИ ПОТОКАМИ В ООО «СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЙ ЗАСТРОЙЩИК «БАСТИОН»» 106

Щербакова Е.П., Петрухнова К.А.
ВНЕДРЕНИЕ АЛГОРИТМОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМУ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ КОМПАНИИ 108

Семенихина А.В., Черкесова Э.Ю.
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ
РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ 113

Шафигуллин Д.Е.
ГИСП И ОТРАСЛЕВАЯ ЦИФРОВАЯ ПЛАТФОРМА:
ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СРАВНЕНИЕ
В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ 115

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Беликова Я.С.
ОТЛИЧИЕ ОБЫСКА ОТ ДРУГИХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ 124

Гераськин А.В.
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА НЕОТЛОЖНЫХ
СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ 132

Дембовский С.П.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ
АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 136

Кожевников А.К.
ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ
ЕДИНЫХ ПУНКТОВ ПРИЗЫВА В ГОРОДАХ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА МОСКВЫ): ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ И МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПРИЗЫВНИКОВ 138

Курманова А.Р.
ОЦЕНКА РАСХОЖДЕНИЙ МЕЖДУ ПРОТОКОЛОМ И АУДИОЗАПИСЬЮ
СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ОСНОВАНИЙ
ДЛЯ ОТМЕНЫ ИЛИ ИЗМЕНЕНИЯ ПРИГОВОРА 144

Лемачко А. В.
УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТА ВЫПОЛНЕНИЯ РУКОПИСИ
НАМЕРЕННО ИЗМЕНЕННЫМ ПОЧЕРКОМ 148

Моисеенко Е.А.
«СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТАТЬИ «ЗАХВАТ ЗАЛОЖНИКА»
В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
И В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН» 152

Новак Ю.А.
ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ ПОД ВИДОМ ТРУДОУСТРОЙСТВА
В МОДЕЛЬНОМ БИЗНЕСЕ:
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО - ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ 156

Новикова А.О.
ИНСТИТУТ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ГРАЖДАН
НА ЖИЛЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ 160

Попова У.А.
ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЗАКАЗНЫХ УБИЙСТВ 165

Рябокон О.С.
РАЗГЛАШЕНИЕ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ ЧЕРЕЗ ГЕНЕРАТИВНЫЙ ИИ:
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА 173

Сакута В.М.
АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИКИ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ
И ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ 179

Шелудкова Е.А.
ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДОЛЖНОСТНЫЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РУССКОМ ПРАВЕ: СО ВРЕМЁН ДРЕВНЕЙ РУСИ
ДО АРТИКУЛА ВОИНСКОГО 1715 ГОДА 182

АГЕНТСТВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ И ВСЕРОССИЙСКИЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ
https://ami.im/aktual-konference

Авторам предоставляются
- Сборник статей (УДК, ББК и ISBN, открытый доступ, elibrary.ru)
- Индивидуальный сертификат участника
- Благодарность научному руководителю (при наличии)
- Программа научно-практической конференции

Условия публикации
- Соблюдение требований к материалам https://ami.im/trebovaniya-k-oformleniyu/
- Организационный взнос 120 руб. за стр.
- Минимальный объем статьи 3 страницы.

Сроки публикации и рассылки
- Электронные варианты на сайте в течение 3 дней после конференции.
- Рассылка электронных вариантов в течение 5 дней после конференции
- Печатные экземпляры, при заказе, будут высланы в течение 7 дней после конференции.

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ НОВАЯ НАУКА: ОТ ИДЕИ К РЕЗУЛЬТАТУ
https://ami.im/nnoikr

ISSN 3034-2198

Авторам предоставляются
- Сборник статей (ISSN, открытый доступ, elibrary.ru)
- Индивидуальное свидетельство автора
- Благодарность научному руководителю (при наличии)

Условия публикации
- Соблюдение требований к материалам https://ami.im/trebovaniya-k-oformleniyu/
- Организационный взнос 120 руб. за стр.
- Минимальный объем статьи 3 страницы.

Сроки публикации и рассылки
- Электронные варианты на сайте в течение 3 дней после окончания приема материалов.
- Рассылка электронных вариантов в течение 5 дней после окончания приема материалов

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ НОВАЯ НАУКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
https://ami.im/nnpip

ISSN 3034-218X

Авторам предоставляются
- Сборник статей (ISSN, открытый доступ, elibrary.ru)
- Индивидуальное свидетельство автора
- Благодарность научному руководителю (при наличии)

Условия публикации
- Соблюдение требований к материалам https://ami.im/trebovaniya-k-oformleniyu/
- Организационный взнос 120 руб. за стр.
- Минимальный объем статьи 3 страницы.

Сроки публикации и рассылки
- Электронные варианты на сайте в течение 3 дней после окончания приема материалов.
- Рассылка электронных вариантов в течение 5 дней после окончания приема материалов

Научное издание **Scientific publication**

УРАЛЬСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

Сборник статей
по итогам
Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием

04 октября 2026 г.

В авторской редакции

Авторы дали полное и безоговорочное согласие по всем условиям Договора о публикации материалов, представленного по ссылке https://ami.im/avtorskiy-dogovor/

Подписано в печать 05.10.2026
Формат 64x90/16.
Печать: цифровая.
Гарнитура: Tahoma
Усл. печ. л. 12,00.
Тираж 500.
Заказ 1124.

In the author's edition

The authors gave full and unconditional consent to all the terms of the Agreement on the publication of materials presented at the link https://ami.im/avtorskiy-dogovor/

Signed for printing on 05.10.2026
Format 64x90/16.
Printing: digital.
Typeface: Tahoma
Conv. print l. 12.00.
Circulation 500.
Order 1124.

АГЕНТСТВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
https://ami.im **e-mail: info@ami.im**

AGENCY OF INTERNATIONAL RESEARCH
+7 347 29 88 999

Отпечатано в издательском отделе
АГЕНТСТВА МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
450057, г. Уфа, ул. Пушкина 120

Printed by the publishing department
AGENCIES OF INTERNATIONAL RESEARCH
450057, Ufa, st. Pushkin 120